Ю. К. Худенский (Штейн)

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Свет в конце тоннеля

Екатеринбург, 2011

УДК 550.83
ББК 79 (кр)
Х92

ISBN

Х92 Страницы жизни. Свет в конце тоннеля. Ю. К. Худенский (Штейн). Под редакцией Н. Ю. Алексеевой. Екатеринбург, 2011. 196 с.

Печатается с сохранением авторской орфографии

ISBN

© Ю. К. Худенский (Штейн), 2011

Содержание

Предисловие 5
Страницы жизни 9
Школьные годы *10*
Учеба и работа на ФТФ *18*
Эффект Титова 38
Предыстория развития сцинтилляционной техники на Урале 46
Результаты моей изобретательской деятельности 57
Сцинтилляционные детекторы *58*
Термоиндикаторные, электрохромные и электрофлорные покрытия и композиции *63*
Биологически активные вещества *75*
Успехи уральской школы люминесценции 91
История рода Худенских 93
Моя бабушка *96*
Мой отец *105*
Баллада о жизни (статья о К. В. Худенском) 108
От «Пионера» и «Салюта» до победного салюта 116
Моя мама *125*
Триады моей жизни 129
Мой гуру Эрнст Флориан Винтер 138
Вальтер Иоганнес Штайн – создатель психофизики как основы современной психотронной техники *140*
Жак Бонвале 151
Фотоматериалы из жизни Ю. К. Худенского (Штейна) 158
Воспоминания друзей, коллег, учеников 170
Ю. К. Кунцевич о Ю. К. Худенском *170*
Воспоминания Лидии Николаевны Пушкиной *171*
Товарищ детства военной поры (автор Д. В. Воробьев) *172*
Один из моих учителей (Автор Елена Вольф) *177*

Воспоминания Ольги Борисовны Зиновьевой 178
Воспоминания ветерана Шевкета Усеиновича Факидова 181
Воспоминания Сергея Валентиновича Ленского 187
О друзьях (Ю. К. Худенский).....189
От семьи Шубиных 191
От Валерия Алексеевича Волчанского-Руруа.....193
Просветленный 194

Предисловие

Настоящая книга посвящена описанию жизни Ю. К. Худенского, – человека необычной яркой судьбы. Он родился 3 июня 1931 года в Москве. Окончил школу с отличными оценками по всем предметам и получил высшее образование в Екатеринбурге в УПИ им. С. М. Кирова (диплом с отличием), где и начал свою трудовую деятельность на физтехе УПИ им. С. М. Кирова (ныне УрФУ им. Первого президента России Б. Н. Ельцина). Начало деятельности было кратким, около 4 лет, но исключительно успешным, можно сказать, беспримерным для кафедры экспериментальной физики ФТФ. Успешной была и вся продолжающаяся и сегодня деятельность Ю. К. Худенского и в России, и в Украине, и в Австрии, и в Германии, и в Италии, и в контакте с французами. Об этом можно прочесть в настоящей книге. Талант и упорство – залог успеха, но этого мало. Говорят, что талантливым людям помогает всегда попутный ветер, помогает потому, что они знают, куда плыть, и даже при неудачах не теряют оптимизма.

В настоящем предисловии будет выделен период деятельности Ю. К. Худенского, связанный с работой в УПИ, потому что именно этот период нам особенно дорог.

Юрий Константинович Худенский закончил кафедру молекулярной физики ФТФ УПИ им. С. М. Кирова в 1955 году. С июля по август 1955 года после защиты дипломной работы «Сцинтилляционный гамма-спектрометр» (руководитель д.ф.-м.н. Ибрагим Гафурович Факидов, завлабораторией ИФМ УФАНа), он был направлен на практику-стажировку в Германскую Демократическую Республику на комбинат «Карл Цейсс». Он прошел стажировку под руководством зав. кафедрой геофизики Института Земли Лейпцигского университета академика Р. Лаутенбаха. По окончании практики до зачисления на работу на физтех Ю. К. Худенский находился в отпуске.

В октябре 1955 года Ю. К. Худенский был зачислен на должность инженера-исследователя кафедры № 24 (экспериментальная физика). В декабре 1955 года он был переведен на преподавательскую должность, на должность ассистента кафедры № 24, а новый 1956 год встретил уже в должности старшего преподавателя той же кафедры. Вся педагогическая деятельность старшего преподавателя Ю. К. Худенского проходила на кафедре экспериментальной физики. Она продолжалась не более

четырех лет, была яркой, насыщенной и весьма результативной, однако в 1959 году по состоянию здоровья он уехал на лечение в Харьков.

Ему было поручено чтение курсов «Электроника ядерных физических установок», «Дозиметрия» и «Радиометрия ядерных излучений», а также руководство курсовым проектированием студентов 4 и 5 курсов и дипломным проектированием студентов 6 курса. Он руководил преддипломной практикой студентов в Институте геофизики и Институте физики металлов УФАН, в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова, Институте проблем теорфизики имени Л. Д. Ландау и в ФИАН имени П. Н. Лебедева. Юрий Константинович руководил производственной практикой студентов на ряде базовых предприятий, таких как Новосибирский завод № 92, Электростальский металлургический завод, Пензенский завод счетно-аналитических машин.

В 1956 – 57 годах руководимая им группа дипломников кафедры № 24 в составе Владимира Уткина, Игоря Ребрина, Ивана Нагибина, Евгения Панкова и Виктора Жунтова за время курсового, преддипломного проектирования и выполнения дипломных проектов изготовила действующую установку 64- и 128-канального сцинтилляционного гамма-спектрометра. Эта работа была в 1958 году награждена золотыми медалями на конкурсе студенческих дипломных работ (проектов) Министерства высшего и среднего образования СССР. По итогам этой успешной деятельности Юрий Константинович опубликовал в мае 1958 года в журнале «Высшая школа» статью «За комплексное и реальное проектирование». После того, как молодые специалисты Ю. Н. Ребрин и В. И. Уткин продолжили работу в ИГФ УрО РАН, данное направление во многом определило развитие поисковой ядерной геофизики в СССР, а В. И. Уткин спустя годы стал директором ИГФ УрО РАН.

В начале 1957 года Ю. К. Худенский, оставаясь на должности старшего преподавателя кафедры № 24, был назначен по совместительству на должность начальника дозиметрической службы (дозслужбы) УПИ имени С. М. Кирова. В течение 1957 года сотрудники дозслужбы исследовали технические характеристики сцинтилляционных приборов: радиометров, дозиметров и спектрометров гамма-излучения, изготовленных собственными руками в рамках служебной деятельности.

Организации работы дозслужбы уделялось большое внимание со стороны руководства института. Ей был выделен целый ряд помещений на 4-м этаже физтеха. В этих помещениях были оборудованы радиохимическая лаборатория для определения содержания различных изотопов в биологических материалах, в тканях растений и животных, а также химическая лаборатория по определению неактивных ионов металлов в осадках, проточных и сточных водах. Лаборатории были оборудованы манипуляторами для работы с радиоактивными веществами, которые позволяли изготавливать эталонные образцы для радиохимических исследований. В специальных вытяжных шкафах стояли муфельные печи, которые позволяли переводить биологические образцы в золу и улавливать загрязненные жировые и летучие продукты при сожжении проб.

Лаборатории были снабжены установками для получения сверхчистой воды вплоть до радиохимической степени очистки с использованием соответствующих сорбентов. В лаборатории работали старшие преподаватели: Дариенко Евгений Петрович, Штольц Альберт Константинович, инженер Пушкина Лидия Николаевна и учебный мастер Меркурьев Игорь Иванович. Для руководства работами в области радиохимии привлекалась к.х.н. Кира Всеволодовна Каковская. Дозслужба работала в тесном контакте с облСЭС и ее руководителем С. И. Трейгером Взаимодействие с органами КГБ, МВД и др. осуществлял старший инженер Вадим Васильевич Ткачев – первый заместитель Ю. К. Худенского.

Работники дозиметрической службы постоянно выполняли работы по радиационному мониторингу местности, по обнаружению забытых и утерянных источников излучения, выезжали на аварии, связанные с разливом и рассыпанием радиоактивных веществ. К моменту катастрофы в ноябре 1957 года на комбинате «Маяк» дозслужба УПИ имени С. М. Кирова была одной из самых оснащенных лабораторий данного направления. Именно она осуществила экспедицию по определению западной границы восточно-уральского радиоактивного следа (ВУРС) в районе Березового Увала около Верхней Сысерти, озера Багаряк и берегов реки Синара до ее впадения в реку Исеть у города Каменск-Уральский.

Еще в начале 50-х годов Ю. К. Худенский начал устанавливать контакты с медиками. Так уже в 1953 и 1954 учебных годах студенты-

экспериментаторы 4-х и 5-х курсов физтеха руководитель группы Л. Н. Новиков и Ю. К. Худенский осуществили внедрение сцинтилляционной установки в медицинскую практику для локализации опухолей головного мозга человека в свердловском госпитале инвалидов ВОВ. Общее руководство работой со стороны медиков осуществлял профессор Давид Григорьевич Шефер – зав. кафедрой нейрохирургии мединститута. Клиническое руководство работой осуществляла доктор Ангелина Николаевна Ильницкая, ей помогал врач Семен Исаакович Спектор. Эта медицинская группа обратила внимание на состояние здоровья Ю. К. Худенского, связанное с обострением вегето-сосудистой дистонии под влиянием облучения. Д. Г. Шефер обратился к профессору Евгению Васильевичу Пальмову (которому подчинялась дозслужба УПИ) и предложил направить его на обследование и лечение в Харьковский институт медицинской рентгенологии, куда Ю. К. Худенский уехал в 1959 году. Но он еще вернется на Урал…

В книге автор очень трогательно пишет о своих родителях, об истории рода Худенских и Штейнов, о друзьях, о встречах с интересными людьми, о крупных событиях мирового масштаба, все читается интересно.

Чл.-корр. РАН В. И. Уткин

Страницы жизни

Я, Штейн (Худенский) Юрий Константинович, родился 3 июня 1931 года в Москве в родильном доме, примыкавшем к Главному госпиталю Красной армии в Лефортово. Факт рождения был зарегистрирован после переезда нашей семьи в г. Люберцы Московской области, где я окончил первый класс школы и был в августе 1941 г. эвакуирован на Урал.

До эвакуации образцом жизни для меня был мой дядя Юрий Семенович Штейн, который до этого времени окончил Люберецкий аэроклуб (куда его за руку привел Владимир Константинович Коккинаки, известный тогда пилот), летное училище истребителей в г. Армавире и Школу воздухоплавания в Подмосковье. С дядей я встречался в Москве после войны до летного происшествия 1947 года, где он погиб, будучи штурманом ИАП 741, награжденным орденами Боевого Красного Знамени.

В 1949 г. я окончил 10 ж/д среднюю школу в Свердловске и поступил в УПИ им. Кирова на ФТФ, который окончил в 1955 г. после практики в ГДР на комбинате «Карл Цейсс» в Йене. В 1955-1959 гг. Работал в УПИ начальником дозиметрической службы и преподавал на кафедре экспериментальной физики ФТФ УПИ. С 1959 г. работал в Харькове в НПО «Монокристалл» МХП СССР, а также в лаборатории в Физико-техническом институте низких температур Академии наук Украины. Там я принимал участие в создании детекторов излучений и биологически активных веществ (БАВ), отмеченных более 50 авторскими свидетельствами, а также в пуске производств в Новомосковском химкомбинате (Украина) и Кироваканском химкомбинате по производству лазерных кристаллов в Армении. В 1981 году я вернулся на кафедру радиохимии ФТФ УПИ им. Кирова, где проработал до 1992 года. В 1992 году по указанию первого президента России Б. Н. Ельцина и руководителя его администрации Ф. М. Морщакова был отправлен для обучения в Дипломатическую академию Австрийской Республики (ДААР). В 1995 г. после завершения обучения вернулся в Екатеринбург и принимал участие в подготовке и осуществлении работ на Лайском комплексе по производству свинины. Во время проведения этих работ нами были получены авторские свидетельства на более чем 60 БАВ и методик их применения в сельском

хозяйстве. Одновременно я принимал участие в работе Антидопингового комитета Олимпийского комитета России совместно со специалистами Олимпийского комитета Германии. Часть работ была использована впоследствии в военной медицине при операции наших войск в Республике Афганистан. На практике разработанные нами БАВ использовались для повышения уровня радиационной защиты в ракетных войсках и космонавтике. Эти работы мы проводили под руководством генерал-майора Ивана Павловича Неумывакина в Институте авиационной медицины.

Школьные годы

Мы, местный житель уралец Дима Воробьев и два на тогдашнем военном детском сленге «выковырянных», Алька Нордстрем из Ленинграда и я, Юра Худенский из Москвы, познакомились на задворках привокзальной мельницы, где на ж/д ветке, ведущей от старого свердловского вокзала на заводскую площадку завода № 50 имени Свердлова, отстаивались после разгрузки товарные вагоны. Там на полу после разгрузки оставались кусочки дисков жмыха, который был основной добавкой к муке при выпечке грубого черного военного хлеба, за 150 граммами дневной нормы которого к 8 утра каждого дня мы бежали в хлебный магазин на улице имени все того же Якова Свердлова. Был большой соблазн не рассосать эту хлебную пайку, когда тащился домой. Жмых, собранный с пола вагонов, был дополнительным питанием. Толстые железнодорожные охранники в тулупах, – «козлы», как их именовала народная молва, – не пускали к вагонам взрослых, но закрывали глаза на детей, которые, ползая по полу, набивали карманы жмыховой крошкой. Крупные кусочки можно было потом, как конфету, сосать целый день во время уроков в школе.

Мы попали весной сорок второго года учиться в первый “А” класс первой ж/д школы на улице Мамина-Сибиряка. Теперь это школа № 30 имени Бельтикова. Нашей классной руководительницей была молодая учительница Елена Николаевна. Светловолосая и голубоглазая, наша защитница от всех бед была похожа на женщину с замечательного плаката «Родина-Мать». Она звала нас на всякие добрые дела, из которых самыми важными были поход в привокзальную вошебойку и коллективная поездка на трамвае № 5 до площади 1905 года в столовую за суфле с бидончиком, куда наливалась сладковатая, слегка забродившая болтушка из муки. К этому

Похвальная грамота выдана ученику 3-го класса ж/д школы № 1 Свердловска Ю. Худенскому

С.С.С.Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

ПОХВАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Выдана ученику 3 -го класса Кагановичской ж.д. школы №1.
ст. Свердловск Свердловской области
(станция, ж.д.) (край - область, республика)
Худенскому Юрию
(фамилия и имя)
ЗА ОТЛИЧНЫЕ УСПЕХИ И ПРИМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

ст. Свердловск
(станция ж.д.)
„20" Мая 1942 г.
№ 4

Директор ж.д. школы
Заведующий школой
Учитель. Орлова Т.

Похвальная грамота выдана ученику 4-го класса начальной школы № 42 Свердловска Ю. Худенскому

РСФСР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ПОХВАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Выдана ученику IV -го класса нач. 42 школы
гор. Свердловска
(село, город, района и края - область)
Худенскому Юрию
(фамилия и имя)
ЗА ОТЛИЧНЫЕ УСПЕХИ И ПРИМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

г. Свердловск
город, село
„27" Мая 1943 г.
№ 5.

Директор школы Лянина
Учителя: В. Скобкина

Похвальная грамота выдана ученику 6-го класса мужской школы № 65 Свердловска Ю. Худенскому

Похвальная грамота выдана ученику 7-го класса средней ж/д школы № 10 Свердловска Ю. Худенскому

Свидетельство об обучении Ю. К. Худенского в 42-й начальной школе

РСФСР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

НАСТОЯЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫДАНО Худенскому (фамилия,
Юрию (имя и отчество), РОДИВШЕ ..... В 19..... ГОДУ,
В ТОМ, ЧТО ОН ..... ОБУЧАЛся В 42 НАЧАЛЬНОЙ
ШКОЛЕ г. Свердловска (села, города)
Ленинского района (района и края-области-АССР), ОКОНЧИЛ .....
ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛ ..... ПРИ Отличном
ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ Отлично
ПО АРИФМЕТИКЕ Отлично
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ Отлично
ПО ГЕОГРАФИИ Отлично
ПО ИСТОРИИ Отлично
ПО РИСОВАНИЮ .....
ПО .....

„27" мая 1943 года

№ 2

ЗАВЕДУЮЩИЙ ШКОЛОЙ Ляпина

УЧИТЕЛЬ: В Скобкина

литру полагался еще стакан горчайшего хвойного экстракта под пение веселой частушки: ”Вдоль по улице покойника везут. За покойником дистрофики идут. Ты постой, постой, дистрофик молодой. Накормлю тебя я без вырезки лапшой” (речь идет о вырезке талонов из продуктовой карточки). К сведению нынешнего поколения XXI века: продуктовые карточки, не дай Бог, они появятся у нас снова теперь, тогда были символом жизни. Без них, если они были утеряны или, скорее всего, украдены в давке трамвайной, магазинной или другой, вымирали целые семьи: они не возобновлялись и ничем-никем не компенсировались. Мы, Дима Воробьёв, Руальд Нордстрём и Юра Худенский в давке всегда следили взаимно за карманами штанов друг друга и оттирали от них своих ровесников-карманников, которые наполняли толпу. Там же работали и взрослые щипачи, вооруженные заточенными пятикопеечными монетами-«писками», которыми они артистически взрезали сумочки, сумки и карманы пиджаков и пальто. После переезда нашей семьи с улицы Азина из дома купца Безрукова в построенный перед Великой Отечественной войной Дом медицинских работников (ДМР) на улице 8 марта 78а я расстался с Руальдом на всю жизнь и только недавно обнаружил в интернете в социальных сетях.

С Дмитрием Валентиновичем Воробьёвым мы встретились в 1949 году в группе 104 физико-технического факультета Уральского политехнического института. После переезда в ДМР я был определен в 42 начальную школу, располагалась она на улице Народной Воли на задворках стадиона Пионеров и школьников, её я окончил с похвальной грамотой в 1943 году. Первым по успеваемости был среди нас Володя Елеонский. Он вместе с мамой, бабушкой и сестренкой жил на улице Хохрякова в солидном небольшом деревянном особняке. Его отец был командиром высокого звания. Отец нашего друга Юры Беляева, рядовой, к тому времени погиб на фронте, его мама работала шлифовщицей линз на оптико-механическом заводе. Юра боялся, что его мама заболеет силикозом. Моя же мама, Галина Семеновна Худенская, тогда больше года лежала в институте ОММ, где умерла моя сестра Екатерина. Мой отец, старший воентехник, был помпотехом второй роты 169 отдельного маршевого батальона автомобильных войск и редко бывал дома, мотаясь по фронтовым дорогам все лето 1943 года. Я и мои

Ученику Свердловской ж/д школы № 10 т. Худенскому за 1-е место в соревновании по пулевой стрельбе

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРАМОТА

Свердловский Городской Совет Осоавиахима

УЧАСТНИКУ СТРЕЛКОВОЙ КОМАНДЫ ПЕРВИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОСОАВИАХИМА СВЕРДЛОВСКОЙ Ж.Д. ШКОЛЫ № 10

Тов. ХУДЕНСКОМУ

За лучшие индивидуальные показатели по группе школ и техникумов г.Свердловска во Всесоюзных заочных стрелковых соревнованиях посвященных 30-й Годовщине Советской Армии.

127 из 150 возм.

25 Марта 1948 г.
г. Свердловск

Председатель Городского Совета Осоавиахима /ДУБРОВИН/

Нач. Организ. отдела Городского Совета Осоавиахима /ГРЯЗНОВ/

ОСОАВИАХИМ СССР

СССР

Осоавиахим — боевой резерв Вооруженных сил Советского Союза.

ис. 28462 Хромолитография, г. Свердловск, ул. Тургенева, 20 зак. № 67 тир. 300

друзья в погребе-яме сарая семьи Беляевых продолжали дело, начатое его отцом до войны – выращивание мясных кроликов породы шиншилла. Нужно было организовать нашим мамам дополнительное питание. За бывшей больницей «скорой помощи», до самого Московского торфяника, по берегам речушки, которая теперь заключена в трубу, тянулись луга с сочной травой, где мы все лето косили. На крыше стайки сушили сено. Володя нам охотно помогал, хотя его семья и не нуждалась. Юрий Иннокентьевич Беляев еще в детские годы питал склонность к медицине. Необходимо заметить, что мы жили в ДМР на уплотнении в квартире сестер Цейтлиных, военврачей, воспитывавших двух парней: старшего Урика, сумасшедшего, и шестиклассника Шурика. Он тщательно ухаживал за мной, когда я заболел тяжелой формой среднеазиатской малярии. Наряду с ночными приступами высокой температуры 42° по Цельсию, я в кошмарах видел толпы узбеков в халатах с повязками и чалмами на головах, сидящих на верблюдах. Тогда они работали чернорабочими на стройках и морозной зимой долбили котлованы. Это были трудармейцы. Кроме них мне мерещилась мама, которая должна была выйти из больницы. Она пришла, я перестал глотать горький хинин и пошел в 5«б» класс 65 средней школы, где мама работала библиотекарем. В 65 школу мы были зачислены в 5«б» класс с изучением английского языка, так как 5«а» был практически заполнен теми, кто учился в этой школе с первого класса и кто был выпускником 19-той начальной школы, там изучали немецкий, как более значимый в годы Великой войны. Я сохранил в памяти зрительный образ Елизаветы Алексеевны Авотиной, которая вела английский. Они вместе со своей сестрой Зоей Алексеевной, преподававшей в младших классах русский, согласились дополнительно заниматься со мной. Они жили от нас через улицу 8 марта. Рядом с ними, в большом квартале из деревянных двухэтажных домов, жили эвакуированные из Ленинграда преподаватель пения Вера Болдырева и ее муж композитор Запольский и наш соученик по 5«б» Володя Жданов. Дополнительные занятия начинались с того, что Елизавета Алексеевна забирала меня после школы к себе, угощала чаем, мы разговаривали в меру моих познаний по-английски, потом я переправлялся в квартиру Запольских. Дело в том, что до войны я учился три года в филиале Музыкального училища сестер Гнесиных в подмосковном городе Люберцы, и Запольские считали мое профессиональное будущее обеспеченным. Однако всё это рухнуло,

когда я увидел и услышал в школе 65 двух преподавателей – Марию Яковлевну Матвееву, по прозвищу «Марьяша» и Юрия Константиновича Карпинского. «Марьяша» поражала нас своей искусной шапкой черных волос с проседью, черными строгими платьями с большими белыми воротниками и фигурой Ники-Победы. Она очаровывала нас строфами пушкинских стихов – его лирики и особенно «Евгения Онегина», которого могла читать с любой строфы. Юрий Константинович Карпинский казался воплощением мужского гения. Он всегда был подтянут, одет в штатский темно-синий костюм, чисто выбритое лицо украшали очки в металлической оправе, сидевшие на древнеславянском носу. Из-под стекол пристально смотрели стальные глаза, рот кривился в саркастической усмешке. Его словечки звучат до сих пор в ушах. И перчатки всегда были при нем.

Итак, кто попал вместе со мной в 5«б» класс мужской средней 65 школы Свердловска военной поры? Начнем по росту – гигант Янкелевич – одетый в свежее, но не новое х/б, самым маленьким в двух классах был Юзбашев, по прозвищу «Юсточка» – сын профессора горного института Юзбашияна. Он был полной пародией на старшего брата, который в это время занимался в восьмом классе, и был секретарем комсомольской организации школы, фаворитом «Марьяши». На всех праздничных мероприятиях он оглушал нас стихами Маяковского и других наших поэтов. Оба брата были артистичны. Младший из них стал руководителем самодеятельного театра УПИ, а Беник Гургенович Юзбашев стал секретарем райкома комсомола, а далее обкома ВЛКСМ, окончил факультет журналистики МГИМО и был убит в Конго в одно время с Лумумбой. Остальные учащиеся «а» и «б» классов заполняли строй на занятиях по военному делу по усмотрению молоденького легкораненого на фронте военрука. Его любимцем был юный красавец Феликс Булатов, сын директора оборонного завода. Записных красавцев в наших классах было много: особенно выделялись белокожий брюнет с румяными щеками Эдуард Подгорный, а также Володя Брагинский. Просто «бабником» был Евгений Львов, для которого пределом мальчишеских мечтаний позднее был роман с актрисой из оперетты, из-за чего его чуть не поперли из школы. В нашем классе был сын биолога Скалона, внук аристократа – царского генерала. Судьба юного Скалона в школе висела на волоске в связи с его уголовными похождениями. Был и чрезвычайно положительный сын военного нейрохирурга Вильгельм

Зельманович и два крепких друга – Борис Тихонов и Володя Тихин-Хаславский. Они после седьмого класса поступили в техникум и окончили его с красными дипломами. Одновременно с ними убыли из 65 школы по месту службы отцов Володя Елеонский и я. Я выделяю эту четверку, потому что после окончания других учебных заведений они в 1949 году поступили на физико-технический факультет УПИ им. Кирова. Там в группе «вундеркиндов» мы снова встретились с выпускниками 65 школы Борисом Гощицким, Виктором Безелем, Юрием Шерстобитовым и Евгением Львовым, а также с Николаем Стариченковым. Группа 104 формировалась из 22 золотых медалистов, они были в основном учениками Юрия Константиновича Карпинского, если успели, хотя бы три года поработать в его физическом кружке. Получив от него книгу К. Э. Циолковского «Вне земли» в этом кружке, мы с Шуриком Цейтлиным начали делать конические корпуса ракет, склеивая на модели крахмалом газетные листы. С листовым металлом, тем более легким, было плохо. Из бракованных оболочек ракет, вставляя в них подходящие линзы из брака УОМЗа, мы собирали телескопы. Один из них позволил нам увидеть рябь кратеров на лунной поверхности в морозную предновогоднюю ночь. Ракеты мы запускали на Московском торфянике, добираясь туда на лыжах. Конечно, главным работником был Александр Цейтлин, а мне доставалась роль ученика. Я помню, что в физическом кружке трио Гощицкий-Безель-Шерстобитов, где роль мастера исполнял Борис, из подручных средств изготовило электромагнитную пушку (главное оружие современных ракет), ее действие потрясало зрителей на всех выставках детского творчества.

Учеба и работа на ФТФ

Бывшие учащиеся 65 средней школы города Свердловска составили основу группы Ф-104 по специальности «Молекулярная физика» ФТФ, их было 17 золотых медалистов, которых нужно было превратить в творцов ядерного щита Советского Союза.

Они были учениками выдающегося педагога-физики Георгия (Юрия) Константиновича Карпинского. Другие студенты этой группы были фронтовиками, среди которых мне особенно хотелось отметить Анатолия Дмитриевича Смолина, оружейного мастера авиационной техники. Член КПСС, он затратил много времени на воспитание студента Ю. К. Худенского, который в то время носил гордую кличку «клетчато-

полосатенький космополитишка». Мы были дружны с Анатолием Дмитриевичем до самой его кончины в Новоуральске, где он и был похоронен. Там сейчас здравствует другой фронтовик – Николай Останин, который приезжал на 55-летие ФТФ УГТУ-УПИ в 2004 году. Фронтовиком в нашей группе был Анатолий Коскин, который сменил меня на посту старосты в 1950 году. А. Д. Смолину я обязан ранним знакомством с фронтовиками, которые обучались на физтехе – профессорами-докторами С. П. Распопиным и И. Ф. Ничковым. В то время я уже в течение 2-х лет был председателем СНТО ФТФ.

В первые годы на физтехе фронтовики часто носили военную форму. Образцом элегантности в ней был Алеша Барабошкин. Мы тоже часто одевались в отцовские гимнастерки. Однако со мной далее произошла метаморфоза: в это время мой отец был командиром дивизии в ГОСВ (Группа оккупационных советских войск) Германии, и он помогал мне переодеться в нормальное гражданское платье. Прозвище, приведенное выше, дала мне инженер-химик ФТФ Лидия Николаевна Пушкина. Однако с головой у меня было все в порядке, что отметил ее будущий муж – профессор Г. В. Скроцкий, по примеру которого я отказался выступать от лица студенчества на научной конференции преподавательского состава УПИ, посвященной разоблачению в УПИ теории резонанса химии и ее главных адептов-профессоров Г. Я. Постовского и З. В. Пушкаревой. Тут-то мне и пришлось покинуть пост старосты группы.

Мне очень повезло – этот демарш мог кончиться отчислением, но деканом факультета, который принял нас в свои объятия, был доктор химических наук профессор Евгений Иванович Крылов. Он напоминал как педагог во многом Ю.К.Карпинского. И вместо отчисления я был зачислен на 1-2 курсах в научный кружок на кафедре, которую возглавлял сам Евгений Иванович. По науке я сотрудничал с ним до его последних дней: под его руководством на кафедре изучались магнитные свойства комплексов редкоземельных элементов, которые я исследовал до 1973 года (в 1975 году по результатам этих работ я защитил в закрытом Совете ФТФ УПИ свою кандидатскую диссертацию). Первым оппонентом на защите был Евгений Иванович Крылов, а вторым должен был быть Павел Степанович Зырянов. Когда мы поступили на ФТФ, Евгений Иванович решил познакомить нас с его сокровищами, которые хранились в лаборатории радиометрии в подвале 5 корпуса УПИ. Мы

толпой окружили пересчетку Б2, на входе которой был включен счетчик Гейгера с блоком высоковольтного питания. Декан взял с лабораторного стола специальными щипцами совершенно неприметный черно-коричневый кусок урановой руды – тюямунита, добытого в Узбекистане, и поднес его к счетчику. Ранее спокойные красные «глазки» пересчетки засверкали и забегали, а счетчик на выходе затрещал, как сорока. Все пришли в восторг, однако не зря комдив Худенский снабжал меня специальной литературой – книгой «Когда Россия будет иметь атомную бомбу» и водил на лекции выдающегося физика нашего времени, президента УФАН Сергея Васильевича Вонсовского. Я тихо спросил декана: «И это все?». Чем, однако, не смутил его. Он все-таки после этого не отказал мне в просьбе принять меня в научный кружок при своей кафедре. Мной непосредственно руководил выдающийся химик Зиновий Лазаревич Персиц, который отличался малым ростом, хрупкостью и писклявым голосом. Евгений Иванович поставил перед нами задачу необычайной сложности – получения зеркала германия на стекле колбы экспериментальной установки. Евгений Иванович лично просматривал мои заявки на оборудование и в особенности на 25-литровую колбу из пирекса, которую делали уникальные стеклодувы братья Петушковы, работавшие в ИФМ УФАН. Евгений Иванович также презентовал мне два флакона порошка, содержащего германий, из отходов полиметаллического производства. Содержимое большого флакона я растворил в соляной кислоте, наполнявшей эту громадную колбу, и начал процесс получения $GeCl_4$ –газообразного продукта, путем термического разложения которого я старался получить германиевое зеркало. Содержание этой работы составило мой доклад на Первой научно-технической конференции ФТФ УПИ. Доклад был доложен на факультетской и городской конференциях студенческим научных обществам г. Свердловска. После кружка на кафедре Евгения Ивановича я перешел на кафедру аналитической химии профессора Валерия Леонидовича Золотавина. По первому впечатлению, он был совершенной противоположностью декану Крылову. Лицо было тонкое, совершенно русское, я бы сказал, офицера Белой гвардии. Волосы рыжеватые, глаза серые, пронзительные. Профессор говорил суховатым голосом, был поджар и спортивен с виду. Он с ходу поломал мое спортивное будущее. Я любил тогда свои школьные привязанности: играть в шахматы против мастеров спорта, стрелять из винтовки на уровне чемпиона СССР среди

юношей, и кататься на горных лыжах. Напрочь все это «безобразие» Валерий Леонидович запретил и сказал: «Полезнее будет, если вы для кафедры будете переводить статьи с тех языков, которые знаете». Действительно, я в этом преуспел, и это умение выручило меня, когда я после клинической смерти оказался в 1973 году инвалидом 1 группы и стал прирабатывать в Бюро переводов Торговой палаты, г. Харькова. Тут я с благодарностью до сих пор вспоминаю Валерия Леонидовича, двух своих непосредственных начальниц – ассистента Валентину Викторовну Серговскую и, особенно, старшего преподавателя Лидию Александровну Жарову. В своей работе мы постоянно пользовались консультациями великого аналитика профессора Юрия Викторовича Корякина, который подарил мне ставшую настольной книгу «Чистые химические реактивы». Непосредственно со мной занималась Лидия Александровна Жарова, которая приобщила меня к занятиям люминесценцией сверхчистых химических реактивов, вызванной вредными микропримесями металлических ионов.

Исследования люминесценции и ее проявлений в процессах сцинтилляций в органических и неорганических материалах позднее определило полностью мою научную работу в г. Харькове, где с 1959 года я начал работу в Институте монокристаллов МХП, теперь Институт монокристаллов Украинской академии наук и в Институте физики низких температур АН СССР.

О моей конкретной работе на кафедре В. Л. Золотавина свидетельствует мой лабораторный журнал, который в 2004 году к 55-летию ФТФ я передал его декану академику инженерной академии Аскольду Рафаиловичу Бекетову, и грамота Совета студенческих научных организаций УПИ. От занятий люминесценцией я перешел, не без воздействия работ немецкого ученого Карла Циммера, бывшего сотрудника Н.В. Тимофеева-Ресовского, к деятельности в области радиометрии, дозиметрии и спектроскопии.

Мой переход на 4 курс сопровождался повышением интереса к физике. Как пишет в своих воспоминаниях доктор ф.м. наук профессор УрГУ Леонид Яковлевич Кобелев, «…в конце 50-х годов группа Свердловских молодых физиков-теоретиков, возглавляемая Павлом Степановичам Зыряновым (талантливым ученым и исключительно интересным человеком, трагически погибшим в автомобильной катастрофе в 1974 году) начала сотрудничать с Николаем

Владимировичем Тимофеевым-Ресовским, который недавно приехал из закрытого предприятия в Челябинской области для работы в УФАН». Летом 1960 года Павел Степанович пригласил маленькую группу: Г. Г. Талуца, Л. Я. Кобелева и В. М. Елеонского на семинар в Миассово, где на острове большого озера проходили семинары Н. В. Тимофеева-Ресовского по квантовой биологии и генетике. Из перечисленного списка ясно, что меня не было в составе слушателей этого семинара, поэтому я не стал физиком-теоретиком, а остался «подмастерьем», который «на колене» клепал сцинтилляционные гамма-спектрометры.

Нашим духовным отцом в это время был Павел Степанович Зырянов, с которым мы ходили в туристские походы на Северный Урал и там общались на природе. Павел Степанович начал свое обучение в УрГУ до войны, пошел на фронт и солдатом прошел все военные дороги, включая Германию. Будучи демобилизованным, он возвращался домой в обычном военном эшелоне с оружием в руках. Он рассказал, что, когда их состав стоял на путях товарной станции Брест, рядом с ним остановился эшелон с русскими немцами, которых НКВД депортировало назад на родину. Теплушки были наполнены стариками, детьми и женщинами. Немки ходили вдоль военных вагонов и выпрашивали у сопровождающих хлеб и воду. Павел Степанович услышал в конце состава топот сапог и крики: толпа солдат гналась за сравнительно молодой женщиной. Это был единственный пример из его жизни, когда он начал стрелять против своих. Парой выстрелов ему удалось остановить бешеных мужиков, а он был невысокого роста, сложения крепкого, глаза ясные, серые, очень ироничные, но без издевательства. Павел Степанович был таким же любителем поговорок и анекдотов, как Георгий Константинович Карпинский. Позднее я был свидетелем того, как он пошел с финкою в руках на рысь, которую мы обнаружили в лесу, неподалеку от станции Сагра. Кончилось тем, что Павел Степанович снял с нее шкуру и по древнему угро-финскому обычаю срезал когти. Один из них я носил долгое время в качестве сувенира на шее. Последний раз мы виделись с ним в Харькове, где он был в командировке в УФТИ (Украинском физико-техническом институте) вместе с Сергеем Павловичем Распопиным на семинаре у Лейпунского. Мы простились, и я не мог предположить, что вскоре Павел Степанович погибнет в автомобильной катастрофе на дороге Свердловск – Верх-Нейвинск.

На четвертом курсе правление СНТО института наградило большую группу студентов УПИ, в том числе и меня, премией в виде путешествия на корабле от Молотова (Перми) до Ростова-на-Дону. На борту корабля мы были единым коллективом и проплыли сначала от Молотова до Москвы, а далее на фешенебельном московском пароходе «Иосиф Сталин» до Ростова. Везде нас встречали хорошо.

В это же время я стал общаться с заведующим кафедрой органической химии УПИ Исааком Яковлевичем Постовским, который был политическим беженцем из фашистской Германии и так же, как Тимофеев-Ресовский, беседовал со мной на немецком языке. На физтехе моя деятельность в области дозиметрии нашла поддержку у доцента Альберта Константиновича Штольца, который читал нам лекции по количественной радиобиологии, радиометрии и дозиметрии. Практические занятия по этому курсу вел Евгений Петрович Дариенко, которому помогал радиомастер Игорь Владимирович Меркурьев, оказывавший мне содействие при изготовлении «на колене» сцинтилляционного гамма-спектрометра. Для работы с бета-излучателями на позитронных пучках нами были разработаны пластмассовые сцинтилляторы. Эту работу проводил член СНО Владимир Хафизов, под руководством ассистента кафедры органического синтеза Лидии Николаевны Пушкиной.

В 1957 году после катастрофы на комбинате «Маяк» была организована дозиметрическая служба УПИ, которую я возглавил по приказу проректора по науке проф. Пальмова. В нее входили лаборатории по изучению содержания урана, плутония и продуктов их распада в биологических объектах: водорослях, рыбах, животных и растениях, добытых на территории ВУРСа (Восточно-Уральского радиоактивного следа), образовавшегося вследствие выпадения радиоактивных осадков в Челябинской, Курганской и Свердловской областях, которые были разнесены реками западной Сибири до Карского моря Северного ледовитого океана.

В дозслужбе была организована при моем участии разработка сцинтилляционных приборов: радиометров, гамма-спектроскопов и сцинтилляторов. Работа проводилась в тесном сотрудничестве с облСЭС, МВД и Комитетом по ВУРС, который возглавлял генерал Войцицкий. Напряжение сил сотрудников было чрезвычайно высоким. У меня началось обострение вегето-сосудистой дистонии и наблюдавший меня

профессор – доктор медицинских наук Давид Григорьевич Шеффер – посоветовал проректору Пальмову откомандировать меня в 1958 году для обследования и последующего лечения в Харьковский НИИ медицинской рентгенологии. Дальнейшие исследования люминесценции и ее проявлений в процессах сцинтилляций органических и неорганических материалов определили полностью мою научную работу в г. Харькове. С 1959 года я начал работу в Институте монокристаллов МХП СССР (теперь Институт сцинтилляционных материалов и радиационных технологий Украинской академии наук, ИСМАРТ НАН) и в Институте физики низких температур (УФТИНТ) АН УССР.

Результаты этих исследований были обобщены мной в кандидатской диссертации, посвященной взаимосвязи ЭПР спектроскопии и оптических характеристик металлоорганических комплексов редкоземельных элементов. Защита диссертации проходила на закрытом Совете ФТФ УПИ в 1975 году. В то время Институт монокристаллов, принадлежавший главку химических реактивов МХП СССР, был одним из самых хорошо оснащенных современной научной аппаратурой НИИ СССР. Я являлся помощником его научного руководителя Валериана Ивановича Старцева и подчиненная мне группа химической физики работала не только со всеми лабораториями института, но и с ГОИ СССР, ФИАН, Институтами элементорганической химии (г. Москва) и металлоорганической химии (г. Горький) АН СССР. Группа химической физики сотрудничала с Институтом эндокринологии г. Харькова по проблеме БАВ (Шиладжит-мумиё) с Евгением Бобылевым и Александром Бескровным. С Иваном Огороднейчуком и Анатолием Быхом проводились работы по электрохимической люминесценции в ХИРЭ им. Янгеля, результатом которой стало издание книги «Оптохемотроника» («Техніка», Київ, 1978). 1977-78 годы ознаменовались для меня получением значительного числа авторских свидетельств на БАВ. «Биомос» – термин, который я предложил для БАВ, полученных термической обработкой водной суспензии растительного сырья в различных условиях. Эти работы были продолжены в УПИ после моего возвращения в 1981 году в ОКБ «Биофизтех». Их торговая марка была «Эраконд» – экстракты растительные конденсированные. Они использовались как добавки в кефир, хлеб и в корма для животноводства.

Ученый совет УПИ им. Кирова награждает руководителя кружка при кафедре В. Л. Золотавина Ю. К. Худенского, № 133 от 6.04.57 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Грамота

Ученый Совет и Совет студенческого научно-технического общества Уральского индустриального института им. С. М. Кирова награждают старосту кружка доц. В.Л. Золотавина Т. Худенского за хорошую организацию работы кружка

Председатель Ученого Совета
Зам. директор института

Председатель
Совета СНТО института

№ 133 г. Свердловск „6" апреля 1967 г.

НС 35410 Хромолитография, г. Свердловск, ул. Тургенева, 20. Т. 500 Зак. № 2822

Исполком Свердловского городского Совета депутатов трудящихся награждает Ю. К. Худенского, ст. преподавателя УПИ, за активное участие в работе по организации и проведению научно-технической выставки по мирному использованию атомной энергии, 29.08.1957 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РСФСР

ГРАМОТА

Исполком Свердловского городского Совета депутатов трудящихся награждает настоящей грамотой

тов. ХУДЕНСКОГО Ю.К. -

старшего преподавателя У П И -

за активное участие в работе по организации и проведению научно-технической выставки по мирному использованию атомной энергии.

Зам. Председателя Исполкома Свердловского городского Совета депутатов трудящихся (П.ПАНОВ)

За Секретаря Исполкома Свердловского городского Совета депутатов трудящихся (Н.КЕТКИН)

г. Свердловск „29" августа 195 7 г.

НС 21414 14.V.1957 г. Хромолитография, Свердловск, Тургенева, 20 Зак. 1664, тир. 500

Грамота от 9 мая 1953 года. Ученый совет УПИ им. Кирова награждает председателя совета СНО ФТФ Ю. К. Худенского

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРАМОТА

Ученый Совет и Совет студенческого научного общества Уральского политехнического института им. С. М. Кирова награждают председателя Совета СНО Ф-Т. отделения т. Худенского Ю.К. за успешную и активную работу по организации деятельности СНО.

Председатель Ученого Совета директор института

Председатель Совета СНО института Григорьев

№ _____ „9" мая 1953 г.

г. Свердловск

НС 46305 Хромолитография, г. Свердловск, ул. Тургенева, 20 Заказ 4132. Тираж 500

Диплом с отличием Ю. К. Худенского

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

И № 081493

Настоящий диплом выдан Худенскому Юрию Константиновичу в том, что он в 1949 году поступил в Уральский политехнический институт имени С. М. Кирова и в 1955 году окончил полный курс названного института по специальности „техническая физика"

Решением Государственной экзаменационной комиссии от „24" мая 1955 г. Худенскому Ю. К. присвоена квалификация инженера-физика.

Председатель Государственной экзаменационной комиссии

Ректор (директор)

Секретарь

Город Свердловск, 1955 г.

Регистрационный № 447

Московская тип. им. В. М. Молотова Гознака. 1954.

Диплом ВАК кандидата физ.-мат. наук Ю. К. Худенского

6-2 Копия

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Д И П Л О М

КАНДИДАТА НАУК

ФМ № 001446

Москва 12 мая 1976 г.

Р е ш е н и е м

Совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института им. С.М.Кирова

от 20 января 1975 г(протокол № 17)

ХУДЕНСКОМУ ЮРИЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Присуждена ученая степень Подпись

КАНДИДАТА

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК

Председатель совета Подпись

Ученый секретарь совета Подпись

Печать учреждения выдавшего документ

«06» АВГ 1991 198 года я, Павловская

государственный нотариус Четвертой Свердловской государственной нотариальной конторы Свердловской области, свидетельствую [illegible] этой копии с подлинником документа, в последнем подчисток, [illegible] писок, зачеркнутых слов и иных неоговоренных исправлений [illegible] ких-либо особенностей не оказалось.

Зарегистрировано в реестре за № 2-3186

Взыскано государственной пошлины: 1 руб.

Государственный нотариус

Выписка из зачетной ведомости

Б-29

Приложение к диплому 031493

ВЫПИСКА ИЗ ЗАЧЕТНОЙ ВЕДОМОСТИ с отличием

(без диплома не действительна)

ХУДЕНСКИЙ Юрий Константинович за время

пребывания в Уральском политехническом институте имени С.М.Кирова

с 1949 по 1955г.

сдал экзамены и зачеты по следующим дисциплинам:

1.	Высшая математика	хорошо
2.	Неорганическая химия	отлично
3.	Начертательная геометрия	отлично
4.	Основы марксизма-ленинизма	отлично
5.	Иностранный язык	отлично
6.	Холодная обработка металлов	зачтено
7.	Черчение	хорошо
8.	Физвоспитание и спорт	зачтено
9.	Физика	отлично
10.	Теоретическая механика	хорошо
11.	Сопротивление материалов	отлично
12.	Аналитическая химия	зачтено
13.	Методы математической физики	отлично
14.	Теоретические основы электротехники	отлично
15.	Политическая экономия	отлично
16.	Технология металлов	зачтено
17.	Аналитическая механика	отлично
18.	Детали машин	отлично
19.	Детали машин проект	хорошо
20.	Электродинамика	зачтено
21.	Термодинамика и статистическая физика	хорошо
22.	Вакуумная техника	отлично
23.	Электрические измерения	отлично
24.	Техническая электроника	отлично
25.	Дополнительные главы физической химии	отлично

Продолжение выписки. Содержит тему дипломного проекта «Разработка конструкций спектрометра гамма-излучений»

9-28

26.	Теоретические основы теплотехники	отлично
27.	Автоматика и регулирование	хорошо
28.	Оборудование заводов	отлично
29.	Квантовая механика	отлично
30.	Дополнительные главы химии	зачтено
31.	Компрессорные машины	хорошо
32.	Компрессорные машины проект	хорошо
33.	Механика жидкости и газов	отлично
34.	Спецкурс № 1	отлично
35.	Спецкурс № 2	отлично
36.	Техника безопасности и противопожарная техника	отлично
37.	Организация и планирование производства	отлично
38.	Дополнительные главы физики	отлично
39.		
40.		
41.		
42.		
43.		
44.		
45.		

выполнил

практики по специальности с оценками:

общеинженерная	отлично
технологическая	отлично
преддипломная	зачтено

и защитил дипломный проект на тему Разработка конструкций спектрометра гамма-излучения.

с оценкой отлично, с отличием

Директор института

Декан факультета

Секретарь факультета

г. Свердловск Регистрационный № 447 „24" мая 1956 г.

НС 36830 19 III 1955 Тип. УПИ, Свердловск, Комсомольская, 70 Тираж 2500 Заказ 1122

В 1977 году (после перенесенных инфарктов и полугодового пребывания в больнице в 1973 г.) волею случая я оказался в ГДР, где познакомился с немецкими врачами – докторами медицинских наук Зигфридом Виснером, руководителем кардиологической клиники в городе Штернберге земли Мекленбург-Форпоммерн и семьей профессоров Фрик из Грайфсвальдского университета – Урсулой и Герхардом. Герхард был виднейшим специалистом Германии по свертывающим системам крови, а конкретно – тромбоцитам. Урсула заведовала кафедрой госпитальной терапии и имела звание генерал-майора медицинской службы Национальной народной армии ГДР. Она предложила мне сотрудничество, как физику, в рамках Национального комитета по облученной крови ГДР, в котором уже давно работал биофизик с мировой известностью Якоб Сегал – выходец из дореволюционной Литвы, он после побега из США вместе с женой Лилли жил в Берлине. Они посоветовали мне начать работу по определению изменений потенциалов зарядов клеточных мембран эритроцитов при облучении крови ультрафиолетом.

В 1981 году я вернулся на ФТФ УГТУ-УПИ и, работая там в области спектроскопии и хемилюминесценции крови, создал ОКБ «Биофизтех». Базовым прибором нашей деятельности был прибор «Пармаквант» производства ГДР, с помощью которого мы внесли большой вклад в развитие метода облученной крови для лечения сердечнососудистых заболеваний.

В 1983 году председатель Национального комитета по облученной крови ГДР профессор Зигфрид Виснер обратился с письмом к министру высшего и среднего специального образования РСФСР И. Ф. Образцову с просьбой откомандировать меня в ГДР для получения Почетного знака «Золотой иглы», которым я был награжден Национальным комитетом Общества германо-советской дружбы ГДР по представлению Комитета по облученной крови ГДР. Я выехал в командировку в город Штернберг, где мне был вручен почетный знак «Золотой иглы». После этого состоялись чествования в Берлине в Национальном обществе германо-советской дружбы ГДР и в правлении Германского общества Альберта Швейцера, членом которого я стал в 1977 году. При возвращении домой меня сопровождал доктор Зигфрид Виснер. В Москве мы остановились у моего старого друга, биофизика Симона Петровича Шурина, давнего соратника академика Влаиля Петровича Казначеева. В Новосибирске они

сделали эпохальное открытие: взаимодействие клеточных и бактериальных культур в ультрафиолетовом диапазоне. К тому времени Симон жил уже в Москве с молодой женой, писательницей Наталией Стремитиной. В этой громадной квартире было два рояля, а Симон Шурин был к тому же известен в музыкальных кругах как композитор-автор многочисленных русских романсов. Его любимым поэтом был Анатолий Жигулин. Я отправился домой в Свердловск, а Зигфрид остался гостить у доктора Шурина. Позднее в сложных обстоятельствах семья Шуриных покинула СССР и обосновалась в Австрии, где мы встречались вплоть до смерти Симона Петровича, который похоронен на Центральном городском кладбище Вены, где находятся могилы Моцарта и Бетховена. Наталия Шурина недавно организовала выступление моих больших друзей: екатеринбургской певицы Яны Чабан и пианистки Елизаветы Шубиной в Русском институте – Доме при российском посольстве в Вене.

После моего возвращения из Германии ОКБ «Биофизтех» был разделен на три части. Финансирование его работ перешло в НИС СИНХ, прибор «ПАРМАКВАНТ» с инженерной обслугой – в Кардиологический центр, руководимый профессором Яном Львовичем Габинским, а научные силы (к.м.н. С. В. Ленский и биолог П. И. Лавин), которые специализировались на решении проблем защиты людей и животных от вирусных и бактериальных инвазий, оказались на кафедре профессора Леонида Александровича Азина в СИНХе, где их деятельность была посвящена задачам сохранения 250-тысячного поголовья Лайского свинокомплекса в экологически неблагоприятных условиях.

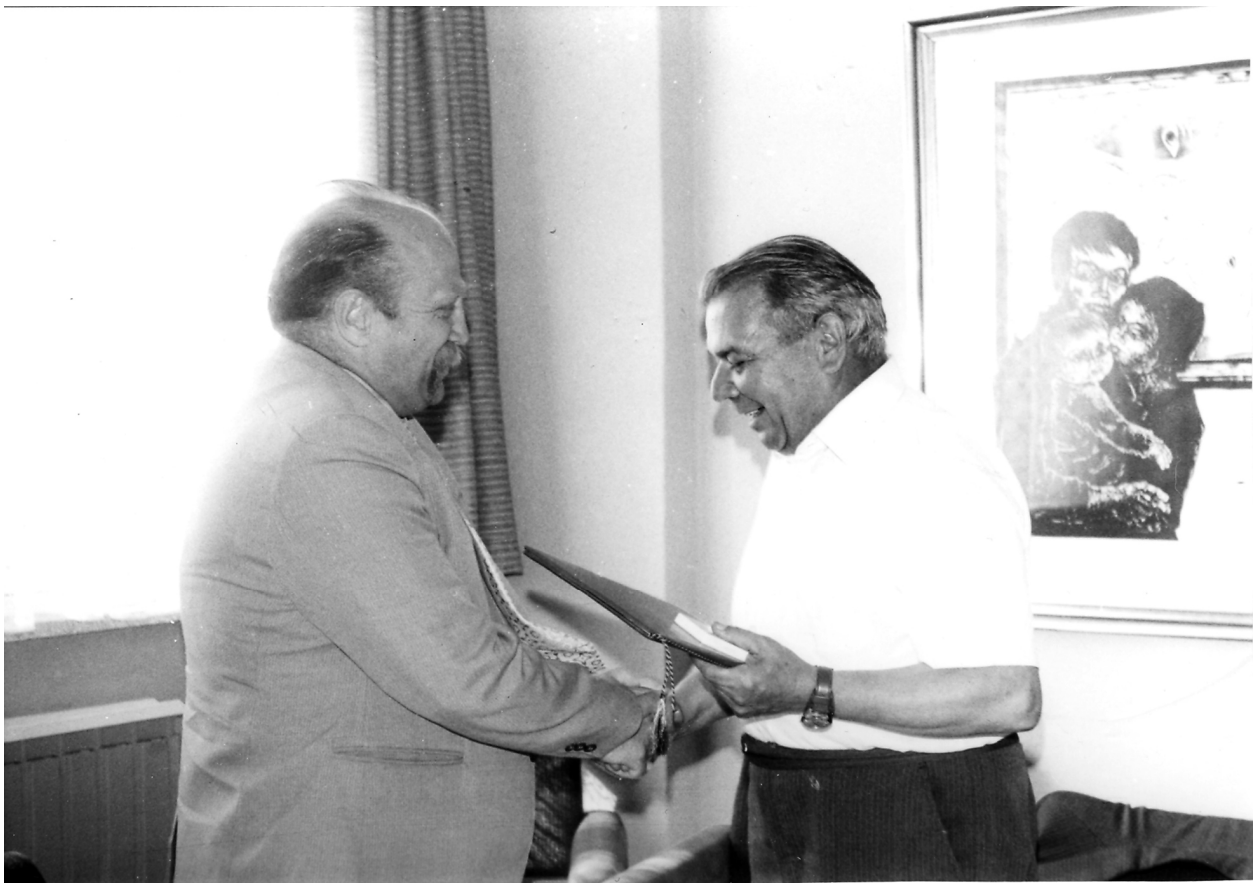
1983 год был интересен для меня тем, что в исследования облученной крови включилась значительная группа учёных-медиков из Грузии. Её возглавлял главный кардиолог республики Мераб Тваладзе, его верным помощником был психиатр Давид Гигаури. Они сосредоточили своё внимание на возрастных сосудистых проблемах человека и особенно его конечностей (облитерирующий эндартрит, который приводил к некрозу пальцев ног). Применение метода облученной крови улучшало микроциркуляцию. Были организованы четырехсторонние конференции с участием физиков и медиков России (Москва, Ленинград, Свердловск), Украины (Киев, Харьков), ГДР (Берлин, Шверин, Штернберг) и Грузии (Тбилиси, базы олимпийского

резерва в Огудзере и Бакуриани). На конференциях была подтверждена правильность теоретических воззрений проф. Зигфрида Виснера на физиотерапевтические основы метода облученной крови. Стоит отметить, что кроме облученной крови он свято верил в диетологию и талассотерапию! Однако его любовь к силам моря была достаточно взвешенной – он не был поклонником гонителя бурь Посейдона, а поклонялся спокойному мыслителю Нерею и его дочери, прекрасной нереиде – богине ледяной (талой) воды Амфитрите (Amfitrite).

В последние годы мне удавалось бывать в Одессе, и я специально, в память о Виснере, я приходил в городской порт на встречу с дизель-электроходом «Амфитрите». Он приписан к порту Панама и приходит под колумбийским флагом в одесский порт с грузом бананов и кофе. Этот кофе перерабатывается на Одесском заводе пищевых концентратов (ОПХК) из зерен в растворимый напиток на аппаратах, разработанных и изготовленных екатеринбургским научно-исследовательским институтом «УНИХИМ», их внедряла там заместитель директора по науке к.т.н. Татьяна Евгеньевна Стахровская.

Ю. К. Худенский в Одессе на встрече с дизель-электроходом «Амфитрита»

Вручение знака «Золотой иглы» Ю. К. Худенскому



Выступление председателя общества кардиологов Германии проф. Зигфрида Виснера

Письмо в министерство высшего образования СССР И. Образцову (от 25.04.1983) от общества немецко-советской дружбы о командировании Ю. К. Худенского в ГДР

A b s c h r i f t

Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft
Kreisvorstand Sternberg

An den Minister für Hochschulwesen der RSFSR

Genosse Obrazow
UdSSR

M o s k a u

Leninskij Prospekt 6

25.04.1983

Hochverehrter Genosse Obrazow!

Im Auftrag der Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft des Kreisvorstandes Sternberg und der Arbeitsgruppe zur Ultraviolettbestrahlung des Blutes der DDR bitten wir Sie unsere Information über die Auszeichnung des Genossen Jura Konstantinowitsch Chudenskij mit der Ehrennadel der Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft in Gold entgegenzunehmen.
Genosse Konstantinowitsch Chudenskij ist Mitarbeiter des Ural Polytechnischen Institutes der Physikalisch-technischen Fakultät des Spezial-Konstruktions-Büro "Biophstech" namens S.M. Kirow in 620002 Swerdlowsk, K-2 und wohnt in 620027 Swerdlowsk 27,Lunatscharkskowo 48, Wohnung 60.
Für seine aktive Zusammenarbeit seit 1977 bei der Entwicklung und Anwendung der Ultraviolettbestrahlung des Blutes und ihrer Verbreitung in der Sowjetunion hat das Kollektiv der Arbeitsgruppe zur Ultraviolettbestrahlung des Blutes unter besonderer Anerkennung der Leistung des Genossen Konstantinowitsch für die Entwicklung der Freundschaft mit der Union der Soz. Sowjet-Republiken für diese höchste Auszeichnung der Gesellschaft der DSF vorgeschlagen.

Werter Genosse Minister Obrazow!
Im Rahmen der diesjährigen wissenschaftlichen Tagung der Arbeitsgruppe zur Ultraviolettbestrahlung des Blutes vom 29.9. - 1.10.1983 in Waren/DDR ist vorgesehen, Genossen Konstantinowitsch die durch den Zentralvorstand der Gesellschaft für DSF verliehene Auszeichnung zu überreichen.
Unser Anliegen ist es, die hohe Leistung des sowjetischen Wissenschaftlers zu würdigen.
Durch die Gesellschaft der Deutsch-Sowjetischen Freundschaft und die Arbeitsgruppe zur Ultraviolettbestrahlung der DDR ergeht hiermit die Einladung für Genossen Jura Konstantinowitsch Chudensky in die Deutsche Demokratische Republik.

Mit sozialistischem Gruß

Gesellschaft f.Deutsch-Sowjetische Freundschaft

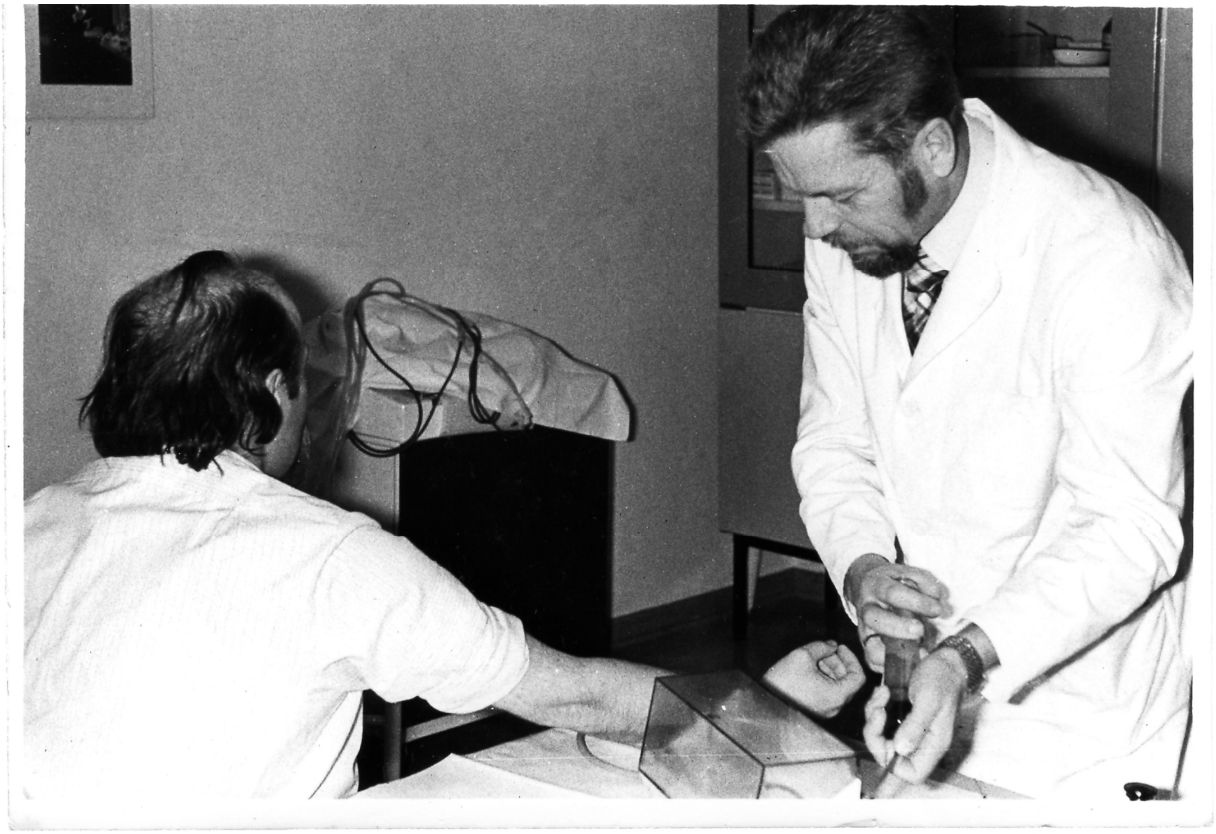
gez. Schultz
Kreisvorstand

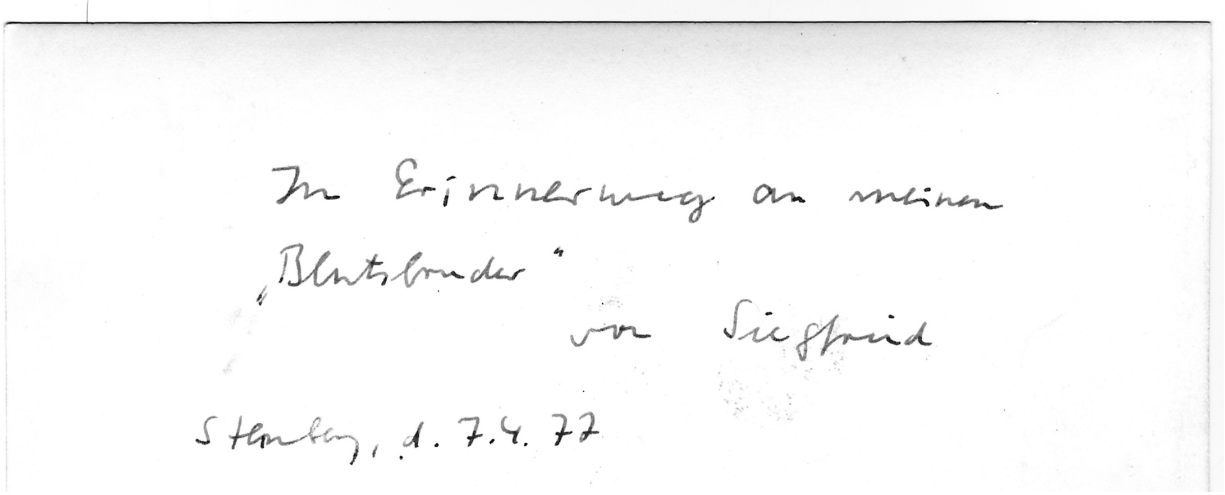
Arbeitsgruppe zur UV-Bestrahlung des Blutes der DDR

gez. Dr. Wiesner
Vorsitzender

Vohn
f.d.R.d.A.

Проф. Виснер 07.04.1977 проводит процедуру облучения крови Ю. К. Худенскому





In Erinnerung an meinen
„Blutsbruder"
von Siegfried

Stanley, d. 7.4.77

Эффект Титова

Записала Анна Владимировна Селиванова.

С эффектом Титова по имени Германа Степановича Титова, второго космонавта «Мира» и дублера Ю. А. Гагарина, меня связывает не сверхмощная ракета с двигателем в миллионы лошадиных сил, а маленький микролитражный с пластмассовым корпусом "Трабант", выпуск которого освоила в первые послевоенные годы промышленность Германской Демократической Республики – первого государства рабочих и крестьян социалистической формации на немецкой земле. Но обо всем по порядку...

Мой отец, полковник-инженер Худенский Константин Васильевич в послевоенные годы командовал дивизией п/п 45365, дислоцированной в городе Лейпциге (группа советских оккупационных войск в Германии). Эта дивизия входила в состав войск Автотракторного управления Министерства обороны СССР.

Автомобиль Трабант

В задачи отца входила консультация по выполнению плана репараций на территории советской зоны оккупации предприятий

автомобильной промышленности. Тотальное уничтожение этой отрасли в ГДР не было целью, однако большая часть оборудования предприятий из ГДР и послужила базой для развития Запорожского, Луцкого, Львовского и особенно Кременчугского автогигантов УССР.

Отец сохранял традиционные связи с УрВО. В Свердловске располагался Центральный авторемонтный завод № 5, где он служил в годы ВОВ.

В очередной раз он приехал во время отпуска на Урал в июле-августе, когда я окончил медалистом Свердловскую железнодорожную школу № 10 в 1949 году и пытался пройти медкомиссию в Кагановическом (ныне железнодорожном) райвоенкомате, надеясь поступить в Военно-медицинскую Академию в городе Ленинграде.

Отец прилетел в Свердловск и прежде всего встретился с директором Уральского индустриального института Аркадием Семеновичем Качко, своим другом. Аркадий Качко поведал моему папе секретную информацию о создании в УПИ физико-технического факультета, где должны были готовить будущих создателей ядерного щита Родины. Задача и планы потрясли отца.

Он начал водить меня с собой, как когда-то в детстве на танковое кладбище завода № 50 города Свердловска, на лекции академика Сергея Васильевича Вонсовского. Особенно мне запомнилось собрание избранного актива города и области в зале Дома колхозника по ул. 8 марта. Зал был заполнен директорами заводов и колхозов, которые позднее получили в руки изданную в США и переведенную на русский язык книгу «Когда Россия будет иметь атомную бомбу?».

В конце августа 1949 года я был зачислен на физико-технический факультет УПИ в группу медалистов № 104 по специальности молекулярная физика. Казалось, что судьба моя окончательно решена, и путь мой пойдет в Верхнейвинскую промзону. Слава Богу, что на встрече со вторым своим хорошим знакомым артистом республики Анатолием Григорьевичем Мареничем отец мой не передумал и не отправил меня отплясывать "канкан".

Мы закончили обучение через шесть с половиной лет в 1955 году. Весной я был направлен на преддипломную практику в Институт физики металлов Уральского отделения АН, а перед защитой отец организовал мне вторую практику в ГДР на комбинате «Карл Цейсс», располагавшийся в «городе науки» – Йене. Рядом с гигантом по

производству оптического химико-технологического стекла «Йена Шотт» и древним Йенским университетом. Там я жил в гостинице «Шварце шванн» («Черный лебедь») у моста через реку Шварце Эльстер. До сих пор храню сувенир – параллелепипед из тяжелого йенского флинт-гласса, на который нанесена картина маслом: пригород Йены Ауерштадт, где произошла битва между войсками двух великих полководцев: Наполеона и Блюхера.

Общее руководство моей практикой было возложено на профессора доктора геологических наук академика ГДР Роберта Лаутербаха (1915-1995), который с 1951 года заведовал кафедрой геофизики и в то же время был профессором Института прикладной геофизики и директором Института наук о Земле Лейпцигского университета.

Он участвовал в совместных проектах ГДР-СССР на территории комбината «Висмут» в Карлмарксштадте, а в 1954 году разрабатывал темы, предложенные академии президентом ГДР (они близко знакомы), профессиональным шахтером Вильгельмом Пиком: создание разведочной базы для расширения добычи калийной соли бурого угля и особенно нефти и газа. Их обоих заботила судьба гигантских буроугольных разрезов, которые постоянно росли при развитии металлургии и машиностроения в ГДР.

По мнению академика Лаутербаха, данные месторождения могут быть связаны с тектоническими разломами земной коры. Геофизик он отдавал предпочтение геофизическим методам как менее затратным по сравнению с прямым бурением скважин с применением радиационного каротажа.

Академик оказался большим поклонником основателя науки психофизики Вальтера Иоганнеса Штайна, который объяснял многое в поведении человека воздействием геофизической среды.

В эксперименты по изучению субъективного восприятия времени человеком в экстремальных геофизических условиях, академик включил меня в качестве "подопытного кролика", а не творца новейшей техники, и взял в прекрасное путешествие по равнинам Померании.

Одной из целей нашего там пребывания была попытка обнаружения газо-нефтяносных структур у побережья Балтийского моря и предгорьях Гарца. Предполагалось, что с разломами земной коры связаны могучие солевые отложения, а в их линзах – нефть, которой не

было по всем данным геологической разведки в ГДР. Роберт Лаутербах проводил исследования, которые изменили этот ошибочный взгляд.

В связи с этими экспериментами был приобретен основной прибор – микролитражный автомобильчик «Трабант», выполненный практически целиком из пластмассы. Как немногим теперь известно, его производство было освоено на заводе «Айзенахмоторенверке» в Айзенахе; выпускаемые там «Трабанты» полностью решили проблему легковых автомобилей в ГДР в послевоенные годы.

За рулем крошечного автомобиля был Лаутербах, он вел машину по заранее обдуманному плану, где выбранные им маршруты пересекали разломы земной коры. На заднем сидении – «экспериментальный кролик», то есть я, комсомолец, студент 5-го курса ФТФ УПИ им. Кирова. Рядом с академиком располагалась студентка геофака Лейпцигского университета Эрна, вооруженная хронометром, который я не должен был ни видеть, ни слышать. Кроме хронометра, также был отрегулирован и мотор «Трабанта» – его практически не было слышно, что было важно для чистоты эксперимента, я не должен был подвергаться совершенно никаким физическим воздействиям.

Перед экспериментом я долго учился отсчитывать временные интервалы. Они, как мне казалось, соответствовали 30 секундам, минуте и 1,5 минутам.

Начало разлома обозначалось командой «Форвертс» (нем. «вперед»). Эрна включала хронометр, а я начинал считать про себя. Она обозначала конец интервала, а я называл свои данные. Если наш маршрут пересекал разлом земной коры, вызывающий значительное возмущение геофизических полей даже в высших слоях тропосферы (гравитационного, магнитного и электрического), то организм «кролика», по сравнению с хронометром отмечал ускорение ритма, выдавал большую величину интервала времени (как бы эффект психофизического "омоложения"). Это и был «эффект субъективного восприятия времени». Так проявлялась очевидная прямая связь земных аномалий с организмом "подопытного кролика», то есть человека.

Нужно заметить, что Эрна до поступления на геофак окончила медицинский колледж, получив образование медсестры. Она была активисткой Союза свободной немецкой молодежи (ССвНМ, аналог нашего комсомола), а академик Лаутербах состоял в Социалистической единой партии Германии.

Далее, мы занимались измерением радиоактивности воды в понорах источников на местах разломов. Для этого применяли сцинтилляционный счетчик, в разработке и изготовлении которого я принимал участие на приборостроительном комбинате «Карл Цейсс».

По разломам из недр земли поднимаются пузырьки продуктов распада радиоактивных элементов Ra и Th: газов радона и торона. Мы исследовали также влияние на субъективное восприятие времени слабых доз радиоактивного излучения.

Параллельно я, как физик, на базе того же комбината «Карл Цейсс» занимался разработкой малогабаритного сцинтилляционного спектрометра ионизирующих излучений на основе фотоэлектронных умножителей FEV-101 первых их модификаций, изготовленных в ГДР.

Наши эксперименты продолжались 1,5 месяца и закончились трехдневным путешествием на теплоходике по Эльбе с группой членов ССвНМ рабочих и служащих вольнонаемных сотрудников технической дивизии п/п 45365, которой руководил секретарь ССвНМ Теофрид Вольф.

Я вернулся из ГДР для продолжения преддипломной практики в лабораторию Института физики металлов УФАНа, которой руководил физик, участник дрейфа «Челюскина» по Северному Ледовитому океану, орденоносец, замечательный человек Ибрагим Гафурович Факидов, уроженец Гурзуфа, по национальности крымский татарин.

Там я продолжал деятельность по разработке автоматизированного сцинтилляционного гамма-спектрометра на отечественных ФЭУ-18, ФЭУ-19 и ФЭУ-22, которые начал производить Московский электроламповый завод. Эта работа закончилась созданием действующего устройства, которое позволяло определить раздельно в смеси продуктов распада урана гамма-излучатели: ^{137}Cs и ^{60}Co.

В процессе работы кристаллы-сцинтилляторы йодистого натрия, активированные таллием, я собственноручно шлифовал, перетачивая заготовки на цилиндры в вазелиновом масле, чтобы исключить воздействие атмосферной влаги с помощью машинки зубного техника с корундовой фрезой.

О том, что ионы таллия, попадая внутрь человека, вызывают нарушение ритма сердца, вплоть до его остановки, мы узнали много позже. После защиты в августе 1955 года дипломного проекта перед ГЭКом по специальности № 23 ФТФ (его возглавляли академики

Деменев и Шарова), и участия в определении границ Восточно-Уральского радиоактивного следа, я был направлен в 1962 на серьезное обследование в Харьковский рентгеновский институт.

Находиться в отделении радиологии мне посчастливилось с директором Харьковского физико-технического института академиком Вальтером Антоном Карловичем. Он поразил меня своими высокими человеческими качествами: способностью преодолевать боль и страдания. Этот опыт я пронес, как память о нем, в течение всей жизни.

В Советском Союзе идеи, заложенные в основу опытов по созданию гамма-спектрометров, нашли впоследствии применение в выполнении под моим руководством на ФТФ УПИ (кафедра экспериментальной физики) дипломных проектов, связанных с разработкой 128-канального гамма-спектрометра, который может применяться при каротажном обнаружении залежей полезных ископаемых (углей, битумов, нефти, золота и других) и при поиске особых геофизических зон.

Эта деятельность получила бурное развитие в Институте геофизики УФАН, где под руководством директора академика Булашевича мой дипломник и нынешний член-корреспондент РАН советник президиума УрО РАН Владимир Иванович Уткин руководил проектированием и изготовлением 624-канального анализатора, пригодного, для решения задач гамма-каротажа.

В 1960-70 годы я неоднократно возвращался в ГДР для продолжения совместных работ Академика Лаутербаха и академика Манфреда фон Арденне при участии будущего президента Общества кардиологов в Германии Зигфрида Виснера и д.м.н. профессора Герхарда Фрика начал исследования действия аутогемотерапии и ультрафиолетового облучения крови на состояние гомеостаза человека и животных.

Далее эти работы были продолжены только после моего возвращения на Урал из Харькова в 1981 году совместно с академиком Олегом Николаевичем Чупахиным директором Института органической химии УФАН и его помощником инженером Иваном Ивановичем Кондратьевым.

В 1980-е годы членом Ученого совета ИБР был мой старый наставник по ФТФ УПИ им. Кирова профессор Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Совместно с физиками-профессорами Георгием

Викторовичем Скроцким и Павлом Степановичем Зыряновым он способствовал организации на ФТФ Опытного конструкторского бюро "Биофизтех" при поддержке сотрудника Президиума АН СССР полковника Григория Илларионовича Рыльского и генерал-летейнанта В. П. Зинченко из управления технических вузов Минвуза РСФСР.

Тогда же я был подключен к сфере исследований, которые ОКБ «Биофизтех» УГТУ-УПИ проводило под руководством Зинченко совместно с Институтом космической биологии, где это направление возглавлял генерал-майор Иван Павлович Неумывакин.

Интересующие нас проблемы обсуждались с отцом биоритмологии Халбергом и его соратницей Катциной. В Москве мы сотрудничали с д.б.н. профессором Ириной Викторовной Чудаковой главным научным сотрудником (ИБР) Института биологии развития АН СССР.

В ходе этих работ выяснилось, что эффект, подобный упомянутому выше, какой мы получали, путешествуя на «Трабанте» по ГДР с академиком Лаутербахом, наблюдался также во время полета второго космонавта СССР Германа Степановича Титова. То есть и в космосе происходило изменение субъективной оценки интервалов времени, когда летящий корабль пересекал разломы в земной коре. Это и стало называться Эффектом Титова.

В настоящее время психофизические особенности деятельности человека в экстремальных геологических условиях, в том числе под действием слабых доз радиации, мы обсуждаем с главным научным сотрудником Института экологии растений и животных академиком РАЕН доктором медицинских наук Галиной Владимировной Талалаевой, ученицей выдающегося биоритмолога Урала, основателя Уральской школы биоритмологии профессора Игоря Евгеньевича Оранского.

Речь идет о выявлении в период «омоложения» действия продуктов жизнедеятельности организма, подобных ювинильному гормону, обеспечивающему начальные стадии развития животных (от клетки до взрослой особи).

Четвертого октября 2007 года в день 50-летия запуска первого искусственного спутника Земли в СССР Ассоциация космонавтики России сочла возможным наградить меня по совокупности научных работ дипломом имени летчика космонавта СССР Г.С. Титова.

Список последних работ Ю. К. Штейна (Худенского):

Статьи:

1. "Биофизика и здоровье человека." Уральский изобретатель. 2001. N. 1. С. 12-13. Соавторы – *Талалаева А. С., Уткин В. И.*

2. "Горнолесные цивилизации как источники формирования миграционного духа (пассионарности) развивающихся этносов." Александр Гумбольдт и исследования Урала. Мат-лы российско-германской конф. 20-21 июня 2002 г., Екатеринбург, Россия. Екатеринбург. 2002. С. 183-189. Соавторы – *Бессонова Т. П., Винтер Э. Ф., Крепс В. И., Ляймер Э. В., Старцев В. В., Уткин В. И.*

3. "Наркомания с позиций доказательной медицины ." Госпитальный вестник. 2004. N 3 [4]. С. 19-23. Соавторы – *Спектор С. И.*

4. "Наркомания как индикатор сбоя в системе «человек - техника - среда»." Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «XV Уральские социологические чтения «Возрождение России: общество- управление – образование – культура – молодежь». Вестник ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. 2005. № 3(55). Ч. 1. С. 271-277. Соавторы – *Ахметов А. Л.*

Тезисы:

1. "Магнитные поля как экологический фактор в нашей жизни." IX Международный экологический симпозиум ”Урал атомный, Урал промышленный”. Тез. докл. ИПЭ УрО РАН, 2001. С. 165-166. Соавторы – *Уткин В. И.*

2. "А. Гумбольдт и современность: междисциплинарный подход к исследованию наркомании на уральских территориях" Александр фон Гумбольдт и проблемы устойчивого развития Урало-Сибирского региона: Материалы российско-германской конференции. Тюмень-Тобольск, 20-22 сентября, 2004. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004. С. 330-331. Соавторы – *Спектор С. И.*

3. "Наркомания как индикатор сбоя в системе «человек - техника - среда»" Безопасность биосферы: Сб. тезисов докл. Всерос. молодежного научного симпозиума. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2005 С. 45. Соавторы – *Ахметов А. Л.*

Предыстория развития сцинтилляционной техники на Урале

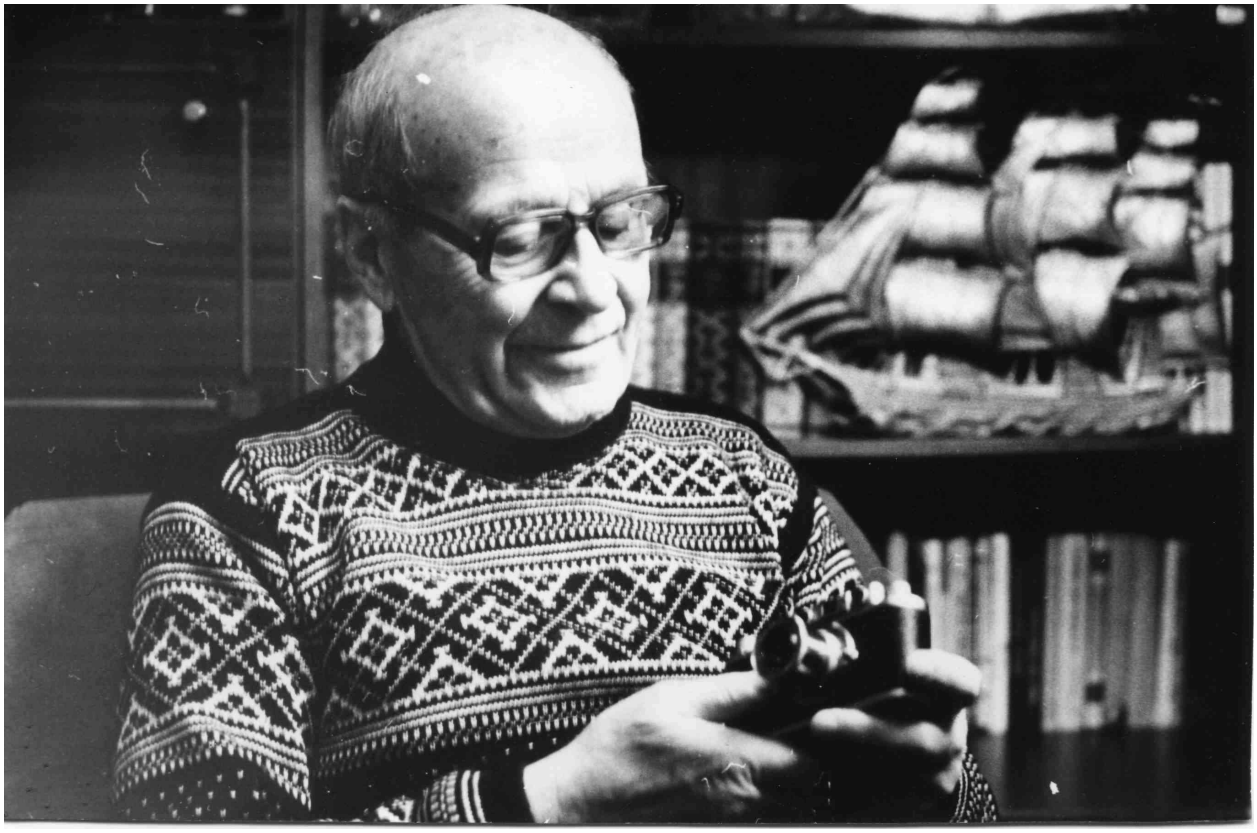
Я хочу начать раздел о сцинтилляциях с момента, когда Павел Степанович Зырянов познакомил меня, студента четвертого курса, с Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским, а тот в свою очередь со своими знакомыми физиками Nicolaus Riehl u Karl Zimmer (Риль и Циммер*). Павел Степанович, хотя и прошел всю Германию с винтовкой в руках, усвоил из немецкого языка хорошо только одно слово "wurst", что значит "колбаса" и произносил его сразу после того как Н. В. говорил "Шнапс", он говорил, естественно, со своими помощниками исключительно по-немецки! Тут и был смысл приглашать меня в аспирантуру к Н. В. Вообще моя судьба на ФТ была необычна, так как я сдал вступительные экзамены трем руководителям: первый был профессор Сергей Александрович Вознесенский, который прибыл из челябинских лагерей в Свердловск ранее Н.В. и организовывал кафедру РХ с проблемой очистки сточных вод от остатков ядерного производства. Вторым был Тимофеев-Ресовский, которому я «исповедовался» дома в присутствии С. В. Зырянова, П. С. Скроцкого и двух уже помянутых физиков. Кроме них был радиоэкохимик Сахаров, лабораторию которого унаследовал в ИЭЖИР Витя Безель. Третьим был Валентин Георгиевич Степанов, который завершил экзамен словами, обращенными ко мне: «Я сгною тебя в инженерах на МГД». Теперь вернемся к паре Риль - Циммер. Их основным прибором при проведении опытов с использованием излучателей при участии Ресовского был спинтарископ лорда Крукса! Отсюда был один шаг до сцинтилляторов на шестом курсе!

Сцинтилляторы были немецкого производства. Я не знаю, какие инструкции сопровождали коричневую банку с заготовками сцинтилляторов на основе NaI-Tl, и получал ли их сотрудник ИФМ Алеша Самохвалов, но мне достались банка и далее немецкая бочка с оптическим вазелиновым маслом из Плоешти. За основу станка для обработки сцинтилляторов попробовал взять зубную высокоскоростную бормашину с корундовой фрезой, а затем и алмазным диском.

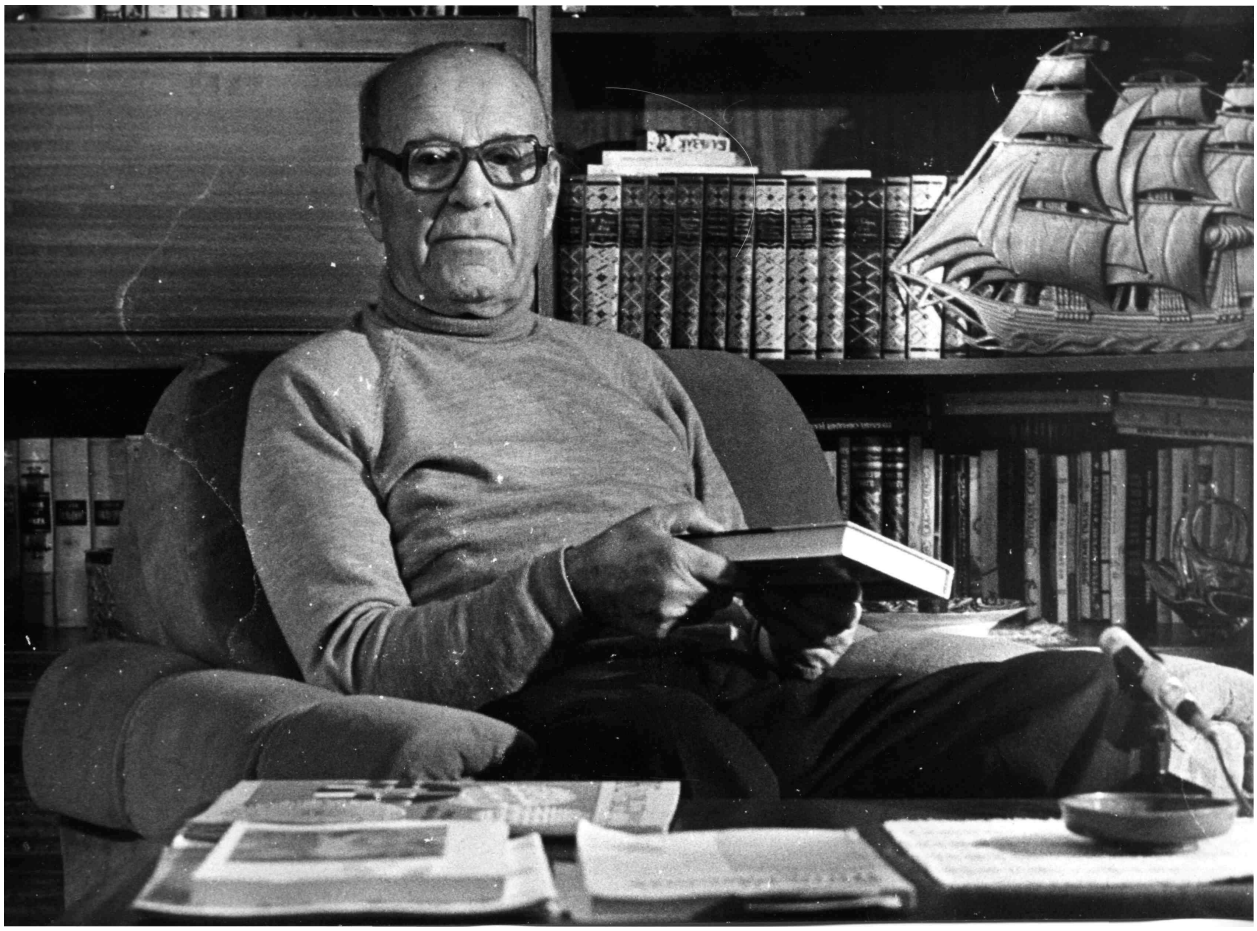
---

* Николай Васильевич Риль – Герой Социалистического Труда (СССР) ГО СВАГ 200 тонн металлического урана в 1945 году. Академик ГДР. Карл Циммер – руководитель Ядерного центра в Штутгарде ФРГ (1955 год)

Мой первый руководитель в науке Ибрагим Гафурович Факидов



И. Г. Факидов родился в Гурзуфе (Крым). В городе Солнечногорске (Крым) есть улица имени Ибрагима Гафуровича Факидова, одного из списка создателей Советской атомной бомбы, утвержденного И. В. Курчатовым



В резиновых перчатках под слоем масла оказалось невозможно работать. Пришлось использовать дамские, по локоть, из запасов балерины К. Г. Черменской (актриса Свердловского театра оперы и балета). Заготовки держал руками и выточил (работа выполнялась в ИФМ) десять сцинтилляторов диаметром 30 мм и толщиной 15 в форме цилиндров. Они и ушли на те датчики сцинтилляционных установок, которые были позже разработаны при моем участии. Через 50 лет я прочитал в интернете краткое сообщение о том, что ионы активатора таллия в кристаллах NaI-Tl активно замещают в ритмоводителях сердца физиологичные щелочные ионы K, Na и вызывают сердечные катастрофы. Эта остановка сердца произошла со мной в 1973 году и привела к клинической смерти. Однако нарушения здоровья возникли ранее. В 1959 году я оставил пост руководителя дозиметрической службы УПИ и был направлен на лечение в Харьковский рентгеновский институт, где лечился в одно время с умершим там академиком Карлом Вальтером – директором УФТИ.

Исследование локализации опухолей головного мозга с помощью изотопной методики

Но вернемся к десяти кристаллам-сцинтилляторам, изготовленных мною в ИФМ. Первый из них стал основой датчика для прибора по локализации опухолей головного мозга с помощью изотопной методики ^{131}I, который мы со студентом-теоретиком Леонидом Николаевичем Новиковым и физиком-экспериментатором Николаем Михайловичем Напольским разработали для госпиталя инвалидов войны и кафедры нейрохирургии СГМИ, которой руководил профессор Давид Григорьевич Шефер. Опухоли эти были частыми последствиями военных контузий. Ранее опухоли локализировали с помощью вязальных спиц во время трепанации черепа. Прибор позволил исключить обе эти операции. На первом приборе защитила свою кандидатскую диссертацию ординатор кафедры врач Ангелина Николаевна Ильницкая. Результаты были доложены на международном конгрессе нейрохирургов, который проходил в 1956 году в Таврическом дворце в Ленинграде. Контр-адмирал Панов – главный нейрохирург Балтфлота – рекомендовал прибор к внедрению в клинике Военно-медицинской академии в Ленинграде.

Второй кристалл был использован для курсовой работы студента, занимающегося разработкой автоматического прибора, который позволял оконтурировать площади разлива и россыпи радиоактивных жидкостей и порошков и вычерчивать изогаммы их активности. Два следующих кристалла были использованы для отработки конструкции герметичного контейнера, который позволял закреплять сцинтилляторы на поверхности катодов ФЭУ-18, ФЭУ-19 отечественного производства и немецкого EV-101. Эти датчики использовались для разработки конструкций различных специальных радиометров. Первая схема 64-канального сцинтилляционного гамма-спектрометра доказала возможность его создания на базе широкополосного усилителя установки В1 и пересчетки В2 на выходе с механическим счетчиком СМ в режиме радиометра. Необходимо было высококвалифицированно осуществлять подборку коаксиального кабеля и его согласование с входом широкополосного усилителя через катодный повторитель. Это определяло линейность выхода усилителя, за которым следовал блок преобразования «амплитуда-время» осуществлявший преобразование величины сигнала ФЭУ в число посылок, которые располагались в 64 каналах блока памяти на микроферритах, предоставленных нашей группе практикантов (студентов специальности "Экспериментальная физика", соответствующей кафедры ФТФ УПИ) администрацией Пензенского приборостроительного завода САМ в 1955 году. В ходе практики на этом предприятии определилась группа студентов, руководителем дипломного проектирования которой стал старший преподаватель Юрий Константинович Худенский. В неё входили: Владимир Уткин – староста группы дипломников, ныне чл.-корр. РАН д.ф.-м.н., советник Президиума УрО РАН, ранее директор Института геофизики УрО РАН; Юрий Бурдин, к.ф.-м.н., сотрудник ИГФ УрО РАН; Иван Нагибин, к.ф.-м.н., бывший начальник вычислительного центра Уралмаша; Евгений Панков, к.ф.-м.н., бывший заведующий лабораторией НИКИЭТ; Виктор Жунтов, к.т.н., бывший зав. лабораторией комбината «МАЯК». Слово «бывший» обозначает, что участник группы уже ушел из жизни. В 1957 году в журнале "Высшая школа" за май, где публиковались разнообразные материалы из вузов России, была опубликована моя статья "За комплексное и реальное проектирование".

На четвертом курсе я был председателем студенческого научного общества ФТФ и постоянно надоедал старшекурсникам-фронтовикам разнообразными идеями. Куратор СНО Сергей Павлович Распопин и Иван Федорович Ничков решили помочь аспиранту профессора Вознесенского – главному "водяному" Владимиру Вениаминовичу Пушкареву, который впоследствии заведовал на стройфаке кафедрой водоснабжения и канализации, и отправили меня делать очередную курсовую работу к Сергею Александровичу Вознесенскому. Идея была простой. Может быть, студент кафедры молекулярной физики, которая специализировалась на каскадах по разделению изотопов урана, сумеет разрешить уравнение, которое напишет он сам, для биологического переосаждения и пространственного разделения продуктов распада урана изотопов ^{137}Cs, ^{60}Co в медленно текущей речной воде. Они-то думали, что, испугавшись сложностей, я сбегу. Но не тут-то было! Человек, который видел ухмыляющегося д.ф.-м.н. Ю. М. Кагана (лауреат Демидовской премии 2009 г.) на фоне исписанных намертво от верхнего до нижнего угла громадных досок аудитории Ф-201 ФТФ, покинуть поля боя не мог и отправился выполнять следующую курсовую в Институт физики металлов (ИФМ) УрО РАН в лабораторию орденоносца-челюскинца метеофизика Ибрагима Гафуровича Факидова.

Маленький Ибрагим, сын процветающего купца турецкого происхождения из города-порта Гурзуфа, насколько я понял из рассказов Ибрагима Гафуровича, который практически каждую ночь появлялся в лаборатории, стал физиком исключительно по воле аллаха, который направил его сначала в обычную гимназию, где учились дети крымской аристократии, промышленников, высших инженеров и деятелей искусства, дети из семей, бежавших от красного террора со всей России. Ибрагим окончил физико-механический факультет Петроградского политеха, где учился на одном курсе с сыном инженера металлургического завода из уральского городка Сим (вспомним сказку об Али Бабе и волшебное заклинание "Сим-сим открой") Игорем Васильевичем Курчатовым! При Советской власти Ибрагим оказался в Петроградском политехническом институте. Под эти рассказы я выполнял слесарные и радиомонтажные работы для своей курсовой, название которой менялось в ходе выполнения. Я защищал проект 64-канального сцинтилляционного спектрометра гамма-излучения. Основная материальная база для выполнения этого задания была

подготовлена в лаборатории Факидова его аспирантом Алешей Самохваловым, который там защитил диссертацию. В то время в лаборатории уже лежали кристаллы NaI-сцинтилляторов, активированных таллием, производства американской компании Харшоу. Они были заготовками, полученными методом Стокбаргера, и были погружены в фирменный сосуд из коричневого стекла, наполненный оптически прозрачным вазелиновым маслом. Однако они не были подготовлены для использования в датчиках сцинтилляционных приборов. Мне предстояло разработать их конструкции и обработать заготовки кристаллов до нужной конфигурации.

Я серьезно готовился к будущей работе с группой Володи Уткина, как её до сих пор называют на физтехе. Учитывая свои не слишком добрые отношения с заведующим кафедрой к.т.н. В. Г. Степановым, на экзамене в кафедральную аспирантуру по специальности "Экспериментальная физика" я просил его дать завершить проект 64-канального сцинтилляционного гамма-спектрометра в виде диссертации. Я с самого начала понимал важность и перспективность этой разработки. Он впал в транс и в присутствии двух других членов комиссии, Г. В. Скроцкого и П. С. Зырянова, орал, что сгноит меня в ртутных испарениях МГД в должности инженера. Зав. кафедрой теоретической физики Г. В. Скроцкий печально качал головой, а П. С. Зырянов, которого я уже тогда мог назвать учителем и другом, сидел подавленный и медленно произнес слово "Однако!". Тот экзамен стал началом битвы между теоретиками физтеха и В. Г. Степановым, которому было, что терять; академики М. Д. Миллионщиков, Л. А. Арцимович и Е. П. Велихов уже выделили на академической ВПК финансирование проекта, который должен был обеспечить энергетические потребности ВМФ СССР на установках по прямому преобразованию кинетической энергии ртутного пара в электрическую. Борьба эта закончилась через несколько лет, когда очередной мой дипломник Юрий Дмитриевич Ошкин, выходец из крестьянской коми-пермяцкой семьи, уехал завершать свой диплом в Институт физических проблем под руководством академика Льва Давидовича Ландау. Тему диплома, связанную с МГД, приветствовал сам Валентин Георгиевич! Я не буду продолжать далее об этом. Но необходимо отметить, что уровень дипломированных физтехом специалистов был настолько высок, что Ю. Д. Ошкин разгромил проект Степанова, носивший заимствованное в

США звучное название "Паллетрон"! После этого экзамена Павел Степанов потребовал от меня скрупулезной подготовки к дальнейшей работе. По его мнению, лучше всего для этого подходило общество наших немецких друзей, которые, начиная с 1953 года, начали возвращаться в ГДР. Николаус Риль и немецкий руководитель проекта завода в Верхнейвинске Тиссен стали академиками, а последний даже президентом АН ГДР. Только гражданин СССР Н .В. Тимофеев-Ресовский, приглашенный вернуться на Родину Академией наук, оставался в должности старшего лаборанта УрО РАН.

В это время мой отец, полковник-инженер Константин Васильевич Худенский, командовал в Группе оккупационных войск Германии дивизией п\п 45365 ГАВТУ МО СССР. Он обратился к руководству ГОСВАГ и Министру среднего машиностроения ГДР товарищу Мюллеру с просьбой проконсультировать сына Юрия (дипломника ФТФ УПИ) по вопросам проектирования и изготовления фотоэлектронных умножителей (ФЭУ). Было получено разрешение на консультацию директора Института Земли Лейпцигского университета академика Лаутербаха и на производственную практику на комбинате «Карл Цейсс» в Йене. Я приобрел билет по военному требованию до станции Франкфурт на Одере, где меня 15 июня должен был встретить отец. Срок командировки до 15 августа 1955 года. Отец меня встретил. Сразу с вокзала мы прибыли в Лейпциг, где дислоцировалась папина дивизия.

В Лейпциге отец имел две квартиры. Одна из них на Роберт-Шуман-штрассе 2 на углу Линкель-штрассе в офицерском семейном общежитии. Туда мы и приехали. Я позвонил академику Лаутербаху, известив его о своем появлении. Мы договорились о встрече через день в Зоопарке, чтобы провести её там до его закрытия. Zoo оказался очень насыщенным, как и наши разговоры. Лаутербах напомнил мне Павла Степановича Зырянова, – такой же проницательный и ехидный. Он не старался меня подавить, обсуждая наши грядущие путешествия: первое в район истоков реки Шварце Эльстер на знаменитые радоновые ванны; второе на север в Померанию на берега Балтийского моря, и третье – в район знаменитых буроугольных открытых разработок. Во время поездки к истокам Шварце Эльстер академик планировал навестить Йену и устроить мне знакомство с научным руководством трех комбинатов «Цейсс Йена», «Йена Шотт» и «Йена Фарм». Далее он оставлял меня «на растерзание» руководства комбината «Цейсс Йена»

для определения целесообразности моего пребывания на линии производства и испытаний ФЭУ 101 EV и ОКБ сверхскоростных импульсных осциллографов. При выезде из Йены мы посетили цитадель науки – великий Йенский университет и пригород Йена-Ауерштадт, поле битвы немцев с Наполеоном. Наконец, ближе к вечеру он оставил меня ночевать в маленьком отеле "У черного лебедя" около моста через реку Черная Сорока. Немецкий стиль общения в Йене выражался в том, что меня будили по утрам телефонным звонком с завода и далее за мной приезжал автомобиль и доставлял на рабочее место. Все свои потребности в столовых, кафе я оплачивал сам, няньки у меня не было, и в полной мере я оценил то, что мама меня убедила во время Великой Отечественной войны учить немецкий язык. На заводе меня окружала атмосфера доброжелательности и внимания со стороны членов Свободной немецкой молодежи (FDJ). Во внерабочее время я свободно гулял по Йене даже ночью. Я покидал гостеприимную Йену с двумя кофрами, наполненными книгами по осциллографам и фотоэлектронным умножителям, образцами последних; технологическими регламентами, что потом мне очень помогло на МЭЛЗе (Московском электроламповом заводе), где я остановился по пути домой. Там я занялся бартером, меняя ФЭУ EV 101 на столь необходимые нашей команде ФЭУ-19 с приемлемой спектральной характеристикой высокого качества.

Второй квартирой папы в Лейпциге был особняк, расположенный за парком Auensee, где было большое озеро. Самым большим шиком у солдат дивизии, вырвавшихся в самоволку, было переплыть его на глазах изумленной немецкой публики в семейных трусах. Этот особняк служил для общественных приемов, на которых отец, как командир дивизии, принимал делегации из Западной Германии, например, Союза немецких женщин, коммунистов или социал-демократов. Моя мать часто бывала на этих приемах. Её фотографии помещала немецкая печать. Я был на таком приеме только один раз, когда папа принимал семью графов Вонсяцких – переводчиков гоголевских "Мертвых душ" на немецкий язык, издание которых в 1954 году папа финансировал из личных средств.

Поскольку у командира дивизии К. В. Худенского не было недостатка автомобилей, мы часто выезжали в Берлин-Карлсхорст и штаб группы войск во Вюнсдорфе. Я имел возможность навестить старых знакомых по Уралу и новых приобретенных в ГДР товарищей – Манфреда фон Арденне и Улауса Фукса в Россендорфе в Институте

ядерной физики на базе исследовательского реактора АН ГДР. Промышленный энергетический реактор в Кюлунгсборне я посетил во время конференции по электрофорезу крови. Там, как и в берлинской "Шарите" в августе, я интересовался образцами французской сцинтилляционной техники. В августе 1955 года, выполняя просьбу президента ГДР Вильгельма Пика, академик Лаутербах посетил гигантские угольные разрезы между городом Губеном и пограничным с Польшей Глейвицем. Я сопровождал его в этой поездке. Лаутербах вернул меня в п\п 45365, и далее до Свердловска меня с грузом информации провожал майор Сергей Иванович Касаткин, который ехал на охоту в Курганскую область.

Дополнение Б. В. Шульгина

В 1955 году Ю. К. Худенский был оставлен при кафедре экспериментальной физики ФтФ УПИ из шести человек в должности старшего преподавателя (одновременно он исполнял обязанности начальника дозиметрической службы УПИ). Ю. К. Худенский весьма оперативно включился в работу. В 1957 году группа дипломников кафедры экспериментальной физики ФтФ УПИ, о которой в своих воспоминаниях рассказал Ю. К. Худенский, под его руководством разработала и осуществила проект модифицированного 64/128-канального сцинтилляционного γ-спектрометра. В 1958 году эта работа была представлена на всесоюзный конкурс студенческих научных работ и удостоена золотой медали Минвуза СССР. Вот как об этом сообщала газета «За индустриальные кадры» 1959, 26 ноября, № 49-50 (1426-27) (см. фото). Однако в 1959 году Ю. К. Худенский, к сожалению, уволился из УПИ и продолжил свою работу в Харькове.

Новый этап развития сцинтилляционных и других детекторных материалов и сцинтилляционной техники на Урале начался с появлением нового после В. Г. Степанова заведующего кафедрой экспериментальной физики (КЭФ) профессора Ф. Ф. Гаврилова (заведовал кафедрой в 1959-1980 гг.). Работы в этом направлении успешно продолжаются учениками профессора Ф. Ф. Гаврилова. Этот этап связан с разработкой на КЭФ новых детекторных (сцинтилляционных и термолюминесцентных) материалов и новых детектирующих комплексов (более 320 изобретений), включая оборонные комплексы радиационного контроля наземного, морского и вертолетного базирования.

Статья в газете «За индустриальные кадры» о присуждении золотой медали Минвуза СССР группе студентов ФТФ под руководством Ю. К. Худенского

Лауреаты всесоюзного конкурса

СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ

Электроника нашла широкое применение в экспериментальной физике и, в частности, в одной из ее областей — изучении различных видов ядерных излучений. С помощью специальных приборов- спектрометров можно установить распределение интенсивности ядерного излучения в зависимости от его энергии.

В последнее время наблюдается закономерная тенденция к автоматизации электронных анализирующих устройств, предназначенных для изучения излучений.

Организатором научно-технического кружка экспериментальной физики старшим преподавателем Ю. К. Худенским была высказана идея постройки многоканального прецизионного спектрометра ядерных излучений на основе сцинтилляционной техники и специализированной быстродействующей электронной вычислительной машины. Эта идея заинтересовала многих студентов, работавших в кружке.

Но для ее воплощения необходимо было изучить много нового, не предусмотренного учебным планом: теорию вероятностей, теорию информации, теоретическую логику. Отсутствие работ об отечественных многоканальных спектрометрах заставило обратиться к иностранным журналам.

Здесь мало было одного желания. Необходима была большая настойчивость в достижении поставленной цели.

В 1957 году студенты физико-технического факультета Виктор Жунтов, Юрий Бурдин, Владимир Уткин, Иван Нагибин, Игорь Ребрин, Евгений Панков под руководством Ю. К. Худенского приступили к работе над созданием многоканального спектрометра.

Самостоятельные занятия студентов чередовались с проведением семинаров, на которых работа каждого подвергалась тщательному рассмотрению, а малейшие промахи — жестокой критике. Семинары превращались здесь в своего рода творческие дискуссии, на которых часто принимали участие работники кафедры, со студенческой горячностью отстаивавшие свои точки зрения.

Вся работа по созданию конструкции спектрометра была разбита на 6 частей. Каждый участник работы провел теоретическое обоснование, конструктивную разработку и монтаж определенного блока, осуществляющего необходимые арифметические и логические операции. В результате дружной и настойчивой работы в 1958 году была создана современная конструкция спектрометра, который может с успехом использоваться для многих исследований в физике ядра.

Прибор может автоматически обрабатывать информацию, поступающую от сцинтилляционного датчика, «запоминать» ее на длительное время и при необходимости производить выдачу результатов на экран электронно-лучевой трубки или бумажную ленту.

Коллективная работа «Многоканальный анализатор амплитуд для целей сцинтилляционной спектрометрии ядерных излучений» была представлена на всесоюзный конкурс студенческих научных работ 1958 года по разделу: «физические науки» и удостоена высшей награды — медали Министерства высшего образования «За лучшую научную студенческую работу».

В. ПЛОТНИКОВ.

Результаты моей изобретательской деятельности

Первостепенное значение для эволюции человека имеет изобретательность. Это самый важный продукт его творческого мышления.

Никола Тесла. «Мои Изобретения»

Пик активности в моей изобретательской деятельности пришелся на харьковский период работы во Всесоюзном научно-исследовательском институте монокристаллов и период активного сотрудничества с Харьковским институтом радиоэлектроники, Харьковским институтом эндокринологии и химии гормонов, Харьковским научно-исследовательским институтом общей неотложной хирургии, Всесоюзным научно-исследовательским институтом по охране вод, Харьковским государственным медицинским институтом и Украинским заочным политехническим институтом. Контакты с этими организациями были весьма результативными. Научными руководителями работ, выполняемых в этих организациях, были Валериан Иванович Старцев, Юрий Аронович Цирлин, Борис Иеремеевич Веркин. Это ученые мирового класса! Я попал в «питательный научный бульон», что естественно сказалось на моей научной продуктивности: написании монографий, таких так «Дисперсные детекторы ионизирующих излучений» в соавторстве с Ю. А. Цирлиным и М. Н. Баисовой, «Оптохемотроника» в соавторстве А. И. Быхом и И. Ф. Огороднейчуком, и оформлении заявок на изобретения. Последние использовались и при написании монографий.

Большинство изобретений сделано совместно с представителями вышеуказанных организаций в период с 1958 по 1980 год. Тематика изобретений в связи с широким кругом научных контактов, естественно, отличалась большим разнообразием. Это и сцинтилляционные детекторы нейтронов и гамма – излучения, а также способы их получения, – первые изобретения «харьковской волны» с приоритетом от 1958 и 1959 годов. Это и способ стимулирования радиолюминесценции, возникающей в жидком сцинтилляторе, разработанный в 1976 году. Целая серия новых

объектов интеллектуальной собственности связана с разработкой составов термоиндикаторных покрытий, электрохромных и электрофлорных композиций для индикаторных устройств, с разработкой самих индикаторных устройств. И наконец, сделан ряд изобретений, связанных с проблемами биологически активных веществ и новых методов медицинской диагностики. Ниже приведены сведения об основной части опубликованных моих личных изобретений и части изобретений с соавторами в трех областях инженерии:

- Сцинтилляционной техники: №№ 124037, 124556, 124557, 133540, 269340, 596415, 605465;
- Термоиндикаторных, электрохромных и электрофлорных покрытий и композиций: №№ 299842, 301992, 305471, 308464, 327227, 328155, 334854, 334855, 335967, 336991, 336992, 338111, 341413, 358694, 391423, 401293, 403034, 503409;
- Биологически активных мумиеподобных веществ: №№ 457477, 459476, 459477, 561319, 603387, 860734, 980693, 1117043, 1135476.

Сцинтилляционные детекторы

В разделе описаны хитроумные детекторы быстрых и тепловых нейтронов на основе пластмасс. Впервые предложены гетерогенные многослойные детекторы из нескольких слоев сцинтиллирующей и не сцинтиллирующей пластмассы, рулонные, спиралевидные детекторы и нитеобразные волоконные детекторы, размещенные в узких каналах объемного блока из несцинтиллирующей пластмассы – ориентированные чувствительные детекторы быстрых нейтронов. В этом же разделе рассмотрены новые жидкие сцинтилляционные детекторы медленных и промежуточных нейтронов, использующие для их регистрации ядерные реакции типа $^{14}N(n,p)^{14}C$ и ^{6}Li (n,α)T (А.С. СССР №605465). В этом разделе размещено также описание способа стимулирования радиолюминесценции жидкого сцинтиллятора путем его перевода в токопроводящее состояние.

Класс 21g, 18$_{02}$

№ 124556

СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ
К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

Ю. К. Худенский и Ю. А. Цирлин

СЦИНТИЛЛИРУЮЩИЙ ДЕТЕКТОР БЫСТРЫХ НЕЙТРОНОВ

Заявлено 9 октября 1958 г. за № 700335/26 в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

Опубликовано в «Бюллетене изобретений» № 23 за 1959 г.

Известные детекторы весьма чувствительны к гамма-лучам, вследствие чего они не могут использоваться при значительном фоне гамма-лучей. Это относится как к органическим сцинтилляторам и сцинтиллирующим пластмассам, так и к дисперсным детекторам. Кроме того, известные детекторы имеют изотропную чувствительность к нейтронам, они не обеспечивают направленной чувствительности к нейтронным потокам и не могут быть использованы при значительном нейтронном поле.

Предлагаемый детектор не имеет этих недостатков и отличается от известных тем, что, с целью уменьшения чувствительности к гамма-излучению и обеспечения направленной чувствительности к нейтронным потокам, его сцинтиллирующая пластмасса образует нити, помещенные внутри несцинтиллирующей пластмассы.

Этот детектор выполняется из прозрачной сцинтиллирующей пластмассы, которая введена в несцинтиллирующую пластмассу в виде параллельных нитей. Диаметр нитей и расстояние между их центрами определяется энергией нейтронов и энергией гамма-квантов фона. Детектор имеет форму цилиндра с диаметром по диаметру ФЭУ и толщиной 2,5 *см*. Облучение нейтронами происходит вдоль оси детектора. Вследствие использования комбинации нитей сцинтиллирующей пластмассы, погруженных в несцинтиллирующую пластмассу, детектор чувствителен к нейтронному потоку, направленному вдоль оси цилиндра и мало чувствителен к нейтронам других направлений.

Предмет изобретения

Сцинтиллирующий детектор быстрых нейтронов, выполненный из прозрачной сцинтиллирующей пластмассы, отличающийся тем, что, с целью уменьшения его чувствительности к γ-излучению и обеспечения направленной чувствительности к нейтронным потокам, его сцинтиллирующая пластмасса образует нити, помещенные внутри несцинтиллирующей пластмассы.

Класс 21g, 18_{02} № 124037

СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ
К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

Ю. К. Худенский

СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СЦИНТИЛЛЯТОРОВ ИЗ ПЛАСТИЧЕСКОЙ МАССЫ

Заявлено 26 марта 1959 г. за № 623280/26 в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

Опубликовано в «Бюллетене изобретений» № 22 за 1959 г.

Известные способы изготовления сцинтилляторов сложны и неудобны.

Описываемый способ прост, удобен и отличается от известных способов тем, что ленту пластмассовой пленки, после обычной для нее обработки, свертывают в рулон с введением сцинтиллирующих наполнителей между слоями.

Сущность предлагаемого способа заключается в том, что пластмассовую пленку подвергают обычной обработке по следующей технологии: введение сцинтиллирующих добавок, осветление глубоким прогревом и медленным охлаждением, промывка, покрытие слоем недополимеризованного полимера, а затем свертывают в цилиндр (рулон) с введением сцинтиллирующих наполнителей между слоями. Рулон, при необходимости, подвергают автоклавированию и механической обработке торцов.

Предмет изобретения

Способ изготовления сцинтилляторов из пластической массы, отличающийся тем, что, с целью получения сцинтилляторов направленного действия, изготовляют из полимерного материала пленку, которую после обычной для нее обработки свертывают в рулон с введением сцинтиллирующих наполнителей между слоями.

Класс 21g, 18_{02} № 133540

СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ
К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

Подписная группа № 97

Ю. К. Худенский, Ю. А. Цирлин и М. Н. Баисова-Каракаева

СЦИНТИЛЯЦИОННЫЙ ДЕТЕКТОР ТЕПЛОВЫХ НЕЙТРОНОВ

Заявлено 27 апреля 1960 г. за № 664450/26 в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

Опубликовано в «Бюллетене изобретений» № 22 за 1960 г.

Известны сцинтиляционные детекторы тепловых нейтронов, содержащие сцинтилирующий состав, глицерин и борную кислоту. Использование борной кислоты при изготовлении таких детекторов сопряжено с образованием акролеина, который, присутствуя в составе детектора, снижает его оптические свойства и эффективность.

В предлагаемом детекторе в качестве борсодержащего соединения используется метаборная кислота или борный ангидрид, применение которых не приводит к образованию акролеина.

Применение борного ангидрида или метаборной кислоты повышает эффективность детектора без снижения его оптических свойств.

Исходными материалами при изготовлении описываемых детекторов являются светосостав К-5, метаборная кислота или борный ангидрид и глицерин.

Для изготовления описываемых детекторов в химический стакан объемом 50 *мл*, помещенный на глицериновую баню, наливают 4 *мл* глицерина, который нагревают до 175—190°. Затем в стакан вводят при помешивании 9 *г* метаборной кислоты или 6 *г* борного ангидрида. Образуется борная пластмасса, из которой в результате дальнейшего нагрева удаляется вода, получившаяся в процессе реакции. После этого в горячую пластмассу вводят 2,5 *г* светосостава К-5. Полученный состав выливается на алюминиевую подложку контейнера и накрывается пластмассовым световодом.

Предмет изобретения

Сцинтиляционный детектор тепловых нейтронов, содержащий сцинтилирующий состав, глицерин и борсодержащее соединение, отличающийся тем, что, с целью повышения эффективности детектора без снижения его оптических свойств, в нем в качестве борсодержащего соединения применена метаборная кислота или борный ангидрид.

Класс 21g, 18$_{02}$ № 124557

СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ
К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

Подписная группа № 97

Ю. К. Худенский и Ю. А. Цирлин

СЦИНТИЛЛЯЦИОННЫЙ ДЕТЕКТОР БЫСТРЫХ НЕЙТРОНОВ

Заявлено 9 октября 1958 г. за № 700336/26 в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

с присоединением заявки № 700332/26

Опубликовано в «Бюллетене изобретений» № 23 за 1959 г.

Идеальный детектор быстрых нейтронов должен иметь высокую эффективность регистрации, практически нулевую чувствительность к гамма-излучению фона и малое время срабатывания.

Известные детекторы быстрых нейтронов не обладают высокой эффективностью нейтронов и в то же время высокой чувствительностью к гамма-лучам или же они обладают малой чувствительностью к гамма-лучам и малой эффективностью регистрации нейтронов. Большая чувствительность детекторов к гамма-лучам не допускает использования при значительном фоне гамма-лучей. Изотропная чувствительность детекторов к нейтронам является препятствием для использования их при значительном нейтронном поле; усложнено их использование и в опытах с рассеянными нейтронами.

Предлагаемый детектор не имеет указанных недостатков. Он выполнен из чередующихся слоев сцинтиллирующей пластмассы (например, полистирол с тетрафенилбутадиеном) и несцинтиллирующей пластмассы (например, полистирол). Соотношение толщин слоев пластмассы определяется энергией нейтронов источника и гамма-лучей фона. Детектор позволяет уменьшить его чувствительность к гамма-излучению при высокой эффективности счета нейтронов, так как протоны отдачи тормозятся в одном сцинтиллирующем слое, а электроны — в нескольких слоях, как сцинтиллирующих, так и несцинтиллирующих. Такая конструкция детектора обеспечивает направленную чувствительность к нейтронным потокам вдоль радиусов цилиндра и понижает чувствительность к гамма-лучам.

Предмет изобретения

1. Сцинтилляционный детектор быстрых нейтронов по протонам отдачи, выполненный из прозрачной сцинтиллирующей пластмассы, от-

Термоиндикаторные, электрохромные и электрофлорные покрытия и композиции

Эта группа изобретений относится к созданию термоиндикаторных покрытий, используемых для индикации и контроля температуры поверхности объектов и тепловыделяющих элементов в различных установках и электронных схемах, работающих в широком диапазоне температур. В таких покрытиях в качестве термочувствительного ингредиента нами предложено использовать различные металлоорганические соединения, например, в диапазоне комнатных температур (+20 ÷ +40^{0}С) трифтортеноилацетонат европия, а в диапазоне температур от -150 до -200 ^{0}С тетраксидибензоилметаната тербия.

В эту же группу изобретений входит большое число разработок электрохромных и электрофлорных композиций. Также композиции применяются для создания безвакуумных плоских или объемных отображающих устройств, светофильтров и электрически управляемых элементов счетно-решающих устройств (электрохромы) и для создания электрохимических хемилюминесцентных индикаторных систем для использования в вычислительной технике и в автоматических системах управления (электрофлорных композиций).

В 1978 году киевское издательство «Техника» опубликовало первую в мире монографию «ОПТОХЕМОТРОНИКА», посвященную созданию устройств, управляющих процессами свечения или изменения цвета растворов с ионной проводимостью при прохождении импульсов тока переменной полярности. Свечение люминесценции или изменение цвета обнаруживается в тонком приэлектродном слое порядка микрометров под действием малых приложенных напряжений (0,05-0,005 В). Авторами книги являлись руководитель группы химической физики лаборатории новейших органических материалов НПО «МОНОКРИСТАЛЛ» МХП СССР к.ф.-м.н. Ю. К. Худенский и заведующий кафедрой горной электротехники ХИРЭ профессор, доктор технических наук И. Ф. Огороднейчук, а также аспирант упомянутой кафедры Анатолий Иванович Бых, который впоследствии стал основателем харьковской школы электролюминесцентщиков. Ими были изучены сотни различных электрофлорных композиций, использующих излучательные переходы в органических молекулах и безызлучательных электрохромных композиций. В 2000 году сотрудники ХТУРЕ

Н. Н. Рожицкий, А. И. Бых, М. А. Красноголовец монографией «Электрохимическая люминесценция» закрепили мировое первенство украинских ученых в разработке практически пригодных «самосветящихся обоев» для освещения жилплощади, складских помещений и горных выработок.

Сведения об изобретениях, относящихся к области термоиндикаторных покрытий, электрохромных и электрофлорных композиций, сведения о которых опубликованы в открытой печати

Союз Советских Социалистических Республик

Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

403034

Зависимое от авт. свидетельства № —

Заявлено 30.XII.1970 (№ 1620102/23-4) М. Кл. **H 03k 3/40**

с присоединением заявки № —

Приоритет —

Опубликовано 19.X.1973. Бюллетень № 42 УДК **66.087(088.8)**

Дата опубликования описания 22.VII.1974

Авторы изобретения **В. Д. Безуглый, Н. М. Грачев, Л. В. Воевода, В. Ф. Гончаренко, Ю. К. Худенский и Л. Б. Зубакова**

Заявитель **Украинский заочный политехнический институт**

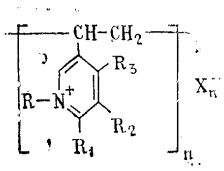
ЭЛЕКТРОХРОМНАЯ КОМПОЗИЦИЯ

1

Изобретение относится к электрохромным преобразователям информации, которые могут быть использованы для создания электрохромных индикаторных систем.

Известны электрохромные композиции, состоящие из растворителя и электрохромного вещества, в качестве которого применяют низкомолекулярные соединения. Однако такие композиции неудобны в обращении вследствие их летучести, огнеопасности и необходимости сложной системы герметизации ячейки при их техническом применении.

Для обеспечения нелетучести и меньшей огнеопасности элекрохромных композиций в них в качестве электрохромного вещества предлагается применять высокомолекулярное соединение общей формулы



где R—R_3 — углеводородные или функциональные группы; X — анион.

2

Пример. Приготовляют 20%-ный раствор поли-1,2-диметил-5-винилпиридиний-п-толуолсульфоната в диметилформамиде высокой степени чистоты и заполняют этим раствором стеклянную ячейку с двумя платиновыми электродами, на которые подают напряжение от источника постоянного тока. При пропускании электрического тока (напряжение 5 в) через раствор его окраска изменяется от бесцветной до темнокоричневой.

При пропускании электрического тока (1—10 в) через бесцветный раствор указанного высокомолекулярного соединения в ацетонитриле, диметилформамиде или бензонитриле наблюдается электрохромный эффект — окрашивание приэлектродной области раствора.

По таким характеристикам визуальных индикаторов, как интегральная оптическая плотность в максимуме кривой видимости человеческого глаза (*Д*), контрастность (*К*), время памяти ($t_п$) и время стирания ($t_с$), данные описываемой композиции не уступают известным электрохромным композициям, содержащим чувствительные к изменению pH среды низкомолекулярные индикаторные соединения.

Сравнительные характеристики предложенной композиции А, содержащей полимер из

1-метил-2 - окси-5-винилпиридинийметилсульфата в виде 5%-ного раствора в диметилформамиде, и известной композиции Б (0,05%

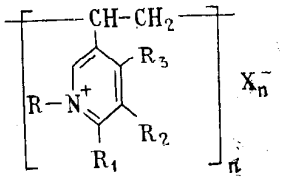
бромитимолового синего; 0,05% хлористого натрия; 15% этилового спирта; вода до 100%) приведены в таблице.

Композиция	Д	К	$t_п$	$t_с$
А	0,1—0,15	1:10	Не обесцвечивается в течение 24 час	Не стирается
Б	1—1,8	1:100	Не обесцвечивается в течение месяца	4 в/сек

Применение высокомолекулярных соединений в качестве электрохромных веществ позволяет изготовлять композиции различной степени вязкости, что важно при конструктивном оформлении отображающих систем и способствует устранению недостатков, обусловленных жидким состоянием композиции (летучести, огнеопасности, необходимости сложной системы герметизации ячейки). Электрохромные композиции в виде гелей могут применяться без ячеек.

Предмет изобретения

Электрохромная композиция на основе электрохромного вещества и растворителя, отличающаяся тем, что, с целью обеспечения нелетучести и меньшей огнеопасности электрохромных композиций, в них в качестве электрохромного вещества применено высокомолекулярное соединение общей формулы



где R—R_3 — углеводородные или функциональные группы; X — анион.

Союз Советских Социалистических Республик

Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

299842

Зависимое от авт. свидетельства № —

Заявлено 11.VII.1969 (№ 1346583/18-24)

с присоединением заявки № —

Приоритет —

Опубликовано 26.III.1971. Бюллетень № 12

Дата опубликования описания 26.IV.1971

МПК G 06f 3/14

УДК 681.3:53.085.3 (088.8)

Авторы изобретения Ю. К. Худенский, Ф. Я. Евсеев и А. И. Бых

Заявитель Харьковский институт радиоэлектроники

УСТРОЙСТВО ДЛЯ ИНДИКАЦИИ

1

Изобретение относится к вычислительной технике и может быть использовано для отображения графической, цифровой и буквенной информации от различных источников.

Известны электрофлорные индикаторные устройства, выполненные в виде набора проволочных сеток или полупрозрачных электродов, нанесенных на стекло и погруженных в электрофлорную композицию.

В этих устройствах отображение информации происходит в виде свечения электрофлорной композиции при подключении знакопеременного низковольтного напряжения между проволочными электродами.

Однако на перекрестьях проволочных или полупрозрачных электродов возникает затемнение светящегося пятна, что снижает разрешающую способность устройства и область его применения.

Целью изобретения является расширение области использования электрофлорных индикаторов в двумерных отображающих устройствах и улучшение их эксплуатационной характеристики путем устранения эффекта точечного затемнения и снижения токопотребления.

Поставленная цель достигается тем, что один из рабочих электродов, связанный с любой координатой (например, y), выполняется в виде системы штырьевых электродов, в результате чего токоподводящие соединения могут быть вынесены за пределы объема электрофлора, в то время как рабочий электрод, связанный со второй координатой (x), выполнен в виде системы светоограничительных диафрагм-коллиматоров, связанных между собой токовводами, расположенными в объеме электрофлора.

2

Предлагаемое устройство изображено на чертеже.

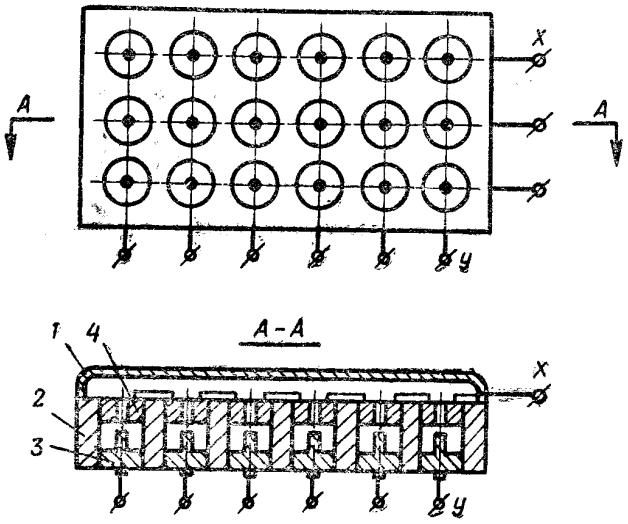
Оно умеет вид ячейки и состоит из прозрачной крышки *1* и непрозрачного корпуса *2*. В корпусе просверлены отверстия, в которые с нижней стороны впрессованы или вклеены штырьевые электроды *3*, а с верхней — светоограничительные электроды — диафрагмы *4*. Внутренний объем индикатора заполнен электрофлорной композицией. Все электроды внутри каждой системы соединены последовательно.

При подаче знакопеременного напряжения на электроды, связанные с различными координатами (X_i, Y_j), происходит свечение в одной из элементарных ячеек индикатора — в точке пересечения данных координат (X_i, Y_j).

Одновременная подача знакопеременного напряжения на ряд электродов по осям x и y осуществляет свечение нескольких элементарных ячеек в виде точек, отображающих необходимую информацию на индикаторе.

Предмет изобретения

Устройство для индикации, содержащее непрозрачный корпус с системой электродов, погруженных в электрофлорную композицию и прозрачную крышку, *отличающееся* тем, что с целью устранения затемнения светящегося пятна на перекрестных электродах и повышения экономичности индикатора, одна из систем электродов выполнена в виде штырей, расположенных коаксиально со вторыми электродами, выполненными в виде светоограничивающих диафрагм — коллиматоров, расположенных в отверстиях непрозрачного корпуса.



Союз Советских Социалистических Республик

Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

305471

Зависимое от авт. свидетельства № 299845

Заявлено 11.VII.1969 (№ 1346129/18-24)

МПК G 06f 3/14

с присоединением заявки № —

Приоритет —

Опубликовано 04.VI.1971. Бюллетень № 18

УДК 681.328(088.8)

Дата опубликования описания 16.VIII.1971

Авторы изобретения Ю. К. Худенский, Ф. Я. Евсеев и А. И. Бых

Заявитель Харьковский институт радиоэлектроники

ЭЛЕКТРОФЛОРНОЕ УСТРОЙСТВО ДЛЯ ИНДИКАЦИИ

1

Изобретение относится к области автоматики и вычислительной техники и может служить для отображения графической, цифровой и буквенной информации от ЦВМ и других источников информации.

Известны электрофлорные индикаторные устройства по авт. св. № 299845.

Статическое наблюдение изображения осуществляется за счет непрерывной регенерации отображаемой информации. Для развязки источника информации и устройства отображения необходимо предусматривать между ними промежуточное устройство памяти.

Цель изобретения — расширение области использования индикаторных электрофлорных устройств для двухмерного отображения путем осуществления возможности непосредственной стыковки электрофлорного двухмерного индикатора и вычислительной машины.

Поставленная цель достигается тем, что в дополнение к рабочим электродам, выполненным в виде системы связанных штырей и системы связанных светоограничительных электродов-диафрагм в объем индикатора, заполненный электрофлорной композицией, вводятся дополнительные электроды, создающие постоянное электрическое поле, коаксиальное с рабочим и противоположного с ним знака.

Предлагаемое устройство изображено на чертеже.

2

Электрофлорное индикаторное устройство имеет вид ячейки и состоит из прозрачной крышки *1* и непрозрачного корпуса *2*. Внутренний объем индикаторного устройства заполнен электрофлорной композицией. Непрозрачный корпус *2*, в свою очередь, состоит из трех пластин. Средняя пластина *3* из проводящего материала служит одним из дополнительных электродов. Второй дополнительный электрод выполняется в виде рамки *4* в объеме электрофлора или в виде проводящего полупрозрачного покрытия на прозрачной крышке индикаторного устройства. Верхняя *5* и нижняя *6* пластины выполняются из диэлектрика. В системе трех связанных пластин, составляющих корпус, выполняются отверстия, служащие для размещения рабочих электродов. В нижней пластине располагаются штырьевые электроды *7*, связанные токовводами с одной из координат (*Y*). Концы штырей входят в сверления средней пластины, служащей одним из дополнительных электродов. В сверлениях верхней пластины располагаются диафрагменные светоограничительные электроды, связанные токовводами по координате *X*. Источники напряжения подпитки и рабочего напряжения разделены. Принципиально может быть использован только один дополнительный электрод (любой из описанных), а в качестве второго — одна из

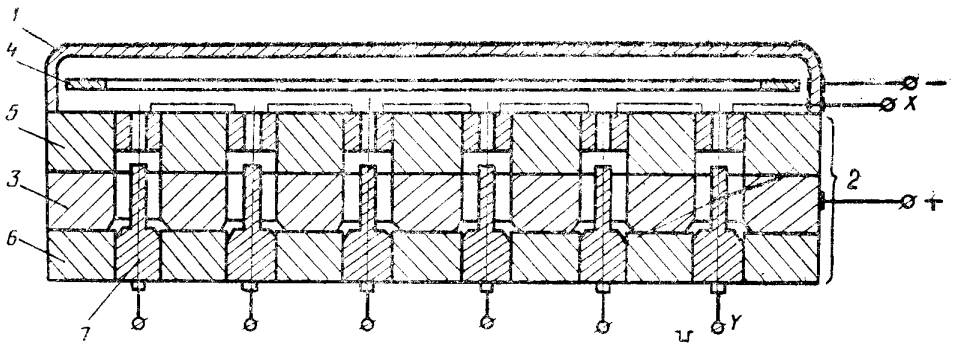
систем рабочих электродов, т. е. источники напряжения будут иметь общую точку.

На дополнительные электроды подается постоянное напряжение. Оно служит для создания в объеме элементов индикаторного устройства постоянной концентрации ион-радикалов электрофлора, имеющих знак, противоположный ионам электрофлора, которые образованы несущим информацию сигналом (например, плюс — на среднюю пластину, а минус — на рамку).

При подаче на штырь-диафрагму (X, Y) униполярного импульса (отрицательного) от вычислительной машины в объеме элемента индикаторного устройства возникает рекомбинация ион-радикалов разного знака, при которой возникают вспышки электрохемилюминесценции, соответствующие точке (X_j, Y_j) на поверхности индикатора. Подача сигналов на ряд элементарных ячеек индикаторного устройства позволяет получить светящиеся точки (X_j, Y_j), отображающие необходимую информацию на индикаторе.

Предмет изобретения

Электрофлорное устройство для индикации по авт. св. № 299845, *отличающееся* тем, что, с целью осуществления возможности управления униполярными импульсами, уменьшения длительности управляющих импульсов и повышения яркости свечения экрана, в него введен дополнительный электрод, подключенный к источнику постоянного напряжения.



Союз Советских Социалистических Республик

Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

308464

Зависимое от авт. свидетельства № —

Заявлено 27.X.1969 (№ 1383366/18-10)

с присоединением заявки № —

Приоритет —

Опубликовано 01.VII.1971. Бюллетень № 21

Дата опубликования описания 3.IX.1971

МПК H 01g 9/22

УДК 621.314-262(088.8)

Авторы изобретения Ю. К. Худенский и А. И. Бых

Заявитель Харьковский институт радиоэлектроники

СПОСОБ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МЕХАНИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ В ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СИГНАЛ

1

Изобретение относится к области измерительной техники, точнее, к области электрохимических преобразователей механических воздействий в электрический сигнал, и может быть использовано для построения датчиков акустических и гидродинамических давлений, вибрационных, сейсмических и других воздействий.

Известные способы преобразования механических воздействий в некоторых случаях не обеспечивают необходимую чувствительность.

Предложенный способ позволяет увеличить чувствительность преобразования. Для этого проводят электролиз электрофлорной композиции с образованием ион-радикалов электрофлора вблизи анода и катода, создают гидродинамический перенос ион-радикалов от одного электрода к другому и регистрируют свечение электрохемилюминесценции, пропорциональное величине механического воздействия.

На чертеже показан электрохемилюминесцентный преобразователь для осуществления предлагаемого способа. (Один из вариантов).

Герметичный корпус *1* из химически стойкого материала разделен перегородкой из того же материала на две неравные по объему камеры. В центральной части перегородка имеет небольшое отверстие *2*, соединяющее обе камеры. Внутренний объем преобразователя, за исключением воздушных камер *3*, заполнен электрофлорной композицией, обладающей эффектом электрохемилюминесценции, например раствором хризена в диметил-формамиде с добавлением электролита типа тетрабутиламмоний перхлората.

2

В каждую из камер вблизи переточного отверстия *2* помещены электроды *4* и *5*, выполненные из инертного материала, или из проводящего прозрачного покрытия, например платины, и образующие с применяемой электрофлорной композицией обратимую окислительно-восстановительную систему. Анод *4* помещен в камеру большего объема и выполнен в виде конической шайбы. Катод *5* представляет собой прозрачный электрод. К торцовой стороне верхней камеры прикреплена упругая мембрана *6*.

Приемником электрохемилюминесцентного излучения является фоторезистор *7*, расположенный между прозрачным катодом *5* и стеклянной несущей пластиной *8*.

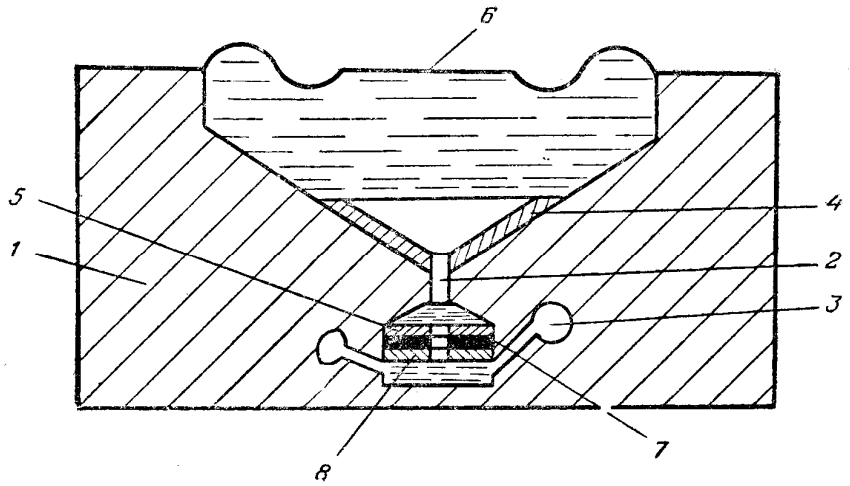
При подаче на электроды *4* и *5* постоянного напряжения осуществляется электролиз люминесцирующего вещества, например хризена, в результате чего вблизи анода скапливается большое количество положительно заряженных ионов активного вещества, а вблизи катода — отрицательных.

При воздействии на мембрану *6* раствор с

преобладанием положительных ион-радикалов люминесцирующего вещества перетекает через отверстие *2* в катодную камеру, где в результате взаимодействия положительных и отрицательных ион-радикалов образуются молекулы активного вещества в возбужденном состоянии. При переходе возбужденных молекул в исходное состояние будут излучаться кванты света с определенной длиной волны. Эти вспышки электрохемилюминесценции изменяют сопротивление фоторезистора, и в цепи регистрирующего прибора потечет ток, пропорциональный интенсивности светового излучения, а интенсивность излучения, в свою очередь, пропорциональна величине или частоте механических воздействий.

Предмет изобретения

Способ преобразования механических воздействий в электрический сигнал путем преобразования светового излучения в электрический сигнал, *отличающийся* тем, что, с целью повышения разрешающей способности осуществляют электролиз электрофлорной композиции с образованием ион-радикалов электрофлора вблизи анода и катода, создают гидродинамический перенос ион-радикалов от одного электрода к другому и регистрируют свечение электрохемилюминесценции пропорциональное величине механического воздействия.



Союз Советских Социалистических Республик

Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

327227

Зависимое от авт. свидетельства № —

Заявлено 01.IV.1968 (№ 1229345/23-4)

с присоединением заявки № —

Приоритет —

Опубликовано 26.I.1972. Бюллетень № 5

Дата опубликования описания 23.III.1972

М. Кл. C 09k 1/02
C 09k 3/00

УДК 667.526.7(088.8)

Авторы изобретения

Ю. К. Худенский и Л. В. Воевода

Заявитель

—

ЭЛЕКТРОФЛОРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ

1

Изобретение относится к электрофлорным материалам, которые могут использоваться для создания электрохимических индикаторных систем, а также в вычислительной технике и в автоматических системах управления.

Известна электрофлорная композиция, содержащая растворитель — диметилформамид, электролит—галогениды щелочных металлов, например хлористый литий, и электрофлор — хризен.

С целью повышения яркости свечения и использования более доступного и дешевого сырья в качестве электрофлора вводят флуорантен, интенсивность свечения предлагаемой композиции увеличивается в 100 раз по сравнению с известной.

Предлагаемую электрофлорную композицию готовят растворением хлористого лития и флуорантена в диметилформамиде.

Пример. В 100 *мл* диметилформамида марки «чистый» растворяют 0,020 *г* электрофлора флуорантена и 0,15 *г* электролита лития хлористого.

2

Полученный раствор помещают в электрофлорную ячейку и пропускают знакопеременный ток 10 *ма* при напряжении 6,3 *в*.

Выходные данные указанной композиции: область свечения 500—520 *нм*, интенсивность свечения почти в 100 раз превышает интенсивность свечения известной композиции с активатором хризеном.

Предмет изобретения

1. Электрофлорная композиция, содержащая растворитель, например диметилформамид, электролит — галогениды щелочных металлов, например хлористый литий, и электрофлор, *отличающаяся* тем, что, с целью повышения яркости свечения, в нее введен в качестве электрофлора флуорантен.

2. Электрофлорная композиция по п. 1, *отличающаяся* тем, что она содержит следующие количества указанных компонентов, вес. %: хлористого лития 0,004—4, флуорантена 0,02—0,04 и диметилформамида до 100.

Союз Советских Социалистических Республик

Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

328155

Зависимое от авт. свидетельства № —

Заявлено 01.IV.1968 (№ 1229346/23-4)

с присоединением заявки № —

Приоритет —

Опубликовано 02.II.1972. Бюллетень № 6

Дата опубликования описания 20.III.1972

М. Кл. С 09k 1/02
С 09k 3/00

УДК 667.526.7(088.8)

Авторы изобретения Ю. К. Худенский и Л. В. Воевода

Заявитель —

ЭЛЕКТРОФЛОРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ

1

Изобретение относится к электрофлорным материалам, которые могут быть использованы для создания электрохимических индикаторных систем, а также в вычислительной технике и в автоматических системах управления.

Известна электрофлорная композиция, содержащая растворитель — диметилформамид, электролит — галогениды щелочных металлов, например хлористый литий, и электрофлор — замещенные 1,4-дистирилбензола. Однако эти эффективные электрофлоры флуоресцируют в сравнительно узкой области спектра.

Предлагаемая электрофлорная композиция отличается тем, что в нее в качестве электрофлора введен стильбен.

Это позволяет увеличить яркость свечения.

Кроме того, композиция содержит, вес. %: хлористый литий 0,004—4, стильбен 0,002—2 и диметилформамид до 100.

Предлагаемую электрофлорную композицию готовят растворением хлористого лития и стильбена в диметилформамиде.

2

Пример. В 100 *мл* диметилформамида марки «ч» растворяют 0,025 *г* электрофлора стильбена и 0,16 *г* электролита. Полученный раствор помещают в электрофлорную ячейку и пропускают знакопеременный ток 10 *ма* при напряжении 6,3 *в*. Композиция имеет область свечения 460—480 *нм*. Яркость свечения в 1,1 раза больше, чем у известной композиции.

Предмет изобретения

1. Электрофлорная композиция, содержащая растворитель, например диметилформамид, электролит — галогениды щелочных металлов, например хлористый литий, и электрофлор, *отличающаяся* тем, что, с целью повышения яркости, в нее введен в качестве электрофлора стильбен.

2. Электрофлорная композиция по п. 1, *отличающаяся* тем, что она содержит вышеуказанные компоненты, вес. %: хлористый литий 0,004—4, стильбен 0,002—2 и диметилформамид до 100.

Союз Советских Социалистических Республик

Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

358694

Зависимое от авт. свидетельства № —

Заявлено 10.XII.1970 (№ 1600268/18-24)

с присоединением заявки № —

Приоритет —

Опубликовано 03.XI.1972. Бюллетень № 34

Дата опубликования описания 14.XII.1972

М. Кл. G 06f 3/14
G 06k 15/18

УДК 681.327.2(088.8)

Авторы изобретения

А. И. Бых и Ю. К. Худенский

Заявитель

Харьковский институт радиоэлектроники

ЭЛЕКТРОХЕМИЛЮМИНЕСЦЕНТНЫЙ ИНДИКАТОР

1

Изобретение относится к области автоматики и вычислительной техники и может быть использовано для отображения различной информации.

Известен электрохемилюминесцентный индикатор, состоящий из прозрачной крышки и непрозрачного корпуса с двумя системами рабочих электродов, связанных токовводами по соответствующим координатам и помещенных в объем электрофлорной композиции, обладающей эффектом электрохемилюминесценции.

Однако этот индикатор имеет сравнительно низкий световой выход из-за малой вероятности рекомбинации разноименных радикалов люминесцирующего вещества.

Предложенное устройство отличается тем, что в него введены дополнительные вращающийся и неподвижный электроды, размещенные в дополнительных камерах, отделенных от рабочей камеры простыми перегородками, а корпус индикатора содержит переточные камеры, сообщающиеся с дополнительными камерами.

Это позволяет повысить яркость свечения.

На чертеже показано предложенное устройство.

Оно имеет вид ячейки и состоит из рабочей камеры *1* индикатора и двух дополнительных камер *2, 3,* в которые помещены дополнительные электроды *4, 5.* Один электрод выполнен, например, в виде металлического покрытия на

2

внутренней поверхности камеры *3,* а второй (*4*) вращается и служит насосом. Камеры отделены от рабочей камеры *1* пористыми перегородками-диафрагмами *6, 7.* Для осуществления замкнутой циркуляционной системы в корпусе *8* индикатора сделаны переточные камеры *9, 10.* Объем индикатора и камеры заполнены электрофлорной композицией и изолированы от внешней атмосферы.

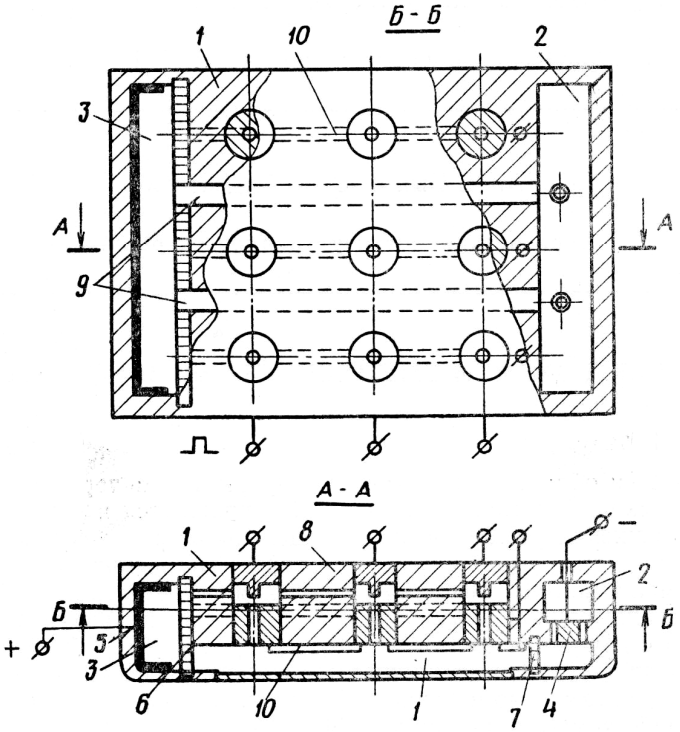
Устройство работает следующим образом.

Для увеличения стационарного количества ион-радикалов определенного знака в рабочем объеме индикатора и предотвращения локального накопления радикалов, уменьшающего среднее время их жизни, использована вместо естественной диффузии искусственная подача ион-радикалов активного вещества в рабочую камеру *1* из камеры *2* при помощи вращающегося электрода *4* за счет постоянного напряжения, поданного на электроды *4, 5,* в камерах образуются ион-радикалы электрофлора (например, отрицательные — в камере *2,* а положительные — в камере *3*). Отрицательные ион-радикалы активатора, проникая сквозь пористую перегородку *7,* полностью заполняют рабочую камеру. При подаче на пару рабочих электродов: штырь—светоограничивающая диафрагма — коллиматор однополярного импульса (в данном примере положительного) в элементарном объеме индикатора возникает аннигиляция разноименных ион-радикалов активатора. При этом

наблюдается вспышка электрохемилюминесценции значительной яркости, повышение которой вызвано увеличением вероятности взаимодействия разноименных ион-радикалов на поверхности рабочего (штыревого) электрода.

Предмет изобретения

Электрохемилюминесцентный индикатор, содержащий корпус с электрофлорной композицией и рабочими электродами, расположенными в рабочей камере, *отличающийся* тем, что, с целью повышения яркости свечения, в него введены дополнительные вращающийся и неподвижный электроды, размещенные в дополнительных камерах, отделенных от рабочей камеры пористыми перегородками, а корпус индикатора содержит переточные камеры, сообщающиеся с дополнительными камерами.



Биологически активные вещества

Сведения об изобретениях, относящихся к области биологически активных веществ, электрохромных и электрофлорных композиций, не подлежат опубликованию в открытой печати.

Союз Советских Социалистических Республик

Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

(11) 459476

(61) Зависимое от авт. свидетельства —

(22) Заявлено 04.01.73 (21) 1894968/31-16

с присоединением заявки № 1896460/31-16
1870278/31-16

(32) Приоритет —

Опубликовано 05.02.75. Бюллетень № 5

Дата опубликования описания 12.03.75

(51) М. Кл. C 07g 17/00

(53) УДК 615.3(088.8)

(72) Авторы изобретения Е. Г. Бобылев, А. М. Бескровный, Ю. К. Худенский и В. Н. Слободянюк

(71) Заявители Харьковский научно-исследовательский институт эндокринологии и химии гормонов и Харьковский институт радиоэлектроники

(54) СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНОГО ВЕЩЕСТВА

1

Изобретение относится к области медицины и касается биологически активных веществ.

Известен способ получения биологически активных соединений, заключающийся в том, что растительное сырье измельчают, экстрагируют водой или буфером и экстракт подвергают термической обработке в присутствии кислорода воздуха и микроэлементов.

Предложен способ получения биологически активного вещества, заключающийся в том, что водный или водно-органический раствор органических соединений, имеющих реакционноспособные группировки, способные взаимодействовать между собой, подвергают термической обработке, например, при 50—100°С в присутствии кислорода воздуха и микроэлементов с последующим выделением целевого продукта известными приемами.

Биологическую активность препарата определяют в условных единицах. За условную единицу принята скорость появления окраски в очаге воспаления на лапке, при внутрибрюшинном введении белым мышам 0,3 мл 0,3%-ного водного раствора типа нового синего.

Пример 1. В 100 мл 1,5%-ного раствора адреналина растворяют 7,5 г d-глюкозы. В полученный состав добавляют 50 мл фосфатного буфера; полученную смесь разбавляют водой до общего объема 1 л и кипятят при 100°С

2

при нормальном атмосферном давлении, в присутствии кислорода воздуха и микропримесей водорастворимых солей титана, кобальта, цинка, марганца — в количестве 0,05%, калия 0,5%, железа и кальция в количестве 0,1% в течение 4 час, с добавлением воды по мере ее выпаривания. Затем смесь упаривают до получения раствора биологически активного вещества, например, 10%-ной концентрации. Дальнейшее упаривание раствора позволяет получить более высокую концентрацию, вплоть до получения сухого продукта, выход которого равен весу исходного сухого сырья. Выход продукта в сухом весе — 7 г, биологическая активность 62 усл. ед. Получаемый препарат представляет собой легко растворимую в воде темно-коричневую стеклообразную массу, которая при нагревании выше 130°С обугливается.

Пример 2. 5 г аскорбиновой кислоты растворяют в 100 мл фосфатного буфера, разбавляют водой до общего объема 0,5 л и кипятят при 100°С в присутствии кислорода воздуха и водорастворимых солей титана, меди, кобальта, цинка, марганца — в количестве 0,05%; железа, кальция — в количестве 0,1%; калия — 0,5% с добавлением воды по мере выпаривания в течение 8 час. Затем смесь упаривают до получения раствора 10%-ной концентрации. Дальнейшее упаривание рас-

твора позволяет получить более высокую концентрацию, вплоть до получения сухого продукта.

Выход продукта в сухом весе — 4 г, биологическая активность — 6,5 усл. ед. Полученный препарат представляет собой легко растворимый в воде желтый мелкокристаллический порошок, который при нагревании выше 120°С обугливается.

Пример 3. 1 г *l*-тирозина и 5 г *d*-глюкозы смешивают в 50 мл фосфатного буфера. Полученную смесь разбавляют водой до общего объема 1 л и кипятят при 100°С, нормальном атмосферном давлении, в присутствии кислорода воздуха и микропримесей водорастворимых солей титана, меди, кобальта, цинка, марганца, калия, железа, кальция в количествах, не превышающих их содержания в биомассе растений на сухой вес, в течение 6 час с добавлением воды по мере ее выпаривания. Затем смесь упаривают до получения раствора

биологически активного вещества нужной концентрации.

Выход продукта в сухом весе — 5 г биологическая активность 8,0 усл. ед.

Получаемый препарат представляет собой легко растворимую в воде темно-коричневую стеклообразную массу, которая при нагревании выше 130°С обугливается.

Предмет изобретения

Способ получения биологически активного вещества, отличающийся тем, что водный или водно-органический раствор органических соединений, имеющих реакционноспособные группировки, способные взаимодействовать между собой, подвергают термической обработке, например, при 50—100°С в присутствии кислорода воздуха и микроэлементов с последующим выделением целевого продукта известными приемами.

Союз Советских Социалистических Республик

Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

(11) 459477

(61) Зависимое от авт. свидетельства —

(22) Заявлено 18.04.73 (21) 1908551/31-16

с присоединением заявки № —

(32) Приоритет —

Опубликовано 05.02.75. Бюллетень № 5

Дата опубликования описания 12.03.75

(51) М. Кл. С 07g 17/00

(53) УДК 615.3(088.8)

(72) Авторы изобретения **А. М. Бескровный, Е. Г. Бобылев, И. А. Розенцвейг, Ю. К. Худенский и И. Н. Шаркевич**

(71) Заявители **Харьковский научно-исследовательский институт эндокринологии и химии гармонов и Харьковский институт радиоэлектроники**

(54) СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНОГО ВЕЩЕСТВА

1

Изобретение относится к области медицины.

Известен способ получения биологически активных веществ, заключающийся в том, что органические соединения с реакционноспособными группировками, способными взаимодействовать между собой, подвергают в растворе термической обработке в присутствии кислорода воздуха и микроэлементов с последующим выделением целевого продукта известными приемами.

Однако в некоторых случаях при длительном кипячении может произойти осмоление, денатурирование или обугливание исходных продуктов.

Целью изобретения является предотвращение разрушения термолабильных веществ.

Для достижения поставленной цели осуществляют лучевую обработку раствора.

Пример 1. 20 г глюкозы растворяют в 200 мл фосфатного буфера, разбавляют водой до общего объема 0,5 л, затем облучают ультрафиолетовыми лучами от лампы ПРК-4 в течение 8 час при 37°С в присутствии кислорода воздуха и водорастворимых солей: кобальта — 0,002%; цинка — 0,02%; титана и меди — по 0,05% каждой; марганца, железа и кальция — по 0,2% каждой; калия 0,5%.

Выход продукта в сухом весе — 16 г, биологическая активность — 7,0 усл. ед., биологическая активность исходного сырья — 4,5 усл. ед.

2

Получаемый препарат представляет собой легко растворимый в воде белый мелкокристаллический порошок, который при нагревании выше 120°С обугливается.

Пример 2. 20 г глюкозы растворяют в 200 мл фосфатного буфера, разбавляют водой до общего объема 0,5 л и облучают ультрафиолетовыми лучами от лампы ПРК-4 в течение 8 час при 20°С в присутствии кислорода воздуха и водорастворимых солей титана, меди, кобальта, цинка, марганца, железа, калия, кальция — в количествах, указанных в примере 1.

Выход продукта в сухом весе — 16 г, биологическая активность — 6,5 усл. ед., биологическая активность исходного сырья — 4,5 усл. ед.

Получаемый препарат представляет собой легко растворимый в воде белый мелкокристаллический порошок, который при нагревании выше 120°С обугливается.

Пример 3. 20 г аскорбиновой кислоты растворяют в 200 мл фостатного буфера, разбавляют водой до общего объема 0,5 л и облучают УФ-светом в течение 10 час при t=37°С в присутствии кислорода воздуха и водорастворимых солей титана, меди, кобальта, цинка,

марганца, железа, калия, кальция — в количествах, указанных в примере 1.

Выход продукта в сухом весе — 12 г, биологическая активность — 6,4 усл. ед., биологическая активность исходного сырья — 4,4 усл. ед.

Получаемый препарат представляет собой легко растворимый в воде белый мелкокристаллический порошок, который при нагревании выше 120°С обугливается.

Пример 4. 200 г очисток картофеля подвергают измельчению с добавлением 200 мл фосфатного буфера. В полученный раствор добавляют 400 мл воды и оставляют при комнатной температуре на сутки, в условиях перемешивания. Затем производят фильтрацию и фильтрат подвергают ультрафиолетовому облучению кварцевой лампой ПРК-4 в течение 10 час при 20°С в присутствии кислорода воздуха (микропримеси металлов имеются в экстракте из биомассы в достаточном количестве). Затем производят упаривание под вакуумом до получения необходимой концентрации продукта (дальнейшее упаривание позволяет получить более высокую концентрацию, вплоть до получения сухого продукта).

Выход продукта в сухом весе 22—28 г в зависимости от сезона заготовки сырья, биологическая активность 8,7 усл. ед.; биологическая активность исходного сырья — 4,0 усл. ед.

Полученный препарат представляет собой легко растворимую в воде коричневую, хрупкую (стеклообразную) массу, которая при нагревании выше 130°С обугливается.

Пример 5. 20 г глюкозы растворяют в 200 мл фосфатного буфера, разбавляют водой до общего объема 0,5 л и облучают γ-лучами в дозе 10000 рентген в течение 80 мин при 20°С в присутствии кислорода воздуха и водорастворимых солей титана, меди, кобальта, цинка, марганца, железа, калия и кальция — в количествах, указанных в примере 1.

Предмет изобретения

1. Способ получения биологически активного вещества путем обработки раствора органических соединений, имеющих реакционноспособные группировки, способные к взаимодействию между собой, в присутствии кислорода воздуха и микроэлементов с последующим выделением целевого продукта, отличающийся тем, что, с целью предотвращения разрушения термолабильных веществ, осуществляют лучевую обработку раствора.

2. Способ по п. 1, отличающийся тем, что обработку проводят при 20—37°С в течение 2—10 час.

Союз Советских Социалистических Республик

Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

(11) 603387

(61) Дополнительное к авт. свид-ву № –

(22) Заявлено 06.12.76 (21) 2445601/28-13

с присоединением заявки № –

(23) Приоритет –

(43) Опубликовано 25.04.78. Бюллетень №15

(45) Дата опубликования описания 21.03.78

(51) М. Кл.[2] А 61 К 35/78

(53) УДК 615.45:615.7.7(088.8)

(72) Авторы изобретения Е. Г. Бобылев, Ю. К. Худенский, А. М. Бескровный, С. Е. Бараненко, В. П. Георгиевский, Э. Я. Рязанцев и В. С. Ткаченко

(71) Заявители Харьковский институт радиоэлектроники и Харьковский научно-исследовательский институт общей и неотложной хирургии

(54) СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ВЕЩЕСТВА, ОБЛАДАЮЩЕГО ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЕМ

1

Изобретение относится к фармацевтической промышленности и касается получения биологически активных веществ, которые могут найти применение в медицине в качестве лекарственных препаратов.

Известен способ получения веществ, обладающих противовоспалительным действием, путем водной экстракции листьев и побегов дуба черешчатого, фильтрации и упаривания. Активность препаратов от 5,4 до 6,0. Однако известный способ не обеспечивает высокой активности целевого продукта.

Целью изобретения является увеличение активности целевого продукта.

Это достигается тем, что экстракцию проводят при 40–50°С в течение 20–40 мин в присутствии воздуха, содержащего 25–50% озона.

Способ поясняется следующим примером.

Пример. В реактор емкостью 5 л загружают 100 г листьев и побегов дуба черешчатого или обыкновенного и заполняют питьевой водой, температуру доводят до 40–50°С и в течение 20–30 мин проводят

2

экстракцию с одновременной подачей воздуха, обогащенного озоном.

После этого экстракт фильтруют и упаривают путем лиофилизации. Время получения целевого продукта уменьшается в несколько раз (30–40 мин против 2–3 ч). Температура в реакторе, при которой происходит экстракция, понижается в 2 раза (50°С против 100°С), благодаря чему исключается денатурация продукта на перегретых стенках реактора.

Активность действия проверяют по противовоспалительному эффекту препарата на модели. Этот метод оценки противовоспалительной активности основан на измерении вызываемого испытуемыми веществами повышения устойчивости кровеносных капилляров к выходу (через стенки последних) в очаг воспаления вместе с элементами, формирующими воспалительную фазу экссудации (отека), также и введенной заранее в организм животного краски (метиленовой синьки).

Чем позднее появляется окрашивание (в синий цвет) очага воспаления (на лапке

животного), тем более высокой биологической активностью действия обладает препарат.

Предлагаемый способ обеспечивает получение вещества, обладающего противовоспалительным действием с высокой биологической активностью от 7,9 до 11,2.

Формула изобретения

Способ получения вещества, обладающего противовоспалительным действием, путем

водной экстракции листьев и побегов дуба черешчатого, фильтрации и упаривания, отличающийся тем, что, с целью увеличения активности целевого продукта, экстракцию проводят при 40-50°С в течение 20-40 мин в присутствии воздуха, содержащего 25-50% озона.

Источники информации, принятые во внимание при экспертизе:

1. Авторское свидетельство СССР № 455477, М.кл. А 61 К 27/14, 1975.

Составитель С. Малютина
Редактор А. Морозова Техред Н. Андрейчук Корректор М. Лемчик
Заказ 1954/8 Тираж 703 Подписное
ЦНИИПИ Государственного комитета Совета Министров СССР
по делам изобретений и открытий
113035, Москва, Ж-35, Раушская наб., д. 4/5
Филиал ППП "Патент", г. Ужгород, ул. Проектная, 4

Союз Советских Социалистических Республик

Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

(11) 860734

(61) Дополнительное к авт. свид-ву —

(22) Заявлено 27.12.79 (21) 2862211/28-13

с присоединением заявки № —

(23) Приоритет —

(43) Опубликовано 07.09.81. Бюллетень № 33

(45) Дата опубликования описания 07.09.81

(51) М. Кл.³ А 01К 61/00

(53) УДК 639.3.05 (088.8)

(72) Авторы изобретения С. В. Большинский, М. С. Иванов, Ю. Г. Беспалов, Ю. П. Беличенко и Ю. К. Худенский

(71) Заявитель Всесоюзный научно-исследовательский институт по охране вод

(54) СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ПРОДУКТИВНОСТИ РЫБОВОДНОГО ПРУДА

1

Изобретение относится к рыбному хозяйству, в частности к способам повышения продуктивности рыбоводного пруда.

Известен способ повышения продуктивности рыбоводного пруда, заключающийся во внесении в воду препаратов, ускоряющих деструкцию органических веществ, содержащихся в воде, которое обеспечивает массовое развитие микроскопических планктонных водорослей, благоприятно влияющее на гидробиологический и гидрохимический режим водоема при определенном уровне биомассы [1].

Однако превышение этого уровня ухудшает кислородный режим и качество воды пруда, что ограничивает возможности существующих способов повышения продуцирования водорослей в рыбоводных водоемах и требует проведения дополнительных мероприятий, интенсифицирующих процессы естественного самоочищения, что отражается на себестоимости конечного продукта — рыбы.

Кроме того, превышение уровня биомассы ограничивает возможности интенсификации биопродуктивности естественных водоемов комплексного назначения вследствие того, что возникает опасность их вторичного загрязнения, а интенсификация процессов естественного самоочищения потребовала бы

2

проведения сложных и дорогостоящих мероприятий, заключающихся в том, что в воду пруда вносят кальцинированную соду из расчета 50—70 кг на гектар пруда при pH $\geqslant 7$ и глубине пруда 50—100 см.

В результате внесения кальцинированной соды происходит перевод гуминовых соединений дна в растворимую форму, что обусловливает повышение общего содержания в воде биогенных элементов (в форме органических веществ).

Использование содержащихся в растворенных гуминах биогенов гетеротрофными микроорганизмами, а затем (после минерализации органических соединений) водорослями обусловливает повышение биопродуктивности водоема.

Кроме того, внесение в воду рыбоводного пруда кальцинированной соды вызывает, хотя и кратковременный (до момента нейтрализации гуминовыми кислотами), но заметный сдвиг pH в щелочную сторону, что неблагоприятно отражается на состоянии водной микрофлоры и качестве воды в водоеме. Вследствие этого, хотя общее содержание органического вещества в воде возрастает, темпы его использования в биотическом круговороте для получения рыбной продукции будут замедлены. Таким образом, применение этого способа целесообраз-

но только в тех случаях, когда повышение рыбопродуктивности лимитируется недостатком биогенных элементов и питательных веществ в воде, а наиболее доступным источником их являются донные отложения. Использование этого способа нерационально, например, в случае водоема с песчаным дном.

Применение такого способа подавляет микрофлору, обеспечивающую протекание естественных процессов самоочищения, и одновременно (вследствие растворения гуминовых соединений) ухудшает качество воды по таким показателям как ХПК, БПК, перманганатная окисляемость, карбонатный показатель.

Это создает затруднения при использовании рыбоводного водоема и связанных с ним водных объектов для других видов водопользования.

Цель изобретения — интенсификация процессов самоочищения воды в водоемах.

Указанная цель достигается тем, что в известном способе путем внесения в воду препаратов, ускоряющих деструкцию органических веществ, содержащихся в воде, используют в качестве препарата перекись водорода, при этом ее смешивают предварительно с гуминовыми веществами природного или искусственного происхождения при температуре 20—25°С, при атмосферном давлении в течение 10—30 мин до создания 2—5% концентрации H_2O_2 в реакционной смеси, а затем смесь вносят в воду водоема.

Вещества, содержащие гуминовые соединения природного или искусственного происхождения, смешивают с перекисью водорода, так как это обусловлено тем, что перекись водорода является одним из хорошо регулируемых окислителей, в результате чего возможно мягкое (неглубокое) окисление гуминовых соединений и сопутствующих им органических соединений.

Концентрация перекиси водорода в пределах 2—5% является оптимальной для мягкого окисления гуминов и сопутствующих им соединений и ведет к образованию перекисных радикалов, рекомбинация которых катализирует окислительные процессы в водоеме.

Разложение перекиси водорода с выделением атомарного кислорода (основного агента окисления) при атмосферном давлении происходит наиболее интенсивно в интервале температур 20—25°С.

Выбор температурного режима процесса окисления в пределах 20—25°С является оптимальным и обусловлен тем, что ведение процесса обработки при более низких температурах резко замедлит процесс окисления, а ведение его при более высоких температурах приведет к более глубокому окислению, т. е. к минерализации.

Способ осуществляют следующим образом.

Содержащее гуминовые соединения вещество, например избыточный активный ил биологических очистных сооружений, или почву, или донные отложения смешивают с перекисью водорода до создания 2—5% концентрации H_2O_2 в реакционной смеси (на 100 кг ила 2—5 кг перекиси) и выдерживают в смесителе в течение 10—30 мин при температуре 20—25°С и атмосферном давлении.

Смесь, содержащую обработанные гуминовые соединения, вносят в водоем, а дозу внесения устанавливают в пределах 0,1—10 мг/л в пересчете на сухое вещество. Внесение смеси в водоем осуществляют любым известным способом, например распылением с воздуха.

Обработка гуминовых соединений и сопутствующих им органических веществ перекисью водорода в указанном режиме ведет к образованию соединений, катализирующих окислительные процессы в воде, т. е. к образованию таких препаратов, внесение которых в водоем интенсифицирует окисление и минерализацию органического вещества в водоеме, что ускоряет биотический круговорот в водном биоценозе и повышает его биопродуктивность. Интенсификация процессов окисления и деструкции органического вещества, в свою очередь, увеличивает концентрацию доступных для планктонных водорослей форм биогенных элементов в воде, продуктивность фитопланктона и, в конечном итоге, выход товарной рыбы. Присутствие соединений, катализирующих окислительные процессы, обусловливает высокую самоочистительную способность водоема и позволяет поддерживать требуемое количество воды в нем без дополнительных затрат.

Пример. Возможность применения предлагаемого способа исследуется в лабораторных условиях.

В аквариумном эксперименте имитируются условия рыбоводного водоема, подверженного воздействию органических загрязнений, например, в результате поступления поверхностного стока или промышленно-бытовых сточных вод.

Влияние на биопродуктивность оценивается по времени, необходимому для достижения оптимальной, с точки зрения рыбопродуктивности, биомассы фитопланктона.

Для измерения биомассы фитопланктона используются методы, рекомендованные для рыбоводных прудов.

Прозрачность воды измеряется спектрофотометрически, затем при помощи номограмм осуществляется пересчет на прозрачность по индикаторному диску и по рассчитанной прозрачности определяется биомасса водорослей.

В соответствии с рекомендациями в качестве оптимальной была принята биомасса водорослей, при которой прозрачность по индикаторному диску будет равна 0,5 м, т. е. составляет половину глубины пруда, равной 1 м.

В аквариумных опытах используется водоем, предназначенный для рекреации и спортивного рыболовства. Дно водоема имитируется слоем донных отложений Лозовеньковского водохранилища толщиной в 3 см, уложенных на дно аквариума.

Загрязнение водоема имитируется добавлением к воде Лозовеньковского водохранилища воды из вторичных отстойников Диканевской станции-аэрации в соотношении 1 : 1.

Поставили следующие опыты: контрольный без обработки воды, имитирующий технологию известного способа, имитирующий технологию предлагаемого способа.

Все опыты осуществляют три раза.

Согласно известному способу в воду аквариума вносят кальцинированную соду из расчета создания в воде концентрации 14 мг/л, что соответствует указанным дозам внесения.

Согласно предлагаемому изобретению в воду вносят в концентрации 0,1 мг/л (по сухому веществу) избыточный активный ил Диканевских очистных сооружений, обработанный перед внесением в воду перекисью водорода при температуре 25°С, при атмосферном давлении в течение 30 мин.

Результаты влияния известного и предлагаемого способов на продуктивность фитопланктона представлены в табл. 1.

Таблица 1

Способ	Время достижения оптимальной биомассы, сутки
Контроль	12
Известный	15
Предлагаемый	9

Как видно из табл. 1, предлагаемый способ существенно сокращает время, необходимое для достижения оптимальных значений биомассы.

Влияние известного и предлагаемого способов на процессы естественного самоочищения (интенсивность биохимических процессов окисления органического вещества) сравниваются при помощи стандартной пробы на загнивание с метиленовым синим.

Результаты сравнения представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, предлагаемый способ значительно ускоряет процессы биохимического окисления органического вещества в воде, являющегося одним из основных показателей ее естественного самоочищения.

Таблица 2

Способ	Время обеспечивания метиленового синего в стандартной пробе на загнивание, сутки
Контроль	4,5
Известный	6,5
Предлагаемый	3,0

Данный способ с наибольшим эффектом может быть использован для водоемов комплексного назначения, являющихся объектом рыбоводства, рыболовства и других видов водопользования, включая хозяйственно-питьевое и техническое водоснабжение.

Повышение рыбопродуктивности таких водоемов в настоящее время представляет собой важную народно-хозяйственную задачу, возможность решения которой в значительной степени связана с повышением биопродуктивности водных биоценозов и увеличением естественной кормовой базы промысловых рыб.

Результаты испытаний в лабораторных условиях (табл. 1) показывают, что применение предлагаемого способа позволит достичь оптимальной биомассы планктонных водорослей за 9 суток вместо 12; соответственно на 25% уменьшается необходимое время пребывания воды в прудах, их объем и площади отводимых земель для строительства.

Приняв стоимость земли от 7,5 до 50 тыс. руб. за гектар (в зависимости от конкретных условий и районов) получим экономический эффект только от экономии земельной площади от 1,83 до 12,5 тыс. руб. на каждом гектаре пруда.

Одновременно с повышением биопродуктивности предлагаемое изобретение обеспечивает стимулирование окислительной активности воды (табл. 2), что уменьшает потребность в специальных мероприятиях (аэрация и т. п.) по интенсификации процессов естественного самоочищения в водоеме.

Кроме того, предлагаемый способ может быть применен при интенсифицировании процессов самоочищения воды или продуктивность водной биологической системы для регулирования качества воды в водоемах и водотоках или интенсифицирования работы биологических очистных сооружений при культивировании микроскопических водорослей на сточных водах и т. д.

Формула изобретения

Способ повышения продуктивности рыбоводного пруда путем внесения в воду препаратов, ускоряющих деструкцию органических веществ, содержащихся в воде, отличающийся тем, что, с целью интен-

сификации процессов самоочищения воды в прудах, в качестве препарата используют перекись водорода, при этом ее смешивают предварительно с гуминовыми веществами природного или искусственного происхождения при температуре 20—25°С при атмосферном давлении в течение 10—30 мин

до создания 2—5% концентрации H_2O_2 в реакционной смеси, а затем смесь вносят в воду водоема.

Источники информации, принятые во внимание при экспертизе

1. Авторское свидетельство СССР № 217127, кл. А 01К 61/00, 1967.

Союз Советских Социалистических Республик

Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

(11) 980693

(61) Дополнительное к авт. свид-ву —

(22) Заявлено 01.12.80 (21) 3211314/28-13

с присоединением заявки № —

(23) Приоритет —

Опубликовано 15.12.82. Бюллетень № 46

Дата опубликования описания 25.12.82

(51) М. Кл.³ А 61 В 17/00

(53) УДК 615.38 (088.8)

(72) Авторы изобретения А. В. Береснев, Ю. Г. Беспалов, А. В. Лях, В. П. Логовской и Ю. К. Худенский

(71) Заявитель Харьковский медицинский институт

(54) СПОСОБ ГЕМОСОРБЦИИ

1

Изобретение относится к медицине, а именно к способам проведения экстракорпоральной гемокарбоперфузии.

Известен способ гемосорбции путем пропускания крови через колонку с сорбентами [1].

Однако известный способ не обеспечивает в большинстве случаев непрерывного процесса гемосорбции без образования тромбов на сорбенте. После работы аппарата в течение 30—50 мин его приходиться отключать, а сорбционную колонку (забитую сгустком крови) — выбрасывать. В результате теряется до 0,5 л крови за сеанс гемосорбции, что чревато серьезными последствиями для больного и обуславливает повышение потребности в донорской работе.

Цель изобретения — повышение тромборезистентности сорбентов.

Поставленная цель достигается тем, что согласно способу гемосорбции путем пропускания крови через колонку с сорбентами часть объема крови перед пропусканием через колонку для гемосорбции облучают ультрафиолетовой радиацией с длиной волны 253,7 нм м процесс повторяют — 2—10 раз.

2

Способ осуществляют следующим образом.

Из кровяного русла отбирают кровь для гемокарбоперфузии и направляют далее в колонку для гемосорбции. Непосредственно перед колонкой для гемосорбции не более 1/60 общего объема циркулирующей крови облучается ультрафиолетовой радиацией с длиной волны 253,7 нм любым известным методом. После прохождения колонки кровь реинфузируют. Процесс повторяют 2—10 раз.

Предлагаемый способ применен в клинических условиях. При этом установлено, что способ повышает тромборезистентность сорбентов, так как в кровь больного не вводятся токсичные вещества, которые способны вызвать озноб и шок, при этом больной не травмируется многократным подключением системы колонок, уменьшает тяжесть течения заболевания печени, полезное время работы колонки увеличивается в 1,5 раза, а число колонок, которые выбрасываются снижается вдвое.

Формула изобретения

Способ гемосорбции путем пропускания крови через колонку с сорбентами, *отличающийся* тем, что, с целью повышения тромборезистентности сорбентов, часть объема крови перед пропусканием через колонку для гемосорбции облучают ультрафиолетовой радиацией с длиной волны 253,7 нм и процесс повторяют 2—10 раз.

Источники информации, принятые во внимание при экспертизе

1. Лопухин Ю. М. и др. Гемосорбция. М., «Медицина», 1978, с. 100.

Составитель Ю. Алмазов
Редактор Т. Митрович Техред И. Верес Корректор М. Шароши
Заказ 9415/3 Тираж 714 Подписное
ВНИИПИ Государственного комитета СССР
по делам изобретений и открытий
113035, Москва, Ж—35, Раушская наб., д. 4/5
Филиал ППП «Патент», г. Ужгород, ул. Проектная, 4

СОЮЗ СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

(19) SU (11) 1117043 A

3 (51) A 61 B 10/00; G 01 N 33/48

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

(21) 3234798/28-13
(22) 04.02.81
(46) 07.10.84. Бюл. № 37
(72) С.В.Багаев, А.В.Береснев, Ю.Г.Беспалов, И.П.Неумывакин, В.П.Логовской и Ю.К.Худенский
(53) 616.154.36(088.8)

(54)(57) СПОСОБ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ХОЛЕМИИ ПРИ УЛЬТРАФИОЛЕТОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ОРГАНИЗМ путем двукратного определения оптической плотности плазмы крови с интервалом 12-14 ч при 230-240 и 450-460 нм и прогнозирования развития холемии при снижении оптической плотности в первой пробе с одновременным увеличением ее во второй.

(19) SU (11) 1117043 A

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

(19) SU (11) 1135476 A

4(51) A 61 K 35/14

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

(21) 3319667/28-13
(22) 13.07.81
(46) 23.01.85. Бюл. № 3
(72) И. К. Сосин, А. В. Береснев, Ю. Г. Беспалов, А. В. Лях, О. С. Слабунов и Ю. К. Худенский
(53) 615.475(088.8)
(56) 1. Авруцкий Г. Я., Недува А. А. Лечение психических больных. М., 1981, с. 446-447.

(54)(57) СПОСОБ КУПИРОВАНИЯ АЛКОГОЛЬНОГО АБСТИНЕНТНОГО СИНДРОМА, о т л и ч а ю щ и й с я тем, что, с целью сокращения сроков лечения, больным вводят предварительно облученную УФ-лучами аутокровь, затем в сыворотке крови определяют оптическую характеристику по формуле

$$\gamma = \frac{C_{230}}{C_{250}},$$

где γ -оптическая характеристика;

C_{230} - оптическая плотность для длин волн 230 нм;

C_{250} - оптическая плотность для длин волн 250 нм, и в случае, если $\gamma > 6$ проводят повторное введение аутокрови.

(19) SU (11) 1135476 A

Изобретение относится к области медицины, а именно к наркологии, и касается лечения алкогольного абстинентного синдрома.

Известен способ купирования синдрома абстиненции путем проведения медикаментозной терапии, в частности пирогеналом [1]. Однако при указанном способе купирование синдрома абстиненции наступает в более поздние сроки.

Цель изобретения - сокращение сроков лечения больных с алкогольным абстинентным синдромом.

Поставленная цель достигается тем, что согласно способу купирования алкогольного абстинентного синдрома, больным вводят предварительно облученную УФ-лучами аутокровь, затем в сыворотке крови определяют оптическую характеристику по формуле

$$\gamma = \frac{C_{230}}{C_{250}},$$

где γ - оптическая характеристика;

C_{230} - оптическая плотность для длин волн 230 км;

C_{250} - оптическая плотность для длин волн 250 нм

и в случае если $\gamma > 6$ проводят повторное введение аутокрови.

Способ осуществляется следующим образом.

Больному производят внутривенные инъекции аутокрови, предварительно подвергнутой вне организма воздействию УФ-лучей; затем в сыворотке крови определяют оптическую характеристику, и если эта величина меньше или равна 6, инъекции прекращают.

Пример. Больной К., 1940 г.р., поступил на лечение с жалобами на непреодолимое влечение к алкоголю, невозможность самостоятельного воздержания от приема спиртных напитков, резкую общую слабость, недомогание, жажду, бессоницу в течение 2 сут, дрожь во всем теле, повышенную потливость, отсутствие аппетита, тошноту, боли в области сердца.

Из анамнеза известно, что систематическое злоупотребление алкоголем имеет место 20 лет. Синдром похмелья сформировался 15 лет назад. В течение последних 6-7 лет отмечается тенденция к снижению толерантности, начал пьянеть от меньших доз, перешел на прием дешевых вин. Форма пьянства запойная. Имели место случаи употребления суррогатов. Последний прием алкоголя вечером - накануне госпитализации.

Объективно: лицо гиперимировано, отечное, инъекция сосудов склер. Изо рта резкий запах перегара. Язык обложен грязно-серым налетом. Кожные покровы влажные. Тахикардия - 110 ударов в 1 мин. АД - 150/90 мм рт.ст. Тремор всего тела, неустойчивость в позе Ромберга. Сухожильные рефлексы с рук и ног с расширенными зонами вызывания, симметричные. Нистагмоидные подергивания глазных яблок при взгляде в стороны. Речевому контакту доступен, ориентирован в месте, времени и собственной личности. Напряжен, тревожен, настроение снижено, выражение лица страдальческое. В беседе быстро истощается, периодически на глазах слезы, просит о помощи.

Для полной нормализации состояния после запоя, как явствует из меддокументации, объективных сведений родственников и сообщения больного, ему в среднем требуется около двух недель.

Сразу после поступления в отделение больному была осуществлена процедура квантовой гемотерапии, заключающаяся в обработке 80 мл аутокрови (вес больного 80 кг) УФ-облучением с длиной волн 253,7 нм в течение 1 мин экстракорпорально, после чего была произведена ее реинфузия в вену. Через 15 мин после процедуры больной отметил улучшение самочувствия, сообщил, что у него исчезла тяга к алкоголю, появилось отвращение к нему, прошла тревога, напряженность общая слабость, улучшилось настроение, "просветлело в голове". В течение дня восстановился аппетит, значительно уменьшился тремор, ночью больной спал в течение 8 ч.

На следующий день после первой процедуры квантовой терапии у больного из ногтевой фланги пальца руки осуществлен забор крови. Извлеченная из крови сыворотка разведена физиологическим раствором в соотношении 1:1000, после чего была определена оптическая характеристика по формуле

$$\gamma = \frac{C_{230}}{C_{250}},$$

где C_{250} – оптическая плотность для длин волн 230 нм;

C_{230} – оптическая плотность для длин волн 250 нм.

Значение γ составляло 7,85 ($\gamma > 6$).

Наблюдалась следующая клиническая картина. У больного на первом плане умеренно выраженные явления астении (раздражительность, истощаемость), мелкоамплитудный тремор, незначительный гипергидроз, АД-120/90 мм рт.ст.

Поскольку $\gamma > 6$, проведена повторная процедура квантовой гемотерапии (80 мл аутокрови), указанные явления прошли. Больной оценивает свое состояние таким, как оно обычно бывает после двухнедельного воздержания от алкоголя, в ремиссии. Настроение ровное, поведение адекватное. Значение γ, определенное после повторной процедуры квантовой гемотерапии равно 5,3 ($\gamma < 6$), в связи с чем курс квантовой гемотерапии закончен. В последующем рецидивов абстинентной симптоматики в процессе наблюдения не отмечалось.

Прием медикаментов на фоне применения квантовой гемотерапии исключался.

Экономический эффект способа лечения заключается в сокращении времени купирования алкогольного абстинентного синдрома на 6 дней при минимальном количестве процедур облучения крови УФ-лучами. Это отражается в таблице.

Вид лечения	Среднее арифметическое, сут	Ошибка среднего арифметического
По предлагаемому способу	2,7	0,65
Медикаментозная терапия	8,2	1,07

Успехи уральской школы люминесценции

Постоянно интересуясь успехами уральской школы люминесценции (окончательно сформировавшейся под руководством профессора Ф. Ф. Гаврилова, 1918 – 1998 гг.), в области разработки новых сцинтилляционных материалов и сцинтилляционных устройств (руководитель разработок – профессор Б. В. Шульгин) на уровне изобретений, хотелось бы отметить несомненные успехи этой школы в создании нового класса сцинтилляционных устройств на базе волоконных неорганических и органических сцинтилляторов: патент РФ № 2154290, опубл. 10.08.2000 г. Бюл. № 22 (диплом и золотая медаль международной Брюссельский выставки Brussels Eureka 2001 г.); патент РФ № 2248011, опубл. 10.03.2005 г. Бюл. № 7. Эти разработки сделаны с использованием кристалловолокон на основе галогенидов серебра AgCl-AgBr-AgI с активирующей добавкой. Еще один новый кристалловолоконный детектор создан на основе волокон ортогерманата висмута $Bi_4Ge_3O_{12}$ – патент РФ № 2262722, опубл. 20.10.2005 г. Бюл. № 29. Этот патент подготовлен во время зарубежных командировок сотрудниками кафедры экспериментальной физики Уральского федерального университета Б. В. Шульгиным, А. Н. Черепановым и В. Ю. Ивановым совместно с представителями Лионского университета C. Pedrini, B. Hautefeuille, O. Tillement, K. Lebbou, J.-M. Fourmigue в содружестве ведущим научным сотрудником из НАН Кыргызстана Т. С. Королевой, которая проходила стажировку в Лионском университете.

Уральскими учеными в содружестве с учеными из НИТИОМ ВНЦ ГОИ им. С. И. Вавилова предложены комбинированные объемно-волоконные детекторы, – патент РФ № 2300782, опубл. 10.06.2007 г. Бюл. № 16. Это ^{6}Li-стекловолоконные детекторы, сочетанные с пластиковыми объемными детекторами. Комбинированный объемно-волоконный детектор на основе кристалловолокон $Bi_4Ge_3O_{12}$ и пластика (дифенил-1,3,4-оксазол) для регистрации нейтронов и гамма-лучей также разработан представителями уральской школы и лионской школы, – патент РФ № 2303798, опубл. 27.07.2007 г. Бюл. № 21. В рамках этой же коллаборации разработан световолоконный сцинтилляционный детектор для входного контроля пассажиров в аэропортах, – патент РФ № 2323453, опубл. 27.04.2008 г. Бюл. № 12. В целом представителями

Уральской школы, судя по книге «Новые детекторные материалы и устройства» (авторы Б. В. Шульгин, А. Н. Черепанов, Д. Б. Шульгин, М.:ФИЗМАТЛИТ. 2009 г. 360 с.), сделано более 200 изобретений, защищенных авторскими свидетельствами СССР или патентами РФ, связанных с объемными, планарными, волоконными или наноразмерными (в виде покрытий) сцинтилляционными детекторами.

Однако мне не перестает казаться, что на кафедре экспериментальной физики все это началось еще 53 года назад, с разработки мною и шестью студентами сцинтилляционных спектрометров, получивших золотую медаль Минвуза СССР в 1957-1958 учебном году. Кажется символичным, что в 1957 году я заканчивал работу на кафедре экспериментальной физики, а студент Борис Шульгин пришел учиться на эту кафедру. Именно он после окончания аспирантуры в 1966 году стал главным активистом, а затем и научным руководителем патентных разработок по сцинтилляционным детекторным материалам и устройствам. Впоследствии он был избран (1998 г.) действительным членом Международной академии авторов научных открытий и изобретений, награжден за многочисленные изобретения медалью Попова (2002 г.), а за внедренные изобретения – медалью Петра Великого (2004 г.), за достижения в изобретательской деятельности он трижды стал лауреатом премии имени И. И. Ползунова. Какой из этого следует вывод? На кафедре экспериментальной физики имелись и предпосылки (частично наша заслуга) и условия для творческой изобретательской деятельности. Действительно, как писал в своей книге «Психология писателя» профессор Литературного института имени В. Я. Брюсова теоретик литературы Борис Александрович Грифцов, «в своей социальной жизни человек постоянно имеет дело с фактами духовной культуры, и эта искусственно созданная среда (порой даже созданная из чистого вымысла, если говорить о произведениях искусства) сама становится для него вполне реальным объектом восприятия и осмысления. Действительность духовная относительно независима от действительности материальной, понятно, что, прежде всего, это сказывается в творческой психологии писателя (понимай в нашем случае: изобретателя Ю. К. Штейна-Худенского).

История рода Худенских

Генеалогическое древо казаков Худенских пустило свой первый корешок на земле фризов в Восточном Фрисланде, земле воинственного племени, которую не мог покорить Карл Великий. Германскому вторжению оно сопротивлялось до конца Второй мировой войны, когда принимало на южном побережье Северного моря англо-американские десанты! «Von der Hude, Huda, Hude - ein reformirtes Moenchs Kloster Cistercinser», Фон дер Худе, или Худа – монастырь, основанный монахом-рыцарем Ордена цистерцианцев – господином Худе (Uda = Khouda), впервые упоминается в древних документах на латыни: Fortus St. Mariae, крепость Святой Марии, основанная графом Удо Ольденбургским в 1079 году (этот граф является предком дяди русского царя Николая II Романова – принца Ольденбургского). Потомки графа Удо Ольденбургского, проживавшие на территории графства, в течение столетий погребались в названном монастыре, сообщает настоятель этой обители Георг IX. Она была стратегически важным укреплением, в 1538 году в ней обитало более 300 монахов и крестьян-послушников. Хроника Хаммельмана (т. 1, с. 12, 25) сообщает, что крепость была разрушена в XVI веке во время крестьянской войны сторонниками Томаса Мюнстера.

Члены фамилии фон дер Худе принадлежали к лучшим родам ганзейского города Бремен и происходили из замка Риттерхуде, расположенного на берегах судоходной реки Хунте, притока Везера. Они контролировали там товарные потоки. В свое время их предки жили не только во Фрисланде, как теперь называется эта северо-западная часть Германии (от каменного века населенная народом фризов, говорящем и пишущем до настоящего времени на родном фризском языке), которые были расселены по побережью Северного моря как в нынешних границах Германии, Дании и Голландии, но также и в Англии – Khuda, Голландии – Hudde, и других странах.

Родоначальник исторических фон дер Худе жил в своем поместье Фишерхуде в 1228 году на берегах реки Хунте и носил имя Мартин фон дер Худе, однако, по-настоящему род прославился по всей Священной Римской империи именем упомянутого в хронике ганзейского вольного города Гамбурга в 1284 году как самого страшного и злостного морского разбойника Генриха фон дер Худе (Heinrich von der Hude, т. 1, ч. 1, с. 207), который был по распоряжению епископа повешен на

центральной рыночной площади вольного города Бремена несмотря на баронский титул (в те времена дворяне такой казни не подвергались). Произошло это главным образом потому, что он был арианином, т.е. последователем архиепископа Ария (он отрицал божественную сущность Святой Троицы, а признавал только Бога Отца, за что и был подвергнут анафеме на Константинопольском Соборе христианских иерархов).

Потомки рыцаря Генриха вернулись в лоно Католической Церкви. Его внук Мартин в 1327 году был рукоположен в священники. Он начал карьеру как бременский фохт – это титул городского председателя, утверждаемого архиепископом в Лангенведеле. В 1580 году Кристоф фон дер Худе стал управляющим всеми замками Гаммельна. В 1637 году Герман фон дер Худе, историк, предсказал в своих видениях ужасы Тридцатилетней религиозной войны в Германии. Во время этих войн потомки рыцарей-баронов Худе, принадлежавшие к трем конфессиям – католической, протестантской и менонитской церквам – сражались друг против друга. Особенно тяжелым было положение продолжателей учения Меннона – они призывали людей жить по заповедям Христовым: не брать в руки оружия и не убивать. Их принуждали служить солдатами и уничтожали. Многие бежали тогда в северную Польшу, поделенную между Пруссией и Россией (районы Штеттина-Щецина и Гданьска-Данцига).

Меннониты были также призваны Екатериной II на Украину. Там, в районе Одессы, Запорожья и Крыма им были выделены земли и образованы поселения: Либенау, Либесфельд и другие. Однако среди меннонитов не было дворян, т.к. звание требовало службы в любой армии для защиты отечества. Польский король Сигизмунд даровал немецким дворянам польское дворянство. Далее среди потомков фон дер Худе возникло дальнейшее разделение по государствам. Получившие польское дворянство получили фамилию Chudzinsky. Их потомок, великий польский поэт Антон Худзеньский, писавший на славинском языке, на котором говорили тогда на балтийском побережье Польши, издал на немецком языке в 1907 году книгу "Смерть и культ мертвых у древних греков". Он скончался в годы Второй мировой войны, в 1944 году. Некоторая часть потомков рода фон дер Худе приняла униатство и поселилась в восточной Польше и западной Украине, их фамилия кириллицей писалась как Худэньский и была отмечена в церковных книгах г. Каменец-Подольского начиная с XIV века. Большая часть

ушедших из Пруссии потомков фон дер Худе переселилась с северной в южную Польшу которая по разделу отошла к Австро-Венгерской монархии. Её столицей стал Краков. Они не меняли язык общения, так в империи Марии-Терезии родился литературный немецкий язык Hochdeutsch, в создании которого принимали участие выдающиеся писатели и поэты – потомки рода фон дер Худе. Традиция написания их имени в Германии сохранилась – Hude, а в Австро-Венгрии изменилась на Haude.

Семья Ю. К. Худенского

Жена

Худенская Галина Искандеровна
Место рождения: Свердловск
02 сентября 1940 года

Муж

Штейн (Худенский) Юрий Константинович
Место рождения: Люберцы Московской области
03 июля 1931 года

Дочь

Алексеева Наталия Юрьевна
Место рождения: Харьков УССР
03 апреля 1964 года

Сын

Штейн Константин Юрьевич
Место рождения: Харьков УССР
12 июля 1978 года

Её дочь, внучка

Елизавета Боярских
Место рождения: Свердловск
17 ноября 1988 года

Его сын, внук

Штейн Юрген Константинович
Место рождения: Екатеринбург
27 ноября 1998 года

Её сын, правнук

Андрей Дмитриевич
Место рождения: Екатеринбург
17 апреля 2010 года

Моя бабушка

Моя бабушка, Екатерина Павловна Штейн, урожденная Румянцева, родилась в Новгородской губернии в 1881 году. Скончалась в 1959 году в Москве и была похоронена на кладбище Введенские Горы, которое до революции называлось Немецким. По рождению она была русской и православной, а указанное выше имя стала носить после брака с Симоном Адамовичем Штейном, земским полковником и почетным гражданином. Брак был заключен в Москве в лютеранско-евангелической церкви Петра и Павла в 1916 году. Они познакомились на похоронах героя Русско-японской войны генерала Александра Васильевича Самсонова в Елисаветграде на Украине.

Екатерина Павловна рано осталась сиротой без отца, Павла Петровича, который был железнодорожным служащим и погиб при исполнении долга на Николаевской железной дороге. Он оставил вдову Евдокию Федоровну Румянцеву (урожденную Толпыго) с 19-ю детьми. Моя бабушка была последней. Большая часть из 16-и девочек, по совпадению, носили имена, которые начинались буквой «Е». Ее старшие сестры – в замужестве – Елена Кипяткова, Елизавета Моисеева до рождения Евпраксии (моей бабушки) уже имели детей и внуков. Сын Елены Павловны, генерал Кипятков, прославился во время ВОВ, а сын Елизаветы Моисеевой Леонид получил высшие отличия СССР за финскую кампанию, когда его лыжный батальон особого назначения прошел по тылам белофиннов. Средние сестры, крещеные в Православии, Екатерина и Мария, детей не имели. Екатерина была впоследствии замужем за художником Михаилом Емельяновичем Ватутиным (1860-1930). Мария дала с юношества монашеский обет и прожила всю жизнь в услужении у сестер: сначала у Екатерины

Ватутиной, когда воспитывала младшенькую Евпраксию, потом она служила в отряде медсестер, сопровождая её сначала при обучении на курсах медицинских сестер военного назначения (1898 г), а затем на военной службе. Она началась в Китайскую кампанию 1900-1901 гг. и почти окончилась в 1918 году при разгроме дикой дивизии под Пулково. Екатерина Павловна вместе с сестрой Марией и годовалым сыном в госпитальном вагоне доехала до Харькова и была определена старшей медицинской сестрой в госпиталь при штабе генерала Май-Маевского. Сёстры завершили свою службу Дому Романовых на пирсе Новороссийского порта, куда Екатерина Павловна Штейн и Мария Павловна Румянцева пришли провожать Великого князя Николая Николаевича. Он с семьей на французском миноносце отплывал в эмиграцию во Францию. Мария держала на руках годовалого сына Екатерины, их сопровождал штабс-капитан Сырский. Он держал в поводу трех коней. Сестры с младенцем в тороках отправились на Кавказ. Они расстались, чтобы встретиться через много лет в Москве. Сырский при большевиках стал начальником «Якутзолота» и был расстрелян в 1937 году. Ранее при царизме моя прабабушка, Евдокия Федоровна Румянцева, получала пенсию Николаевской железной дороги, достаточную для жизни без роскоши в собственном доме. Дом был северный, двор крытый. В хлеву содержались две коровы с тёлками и лошади для личного выезда, в основном на покосы и по дрова, а также за продуктами в лавку купца Курженкова. Я хорошо помню этот дом, где провел первые в своей жизни трагические весну и лето: моя бабушка привезла меня туда после ареста моих родителей в 1938 году. Из Москвы (Речной вокзал, Химки) она вывозила меня по странному стечению обстоятельств на красавце теплоходе «Иосиф Сталин». Я страшно плакал, катался по полу каюты, кричал, требовал маму. Отца я в те поры видел редко. Он был арестован в 1938 году. Освобожден по распоряжению наркома путей и сообщений СССР Л. М. Кагановича. После освобождения в НАТИ он мог заняться дизелями Х-1 и Х-2. Он одержимо пытался создать сверхмощный танковый дизельный двигатель «Коджу», – «Коба Джугашвили» назывался мотор по партийной кличке вождя партии Сталина. Папа сутками пропадал в лаборатории Научного автотракторного института (НАТИ). В те далекие предвоенные годы я успокоился, только когда попал в дом прабабушки и оказался в

окружении множества бабушек – Елены, Елизаветы, Екатерины, которая, как и мы, приехала из Москвы.

Отец их принадлежал к известной фамилии русского северо-запада Румянцевых. Его предок, Петр Румянцев, был кинут с раската в реку Волхов в Новгороде Великом после его завоевания войсками царя Ивана Васильевича Грозного. В поминальнике последнего есть запись: «Отделаны из пищали вдова Прасковья Румянцева с двумя детьми». Это несчастье произошло после того, как все родственники Петра были вывезены из Новгорода Великого и Пскова в ссылку по разным городам, весям и монастырям Царства Московского

Я помню свою бабушку с 6-ти лет, когда вместе с мамой навещал в Москве ее маленькую комнату в коммунальной квартире на Ярославском шоссе у Крестовского моста, куда ее переселили из последнего пристанища буржуазной семьи нэпмана Штейна, которым был дом Шереметевых на углу 1-ой Мещанской и Сухаревки. С. А. Штейн вместе с бабушкой был отправлен в ссылку в город Кудымкар в 1926 году. Там он возвел мельницу и мост. После этого подвига был возвращен в Москву. В это время, чтобы не стать лишенцами, некоторые члены его семьи претерпевали метаморфозы: мою маму удочерил художник Ватутин, а в 1928 году сына бабушки, Юрия Семеновича, усыновил мой будущий отец – красный кавалерист Константин Худенский: еще до брака моих родителей я заполучил замечательного старшего брата, который был для меня кумиром детства и юности. Он был слесарем-сборщиком Люберецкого завода сельскохозяйственного машиностроения им. Ухтомского и учился в летной школе Осовиахима.

Итак, на стенке в бабушкиной комнате висела над кроватью английская сумка медицинской сестры цвета светлой зелени с красным крестом на белом кругу. Екатерина Павловна была брюнетка, с редкой сединой, зелеными изумрудными глазами, на ирисе которых были черные крапинки. Они не повторялись в поколениях нашей семьи. Потом, в свои 20 лет, я переплывал с бабушкой Москву-реку в Химках, на гребном канале, а в 10 лет она учила меня скакать без седла на лошади, что приводило иногда к плачевным для меня последствиям: я не мог ходить. Бабушка замечательно стреляла из всех видов личного оружия.

Она очень любила охоту на вальдшнепов, так как места их пролета в подмосковных лесах она знала еще в дореволюционные времена, когда

выезжала на охоту в обществе двух великих актеров, карточных партнеров Симона Адамовича: Федора Ивановича Шаляпина и Мамонта Викторовича Дальского. Не без влияния последнего она всегда носила в сумочке миниатюрный дамский пистолет. Екатерина Павловна не без гордости вспоминала, что она встречалась на теннисном корте с супругой Шаляпина – Виолой Игнатьевной, которая часто советовалась с ней, если кто-нибудь из детей прихварывал. Дачные участки Штейнов и Шаляпиных соединяла калитка. Мне от бабушки перешло по наследству замечательное дамское тульское ружьецо, необычайно легкое, штучное 16 калибра.

Вообще, до революции, семья Штейнов была меценатствующей. На фирме Симона Адамовича мальчиком служил Миша Яншин, будущий выдающийся актер МХАТа. Шеф, однако, больше денег отдавал Ярону и ресторану «Яр». Он жертвовал и на революционное движение. Изначально он способствовал великому режиссеру и актеру Станиславскому, одному из братьев Алексеевых, которые впоследствии подняли Ярославское восстание. Затем переключился на большевиков. После революции его дом на Софийской набережной длительное время защищала от разорения охранная грамота, выданная самим Луначарским. В этом доме на званых обедах до конца НЭПа собирался цвет московского купечества и богемы, иногда числом до 200 человек. Большими друзьями семьи были Разореновы, Прохоровы, несчастный Шмидт и Бараковы – хозяева рыбных тоней в Астрахани. У них там царили еще феодальные нравы, даже после революции рыбаки приезжая в гости в Москву привозили подарочки – черную икорку и балычок. В предреволюционное время Симон Адамович приобрел ряд текстильных фабрик и вел активную торговлю с Персией: Россия одевала тканями всю ближнюю Азию. Для вновь приобретенной Ярцевской мануфактуры Симон Адамович покупал жакардовские машины, которые производили кружева. В последующие военные годы фабрика производила для военного ведомства корпию и тысячи километров бинтов.

Упомянутый в самом начале нашего повествовании купец Курженков имел скорее статус промышленника, поскольку в окрестностях Санкт-Петербурга ему принадлежали заводы, которые в основном выпускали стеклянную посуду и художественные изделия, а также фаянсовая фабрика. Сестры Румянцевы работали там в молодые годы художницами. Те из них, которые хорошо успевали, открывали свои

дела в Санкт-Петербурге. Например, средняя сестра Екатерина, которая имела на Невском проспекте шляпную мастерскую, магазин и кафе, куда захаживали дамы из общества, студентки и студенты, и среди них учащиеся Академии художеств.

В жизни семьи Румянцевых купец Курженков проявлял себя благодетелем, поскольку он женил на Екатерине Румянцевой своего воспитанника, учащегося Академии художеств, Михаила Емельяновича Ватутина (1860-1930 гг.). Оба они происходили из так называемой Васиной Пустоши Смоленской губернии, которая с 1625 года находилась во владении грунтовых казаков, где располагалась казачья деревня Ватутино. Михаил Емельянович стал учеником академии по классу Маковского, будучи достаточно взрослым человеком. В детском возрасте он лишился родителей, его воспитывало сельское общество деревни Ватутино Смоленской губернии, и вплоть до 20-ти лет он был подпаском и пастухом. Однажды, проезжая через эту деревню, Курженков обратил внимание на художественный талант юного пастуха Миши, который стал его стипендиатом, а в 24 года, выучив русскую грамоту, – слушателем Академии художеств. В 25 лет Михаил был женат на Екатерине Румянцевой. Детей в семье не было, и они взяли опекунство над младшей сестрой Екатерины – Евпраксией, то есть опекунство над моей бабушкой. Кроме того в шляпном магазине Ватутиных работала мастерицей сестра-близнец хозяйки Мария. Она подрабатывала вместе с Евпраксией в Академии художеств натурщицей в картинах духовного содержания.

Таким образом, когда Михаил Емельянович получил квартиру в здании Академии, Мария осталась в комнате при магазине, а Евпраксия была взята Ватутиными с собой. Следует отметить, что ныне они лежат в одной могиле на 22-м квартале московского кладбища Введенские Горы. Могила заметна, так как на ней стоит обелиск – уменьшенная копия египетского сфинкса с набережной Невы – из красного гранита уральского происхождения. Позднее там был похоронен сын Екатерины Павловны командир эскадрильи орденоносец Юрий Семенович Штейн – мой дядя, в расположенную рядом могилу семьи Ватутиных похоронена семья генерала советской армии, как было модно в высших кругах в послевоенные годы. Михаил Ватутин окончил художественную академию с золотой медалью, отказался от традиционной поездки в Италию, а полученную премию поделил между двумя благодетелями:

купцом Курженковым, а на другую в 1900 году выкупил у общества деревню Ватутино, которая стала владельческой усадьбой Вышневолоцкого уезда Тверской губернии на берегах реки Волчина, о чем свидетельствуют сохранившиеся в нашей гостиной подмалевочки, выполненные его рукой. Память о жизни Михаила Емельяновича сохранилась в Петербурге (там он сотрудничал с журналом «Мир искусства») и Москве, где он принадлежал к Абрамцевской группе, в картинных галереях России, Европы и США. Самая известная из них – «Монахиня, собирающая деньги на храм», вызвала осуждение церкви и стоила ему работы в артели Васнецова, которая расписывала храм Христа Спасителя.

На многих картинах мы до сих пор можем увидеть Марию Румянцеву в образе кающейся Магдалины и курчавую девочку Евпраксию, например, в массовках художника Иванова.

Евпраксия пользовалась в академии достаточной свободой. Она любила заходить в натурные классы и смотреть, как творят художники. Она выстаивала сеансы, а освободившись, бегала по этажам академии, часто пряталась в классах за скульптурами.

Однажды она «на всех парусах» (бабушкино выражение) неслась вдоль по коридору, по которому шла делегация сановников-меценатов академии, аристократов из семьи Романовых и других. На всем скаку она врезалась головой в живот одного из них. Группу возглавлял Великий князь Николай Николаевич-младший, пострадавшим оказался граф Николай Николаевич Сиверс. На гневный вопрос – «Почему дети бегают по академии?» директор дал полный ответ. Великий князь высказал пожелание продолжить образование Евпраксии Румянцевой на казенный кошт и дать ей специальность военной медицинской сестры с тем, чтобы обеспечить ей будущее. К этому пожеланию присоединился и граф Николай Николаевич Сиверс. Позднее во время Русско-японской войны 1903-1905 гг. граф был начальником штаба русской армии, командующим которой был генерал Куропаткин. Там он снова встретил Евпраксию Румянцеву. По характеру он был человеком мягким, несмотря на воинственную наружность, его более привлекала карьера заводчика, занимающегося разведением охотничьих собак – такс: лучших производителей он скупал по всей Европе для своих многочисленных псарен. Любовь к этим помощникам рода человеческого стала основой дружеских отношений Евпраксии и графа. Её отец Анемподист Павлович

по роду службы занимался разведением сторожевых и розыскных собак на Николаевской железной дороге. «Последнего из могикан» из числа потомков его начинаний я получил как охранника моей детской коляски в виде сенбернара Люкса, который вместе с Марией Павловной Румянцевой вырастил в XX веке три поколения нашей семьи – мою маму, дядю Юру и меня. Необходимо заметить, что между графом Николаем Николаевичем и непосредственным воинским начальником Евпраксии отношения были далеко не безоблачными, граф пытался по должности быть примирителем и в конфликте между генералами Александром Васильевичем Самсоновым и П. К. Рененкампфом. Потом на вокзале китайского города Мукдена в круговерти погрузки отступающих русских войск, которую сопровождала драка генералов Самсонова и Ренненкампфа, моя бабушка Екатерина Павловна последний раз близко видела Николая Николаевича; далее они ехали в разных эшелонах с единой целью попасть в любимый ими Санкт-Петербург, где 30 апреля 1906 года родилась моя мама Галина.

Во время обучения при дворе Евпраксия была определена в обслугу вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Очень ей полюбилась, вызвав взаимность; от этого общения Евпраксия унаследовала жгучую неприязнь к императрице Александре, которой Мария Федоровна, урожденная принцесса датская Дагмар, не могла простить захваченные у Дании Пруссией Шлезвиг и Голштинию. Она называла Алису, генерала Ренненкампфа и министра Сухомлинова (в ходе Первой мировой войны) немецкими шпионами. Сейчас, после определенных политических манипуляций с обнаруженными в районе Екатеринбурга останками Императорской фамилии, они, вдовствующая императрица Мария Федоровна и нелюбимая ею Алиса, соединились в мемориале Романовых в Петропавловской крепости г. Санкт-Петербурга. Завершив медицинское образование, императорская фронтовая медицинская сестра Евпраксия Румянцева оказалась в 1900-1901 гг. на службе в лазарете при штабе Сибирского армейского корпуса. Фронтовая деятельность ее проходила в составе казачьих формирований. Их командующим тогда был генерал от инфантерии (пехоты) барон Фаддей Васильевич Сиверс.

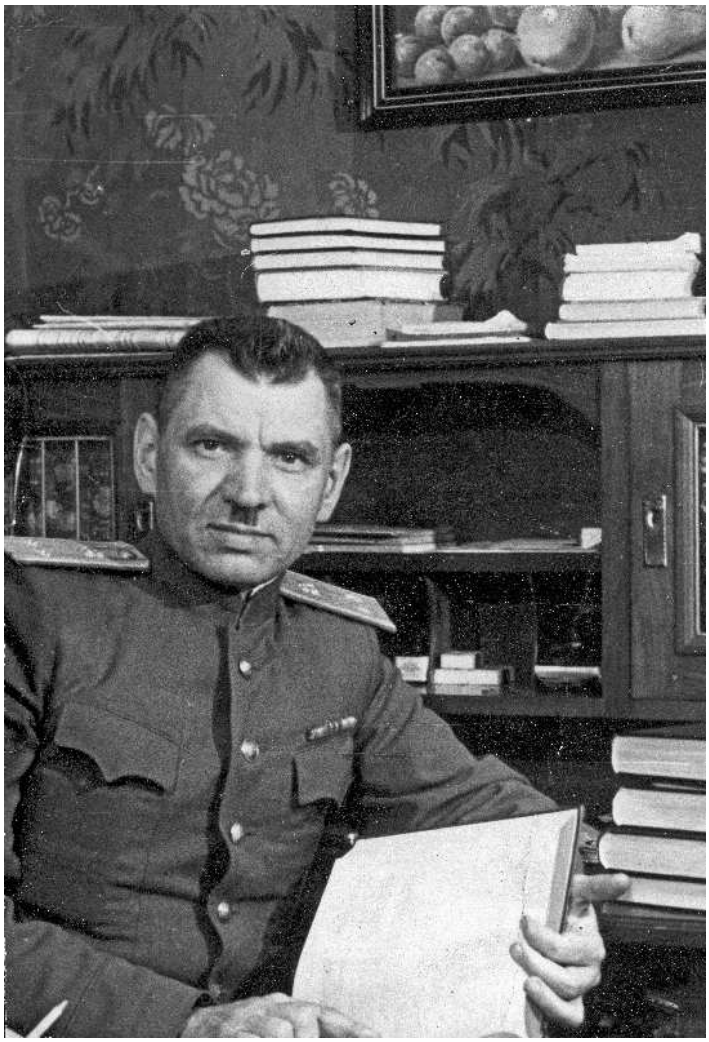
Семья Румянцевых. Слева Евпраксия. В центре Евдокия Федоровна. Справа Екатерина Ватутина. 1901 год

Вообще в дальнейшей судьбе моей бабушки, Екатерины Павловны, и ее дочери Галины, как бароны, так и графы Сиверсы сыграли значительную роль как в темные, так и в светлые дни. И не только у них: племянница бабушки Антонина, дочь ее старшей сестры Елены, в двадцатые годы вышла замуж за родственника Фаддея Васильевича Сиверса – выпускника Петербургского лесного института Геннадия Юррэ. До Великой Отечественной войны он был всеми уважаемым за свою честность лесничим в Новгороде Великом. Из прабабушкина дома я был доставлен прямо к нему. Тетя Тоня и дядя Гена представляли по советским временам эксцентрическую пару, они были непотопляемым островком прежней барской жизни: под началом у Геннадия были не только леса, но и многочисленные струги на Волхове и Чудском озере, точнее, реке Великой в Пскове. Мы совершали большие путешествия по рекам Мологе Великой, Чудскому и Ильмень озерам, Волхову и Сиверсовскому каналу который именем своим вселял в нас особую смелость и хватку первопроходцев.

Свою первую военную кампанию моя бабушка не любила вспоминать. Эту войну Евпраксия Румянцева запомнила как непрерывное зверство, которое чинили казаки над мирными китайскими

крестьянами. Испив ханшина (китайский самогон), они пускались вскачь по полям гаоляна (китайское просо), ловили убегающих крестьян за косы и срубали головы, как на соревнованиях по рубке лозы. Эти преступления солдат и офицеров поощрял командующий русской группировкой войск генерал П. К. Ренненкампф, который, правда, был так же жесток и в отношении рядовых казаков. Ими же командовал генерал Фаддей Васильевич Сиверс. Сам Ренненкампф перед Евпраксией Румянцевой заискивал, делал ей ценные подарки из Бейпина (Пекин). Моя бабушка привезла из императорского дворца трофей – покрытое черным лаком резное из дерева китайское кресло, которое более 100 лет, будучи расколотым напополам, стоит у нас в столовой. Кроме него, в нашем современном доме, напоминают о Евпраксии Румянцевой две фотографии, книга сочинений Викентия Викентиевича Вересаева «Избранное», особенно рассказ «В нашем госпитале»; в кампании Русско-японской войны 1904-1905 гг. под Мукденом сестер Румянцевых и семью генерала Самсонова, в особенности его жену Екатерину Александровну, которая была сестрой милосердия, связывала большая дружба, которая продолжалась и после самоубийства генерала А.В.Самсонова, произошедшего в результате предательства генерала Ренненкампфа. Моя бабушка считала Ренненкампфа и императрицу Александру Федоровну а также военного министра Сухомлинова виновными в разгроме русской армии в Августовских лесах и гибели ее любимых военачальников генералов Ф. В. Сиверса и А. В. Самсонова.

Мой отец



Константин Васильевич Худенский был человек неординарный и разносторонний, так что стоит рассказать о нем несколько подробней. Родился он в 1906 году на хуторе Веселом села Яблочного в Харьковской губернии, в большой и зажиточной крестьянской семье. С детства увлекался техникой, которая водилась и в отцовском хозяйстве; отслужив в начале 20-х гг. в Красной армии, поступил слесарем-сборщиком на один из харьковских заводов, где производили дизель-моторы. В Харькове же поступил на автомобильный факультет политехнического института. Уже там он проявил себя как талантливый изобретатель и после третьего курса был направлен Всеукраинским обществом изобретателей доучиваться в Москву.

Но в те же годы у К. В. Худенского родилась идея четырехтактного дозарядного двигателя внутреннего сгорания с наддувом (дизеля), который, по его убеждению, очень подходил для танка, тепловоза и тракторного тягача. С этой идеей он в середине 30-х годов по указанию наркома путей сообщения Л. М. Кагановича был переведен в Научный автотракторный институт (НАТИ). Нельзя сказать, что танкостроители его конструкцию, отличавшуюся целым рядом новаторских решений, встретили на ура. В те годы в отрасли преобладало мнение, что танки необходимо оснащать бензиновыми моторами, а сторонники дизелей не находили поддержки. Тем не менее Константину Васильевичу удалось доказать свою правоту, и в октябре 1939 г. после долгих мытарств он получил авторское свидетельство на

свое изобретение. Весной 1941 года в НАТИ начались стендовые испытания прототипов двигателей конструкции К. В. Худенского Х-1 (работающего на солярке и дизельном топливе) и Х-2 (газогенераторного), предназначенных для серийного производства, но завершились они уже после того, как началась война. Готовить их к серийному производству пришлось в эвакуации – на Урале, и это одна из главных причин приезда отца в Свердловск поздней осенью 1941 года. Одна, но не единственная: судя отчасти по моим детским воспоминаниям, а более по документам, возможности разностороннего и изобретательного инженера использовали здесь в полной мере.

Прибытие Константина Васильевича Худенского в Свердловск 24 ноября 1941 г. подтверждено записью заведующего канцелярией Исполнительного комитета Свердловского облсовета. Приказом по Уральскому военному округу Худенскому было присвоено воинское звание старшего воентехника. Он был назначен на должность помпотеха отдельного маршевого автобатальона № 164, задачей которого была транспортировка подбитой на фронте техники для изучения в стационарных условиях индустриального Урала. В Свердловск доставлялись с фронта и немецкие, и советские танки и САУ, но особенный интерес у оружейников был к судьбе их собственной продукции. В частности, речь идёт о танкетках, которые производил до и во время войны свердловский завод № 50 и эвакуированный московский завод № 37. Обратные рейсы на фронт автобат совершал с полной загрузкой боеприпасами и горючим для танков и автомобилей.

Позднее инженер-капитан Худенский был назначен на должность главного инженера авторемонтного завода – АРЗ № 5, который в 1942 располагался на улице Чапаева, а позднее был выведен в 20-й военный городок. Что касается двигателей, которым им отдано так много времени и сил, – они были запущены в производство в 1943 году и устанавливались на тепловозах. Оснащались ли ими танки во время войны, мне выяснить не удалось, зато специалисты говорят, что в тех двигателях, которые стоят на нынешних Т-90, используются конструктивные решения, найденные семь десятилетий назад К. В. Худенским.

Послевоенная жизнь отца имела, если можно так сказать, весьма широкую географию. Он помогал налаживать промышленность в послевоенной Германии и строил автомобильные заводы на Украине,

участвовал в разработке конструкции тягачей для крупной ракетной техники, в том числе знаменитого «Урагана», руководил испытаниями техники в самых разнообразных климатических зонах страны – на Шпицбергене, в Каракумах, на Памире.

И нельзя не сказать еще о главном увлечении его жизни, хотя прямого отношения к теме этих заметок оно вроде бы не имеет: Константин Васильевич Худенский был признанный поэт, с юности печатался в харьковских газетах, дружил с украинскими классиками Максимом Рыльским, Леонидом Первомайским, переводчиком Юрием Назаренко. Но самая значительная его поэтическая работа – перевод на русский язык юмористической поэмы Ивана Котляревского «Энеида», выдержавший несколько изданий. А впрочем, если разобраться, упоминание об этой стороне жизни отца – вовсе не отступление от основной темы: чувство юмора, раздольная стихия певучей украинской речи и мелодика украинского музыкального фольклора (отец всю жизнь не расставался с мандолиной), украинская поэзия, И. П. Котляревский, «Энеида» с ее глубокими античными корнями, сами те античные корни – все это вместе составляет тот культурный «бульон», который всегда необходим для зарождения и созревания творческой мысли. «Упертый» специалист, ничего не желающий знать, кроме своего важного дела, может быть хорошим исполнителем, но творцом нового – никогда. И если бы не эта «питательная среда», в которой проходила бурная и многогранная жизнь К. В. Худенского, – не было бы ни дизеля Х-1, ни эффективной работы на разных участках производства, ни успешного решения проблемы спасения танков при возгорании двигателя.

Во время папиной службы в Германии (ГДР) мы с ним предпринимали ряд путешествий в СССР через территорию Польши, перспективы которой его очень интересовали, как крестьянской страны. Но главным нашим достижением мы считали открытие поэта нашего рода Chudziniskego, который писал не только на ныне совершенно исчезающих (благодаря закону о нацменьшинствах) на земле Польши языках: славинском, кашубском. Мы нашли в Колобжеге его могилу. Он умер в 1944 году. Папу поразила, что его солидная книга, изданная на немецком языке, была близка его интересам в области погребальных обрядов древних греков и римлян (близка "Энеиде). Позднее мы объездили с доктором Зигфридом Виснером весь Ольденбург, ганзейское побережье и север Польши.

Баллада о жизни (статья о К. В. Худенском)

К 100-летию К. В. Худенского, инженера-изобретателя, воина, переводчика

Имя военного инженера-изобретателя Константина Васильевича Худенского объединяет в себе многое: универсальность и творчество, прошлое и будущее, войну и мир, масштабность и строгий математический расчет, принадлежность к славянской культуре и увлечение античной историей, В год столетнего юбилея этого человека необходимо заново напомнить, рассказать, познакомить читателей с жизнью выдающегося сына страны, именуемой СССР, той, которой уже нет на современной карте, той, память о которой свято бережем в своих сердцах. И в праздновании очередной годовщины Великой Победы заслуга К. В. Худенского огромна. Идея, заложенная им более 60-ти лет назад в отечественном двигателестроении, находит свое воплощение и в сегодняшнем оснащении лучших танков мира Т-90 С, выпускаемых на Уралвагонзаводе.

Знакомство с личностью этого человека состоялось при участии его сына, раскрывшего нам все стороны жизни отца.

Рождение К. В. Худенского почти совпало с началом XX века и заставило украинского паренька мужать в ногу с его переломами и вехами, утверждать и осуществлять себя в условиях непрестанной борьбы и выходить из них победителем, сохраняя в душе чистый звук поэтической речи. Происходил он из дружной крестьянской семьи Харьковской губернии, занимающейся выращиванием и переработкой пшеницы, строительством и обслуживанием мельниц, вождением паровозов на Южной железной дороге и их ремонтом на Харьковском паровозоремонтном заводе.

С юных лет жила в мальчике неукротимая тяга к технике. В хозяйстве жатки, льнотеребилки, косилки при очередном ремонте проходили через его руки. Этому способствовали и обстоятельства, связанные с пленением отца в I мировую войну, когда Костю приходилось быть главным помощником матери. Гуманитарная часть образования пытливого хлопца ограничилась четырьмя классами церковно-приходской школы. Поэтичность и певучесть украинской речи, степной простор и привольные села, истоки родной замечательной реки Ворсклы, соединявшей когда-то Северское и Курское княжества,

запечатленные в «Слове о полку Игоревом», при его феноменальной памяти на поэтические произведения, пройденные в обучении и богатое воображение – все это повлияло на формирование чувств патриотизма и братского единения со славянскими народами, желание глубже проникать и делиться знаниями об их культурной жизни, которые он пронесет через всю жизнь.

Трудовой путь Константина Худенского начинался с харьковских заводов, с учебы на автомобильном факультете Харьковского политехнического института, где он проявил себя как изобретатель противообледенительного устройства для защиты лобовых стекол военной и гражданской техники, одновременно участвуя в работе литературных объединений и обществ советского столичного Харькова в качестве поэта – юмориста. Будучи направленным Всеукраинским обществом изобретателей в Москву в 1928 году, он в 1929 окончил Московский машиностроительный институт, после чего его направили на Люберецкий завод сельскохозяйственного машиностроения начальником экспортного цеха льнотеребилок. Работа цеха и его руководителя были так успешны, что о Константине Худенском писали стихи и статьи в газетах и журналах и часто премировали драгоценными тогда ламповыми приемниками, билетами в Большой театр и на Кремлевские приемы, где он бывал вместе с женой.

Почти целое десятилетие, с 1928 по 1939 гг., боролся К. В. Худенский за получение авторского свидетельства на четырехтактный дозарядный двигатель внутреннего сгорания с наддувом (дизель). В отечественном двигателестроении перед войной противостояли две группировки, отстаивавшие свои взгляды на установку на танки моторов, работающих на дизельном или бензиновом топливе. Бензиновые моторы АСБТ считались верхом совершенства, хотя в военных действиях мотор делал военную технику уязвимой. Четырехтактный дозарядный двигатель внутреннего сгорания с наддувом, был, по мнению инженера Худенского, самым приемлемым двигателем для танка и тракторного тягача. После ряда отказов упорному изобретателю авторское свидетельство на четырехтактный двигатель внутреннего сгорания с наддувом было выдано

Весной 1941 г. в Научном автотракторном институте (НАТИ), куда в середине 30-х по указанию наркома путей сообщения Л. М. Кагановича был переведен К. В. Худенский, на технике стояли две модели

прототипов серий двигателя внутреннего сгорания – Х-1 и Х-2, предназначавшихся для промышленного производства. В серийное производство двигатель Х-1, являвшийся прототипом серии дизелей, работающих на тяжелых сортах топлива – керосине, соляре, до войны запустить не удалось. Этот мотор должен был устанавливаться на танки и тракторные тягачи, а также на суда среднего тоннажа.

Двигатель Х-2 создавался в предвоенные годы как газово-поршневый, обеспечивавший работу на низкокалорийном газогенераторном газе, получавшемся от крекинга древесных чурок. Эта серия предназначалась для работы автомобильного и тепловозного транспорта в условиях полного отсутствия нефтепродуктов. Такие моторы могли работать на отходящих газах нефтяных скважин при их дожигании. Стендовые испытания двигателей Х-1 и Х-2 в связи с борьбой с противостоящей группой профессора Гинзбурга были затянуты и завершены только в августе 1941 г. Дорабатывать двигатели внутреннего сгорания пришлось в тылу, на Урале. Двигатель Х-1 запустили в работу в 1943 г.

В сентябре 1941 г. инженер К. В. Худенский был отозван из ополчения и вместе со своими учителями профессорами Выгодским и Канторовичем по распоряжению Совнаркома и Моссовета откомандирован в Свердловск для продолжения работы над двигателями. В качестве дополнительной нагрузки предлагалось в кратчайшие сроки организовать производство сухих густопенных огнетушителей «Салют» и «Пионер» для снабжения ими каждого танка и самолета, автомобиля и самоходки.

Этими же огнетушителями снабжали торпедные катера. Работа по их созданию проводилась на технической базе Свердловского добровольного пожарного общества (СДПО МВД СССР), находящегося на улице К. Либкнехта, где теперь располагается областной штаб МЧС. Боеготовность разработанных огнетушителей была мгновенной: пена из них распылялась на горящий объект для прекращения доступа кислорода при повороте гайки. На первом этапе работа над огнетушителями стала для группы основной. Конкретное изготовление огнетушителей проводилась на территории треста Уралэнергострой.

Полигоном для дальнейших испытаний группы Худенского, Выгодского, Канторовича, исследовавших все трофейные зажигательные средства пожаротушения, служила свалка трофейных танков на задах

завода им. Свердлова, выходящего на ул. Азина, и экспериментальная площадка на улице К. Либкнехта. В результате изобретательской деятельности К. В. Худенским было создано автоматическое устройство зажигания бутылок с горючей смесью – «коктейлем Молотова» с установленным временем зажигания. Поворот кольца автоматически определял время подрыва бутылки. Регулируемое время зажигания исключало применение спичек и зажигалок, повышая уровень противопожарной безопасности бойцов.

Работа капитана К. В. Худенского над двигателем продолжалась на Центральном авторемонтном заводе № 5, где его утвердили главным инженером. И хотя точных сведений об установке двигателя на автомобили и танки мы не имеем, но на тепловозы его устанавливали точно. Скорее всего, их собирали на турбомоторном заводе. Тогда же, в середине войны, был создан отдельный маршевый автобатальон, выполняющий функции снабжения танковых частей, корпусов боеприпасами и горючим. На фронт отправляли новую технику, обратно возвращались искореженные войной машины, требующие ремонта и возврата в строй.

Доказательством деятельности К. В. Худенского как изобретателя было подтверждение его правоты после доставки на завод двух трофейных «Мерседесов», принадлежавшим в начале 1945 г. Гитлеру и оснащенных четырехтактными двигателями внутреннего сгорания с наддувом. Это были выдающиеся достижения немецкой техники.

Сейчас с использованием этой идеи производят двигатели мощностью до 1000 лошадиных сил, но и тогда она превышала 400-500. Впрыскивание топлива и через клапаны, и с помощью наддува, значительно увеличивало мощность мотора.

Работать Константину Васильевичу за всю жизнь приходилось много и напряженно. Он был человеком долга, принимая на себя ответственность за обороноспособность СССР, на какой бы участок его не направили, не делая разницы между мирным и военным временем. Как человек военный, всегда был точен, подтянут, аккуратен во всем. Обладал огромным багажом знаний и никогда не скупился, поделясь ими.

Оказывала свое влияние другая, творческая сторона личности К. В. Худенского, выражающаяся в поэтическом настрое души. И подругу на всю жизнь он выбрал именно по этому камертону, Галину

Семеновну Штейн-Худенскую, на том самом I Съезде изобретателей: гуманитария, переводчицу европейских языков. Их литературные вкусы сошлись.

Зимой 1942 г. ему предложили выступить на Куйбышевской радиостанции «Вільна Україна» с чтением его военных стихов, призывающих на бой «братьев-партизан, сыновей Украины» и он прочитал их, вкладывая всю душу. Творческий союз Худенских, все дело их жизни были направлены на открывание русским и русскоговорящим людям Страны Советов всех глубин украинской народной культуры, запечатленной в поэтическом наследии И. П. Котляревского, И. Нечуя-Левицкого, П. Мирного и др.

Связав навсегда свою жизнь с армией и высокой инженерией, будучи направленным в 1949 г. в Лейпциг заместителем командира по технической части дивизии «Ротэ Штерн», К. В. Худенский организовывал со своими товарищами для немецкого населения рабочие места, оказывал неоценимую помощь в строительстве и возрождении поверженной страны. Изучая передовые технические достижения Германии, К. В. Худенский стремился применить их в организации и внедрении в отраслях советской послевоенной промышленности.

Вернувшись в Советский Союз в должности заместителя начальника НИИ № 21 АВТУ МО, распложенного в Петродворце, затем переведясь в Харьков, К. В. Худенский разработал 6 типов основных тягачей, среди которых ракетный тягач «Ураган» – тогда основное средство доставки баллистических ракет. Испытания техники под его руководством проводились в самых разнообразных климатических зонах страны – на Шпицбергене, в Каракумах, на Памире.

Контролировал К. В. Худенский строительство Кременчугского автозавода, так что знаменитые «КРАЗы», предназначавшиеся для доставки ракет ближнего боя, – тоже его детище. Маршруты испытывавшихся грузовиков пролегали через всю Украину и Молдавию. Общая площадь маршрутов его командировок составила более 7 тыс. км по стране. Маршруты им дотошно вычислялись и их значения скрупулезно заносились на карту. Четыре автомобильных завода было возведено на Украине при участии К. В. Худенского по возвращении его из Германии.

Служа в Германии, не оставлял Константин Васильевич и другого главного дела своей жизни – работы над русским переводом поэмы

«Энеида», написанной украинским классиком И. П. Котляревским в XVIII веке, в основу которой был положен сюжет Вергилиевой «Энеиды» с похождениями античного героя Энея, только на украинский лад, где повествование велось от лица коренного полтавчанина в свободной разговорной манере через показ живых картин быта Украины. На ее страницах оживали бесшабашные запорожцы, острые на язык, щедрые на угощения друзей, лихие в драке с недругом.

В Лейпциге, называвшимся до немецкой колонизации Липском, бывшей столице лужицких сербов (сорбов), К. В. Худенский в Национальной немецкой библиотеке серьезно занимался проблемами и историей западного полабского и поморского славянства, знакомился с двуязычным творчеством сорбских поэтов –классиков Мины Виткойц и Тито Флоренца, в беседах с известным сорбским прозаиком Юрием Бржезаном обсуждал пути проникновения славянских народов из Азии, общемирового котла индоевропейцев.

Героя «Энеиды», дарданского царя Энея, он считал одним из прародителей не только римлян, но и лужичан. Он был увлечен поэзией слепца Гомера, историей Троянской войны, связывая ее с происхождением словенцев, считающих себя потомками древних этрусков, находя и в украинском языке связь античности с современной жизнью. «Троянда» по-украински означает «роза», а в других языках «девушка, женщина, жительница Трои». А ведь «Троада» - наименование страны в «Энеиде». Среди многочисленных знакомых он находил поддержку, в особенности, когда выступал перед солдатами, офицерами, генералами с чтением стихов и игрой на бесконечно им любимой мандолине. В частях, где он был командиром, организовывал украинские певческие группы и группы, исполнявшие народные произведения, наполненные юмором. Большую помощь ему оказывал маршал Гречко, к которому часто поступали наветы, налаженные против Константина Васильевича руками недругов.

Путь к изданию «Энеиды» не был усыпан розами. В 1957 г. в Калининграде вышло первое издание «Энеиды» в переводе К. В. Худенского. Более полутора веков молчали переводчики. Бывало, почти одновременно в разных странах ученые открывали один и тот же закон природы. Нечто подобное случилось и с «Энеидой». Как будто сработал спусковой крючок - воспоследовали переводы И. Бражнина, В. Финкельштейн. Помимо И. П. Котляревского занимался

К. В. Худенский переводами другого украинского поэта, И. Я. Франко, участника национально-освободительного движения в Галиции в конце 19-го-начале 20 в.в., переложившего на украинский язык поэму И. В. Гете «Рейнеке-Лис» под названием «Лис Микита». «Лис Микита» в русском переводе Худенского был первым опытом его крупномасштабного перевода.

В 1961 году в Харьковском издательстве вышел второй доработанный и красочно оформленный выпуск «Энеиды», высоко оцененный главным редактором журнала «Иностранная литература» Карабутенко, литературным работником газеты «Красная звезда» Пожидаевым. Вот что отметил председатель секции переводчиков Ленинградского отделения Союза писателей СССР профессор И. Я. Айзеншток «…Перевод, осуществленный К.В. Худенским, должен быть признан и гораздо более точным , и гораздо более художественным, передающим специфическую прелесть украинского оригинала».

К. В. Худенский не ограничился переводом «Энеиды». Он первым перевел на русский язык всего И. П. Котляревского. Сюда вошли и популярные пьесы писателя « Наталка-Полтавка», «Солдат-чародей» и др. Но, к сожалению, выхода перевода полного издания собрания сочинений И. П. Котляревского на русском языке, приуроченного к 200-летию классика Константин Васильевич дождаться не успел. Продолжая работу над полным собранием сочинений и книгой «Котляревский и наше время», он умер в строю, как солдат, – за пишущей машинкой от разрыва аорты в возрасте 60-ти лет в 1966 г.

Сын завершил дело отца, издав в 1999 г. к 230-летию И. П. Котляревского одноименное полное собрание сочинений в переводах К. В., Г. С. Худенских и Ю. К. Штейна, вышедшее в издательстве Правительства Свердловской области для нужд научных библиотек Екатеринбурга, области и в особенности для Госпиталя ветеранов-инвалидов всех войн, поскольку произведение исполнено оптимизма и сочного юмора.

В год столетнего юбилея об этой выдающейся личности К. В. Худенского вспоминали в России и на Украине. В январе на Уральском дизель-генераторном заводе состоялось международное совещание по проблемам современного двигателестроения с участием русской компании НТК «Мотор Групп», французской компании BCV, представляющей Renault и польской компании Horvs, на котором были

подчеркнуты значение и вклад советского ведущего конструктора НАТИ К. В. Худенского, создавшего две модификации двигателя внутреннего сгорания (ДВС) и определившего дальнейшие пути развития современного двигателестроения.

В день юбилея в самом сердце Екатеринбурга, в Центре документации общественных организаций Свердловской области, занимающемся сбором документов по новейшей общественно-политической истории, состоялась научно-практическая конференция, посвященная памяти воина, поэта, переводчика К. В. Худенского, на которую были приглашены представители различных организаций, в том числе Украинской национальной культурной автономии, потомки изобретателя, сотрудники архива. На организованной выставке в витринах можно было увидеть документы о жизненном пути К. В. Худенского, чертеж узла знаменитого двигателя, услышать теплые воспоминания об отце из уст сына и невестки, заглянуть в переведенную «Энеиду», послушать доклады и газетные статьи о жизни этого неординарного человека.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что боль и размышления К. В. Худенского о судьбах славянского мира не перестают волновать нас сегодняшних в новой обстановке с ее процессами глобализации. Как с этих позиций расценить распад Советского Союза, последствия этого катаклизма для судеб других славянских народов? Что осталось от былого понятия «славянская взаимность», на которую были направлены цели и жизнь прошлых поколений? Все это проблемы сегодняшнего дня.

Особое значение «славянская идея» имеет для восточнославянских народов – русского, белорусского и украинского. Не следует забывать, что вместе они составляют две трети всего славянского населения. Такая взаимность в наше время – скорее осознанная необходимость, позволяющая перейти эпоху модернизации без потери « национального лица» перед Западом. Эта идея была путеводной звездой в жизни гражданина, изобретателя, поэта-переводчика К. В. Худенского, отдавшего себя без остатка великой стране и людям.

Надежда Кунтарева, сотрудник
Центра документации общественных
организаций Свердловской области

От «Пионера» и «Салюта» до победного салюта

Статья из журнала «Наука. Общество. Человек» УрО РАН, 2002

Вторую мировую войну, в отличие от первой, еще до того, как она началась, стали называть войной моторов. Но именно моторы Красной армии – ее ударная боевая техника: самолеты, танки, самоходные артиллерийские установки – были разгромлены противником в первые же часы и дни войны. Оттого путь советского народа к майской Победе 1945 года оказался особенно труден. В советские годы об этой катастрофе не любили вспоминать. Даже приблизительное представление о масштабе тех потерь нельзя получить, например, из воспоминаний Г. К. Жукова. В четвертьвековой давности энциклопедическом издании «Великая Отечественная война. 1941 – 1945» говорится лишь, что «в приграничных и других сражениях с немецко-фашисткими захватчиками в 1941 году советские танковые соединения и части показали образцы мужества и отваги» и приводится численность этих соединений и частей на конец 1941 г.* А сколько их было в начале войны, умалчивается.

Но в последние годы военные историки приоткрыли завесу тайны, и цифры, которые появились в литературе, производят ошеломляющее впечатление. Оказывается, в начале 1941 года Красная армия обладала 23639 танками и танкетками – это намного больше, чем было у вермахта! Причем и по тактико-техническим качествам советские танки превосходили все, что имелось у немцев и вообще за рубежом. И такая вот «непобедимая армада» потерпела сокрушительный разгром от хуже вооруженного, но более организованного противника! С 22 июня по 9 июля 1941 года Красная армия потеряла 11712 боевых машин – в среднем по 233 единицы в сутки. А общая сумма потерь составила, как легко заметит читатель, примерно половину всех танков, состоявших на вооружении РККА к началу войны*. Половину – считая и те, что охраняли дальневосточные рубежи СССР, находились в резерве далеко от линии фронта. А что осталось на фронте?.. Такой поворот событий был не только непредвиденным, но и, в сущности, унизительным для страны, где даже в застольях пели: «Три танкиста, три веселых друга…».

---

* Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 113.

* См.: М.Барятинский. Советские танки в бою от Т-26 до ИС -2. – М.: Воениздат, 2006.

Вот почему идеологизированная советская военная история предпочитала этой темы не касаться. И по той же причине ревизия прежних представлений о цене наших героических побед, которую предприняли идеологи постсоветского времени, выдвинула тему катастрофы 22 июня 1941 г. в самый центр общественного внимания.

Однако автор этих строк не намерен вмешиваться в дискуссию военных историков, которая уже породила обширную литературу. Моя задача гораздо уже и скромней, причем она не имеет целью оспорить или поддержать какую-нибудь из обсуждаемых версий. Я хочу рассказать читателю лишь о небольшом эпизоде военной истории, мало кому сегодня известном; мне же довелось с ним познакомиться, поскольку он по случайности краешком коснулся моей судьбы. Дело, однако, не во мне, а в том, что, при всей своей «локальности», эпизод, о котором я хочу рассказать, очень наглядно, как мне кажется, иллюстрирует важную истину: Победа 1945 года добывалась не только талантом стратегов, размахом военных операций и жертвенной самоотдачей защитников Отечества на фронте и в тылу – она складывалась, как дом из малых кирпичиков, из бесчисленного множества индивидуальных усилий, за которыми стояли конкретные люди с их образованием, опытом, интеллектом, чувством долга. Великая война была не только войной моторов, но и ристалищем человеческого духа.

Так вот, в первые часы и дни войны противником была сокрушена танковая мощь великой державы, казалось бы, способная не только остановить, но и наголову разгромить любого агрессора. Объясняется эта катастрофа разными причинами, но упоминалось и то (не очень понятное) обстоятельство, что наши грозные боевые машины как-то очень уж легко горели. Горели легкие танки Т-26, БТ (модификаций 2, 5, 7 и 7М), горели разведывательные и плавающие танкетки Т-37А, Т-38, горели танки Т-40 и Т-60, созданные уже в самый канун войны, горел даже танк Т-34, который впоследствии прославился как лучший средний танк Второй мировой войны. Почему они горели – отдельная проблема, а я хочу предложить вам вопрос попроще: почему их плохо тушили?

Оказывается, за столь наивно поставленным вопросом таится весьма серьезная (хотя, разумеется, и не самая главная) причина уязвимости нашей танковой армады. Причина чисто техническая, не имеющая отношения ни к просчетам стратегов, ни к морально-политическим качествам красноармейцев, ни даже к тактико-

техническим характеристикам советских танков. Все их конструктивные недостатки или достоинства нивелировались несовершенством системы пожаротушения, которой они были оснащены. Между тем пожар на борту танка в боевых условиях – обыкновенное дело: взорвалась мина под траком, бронебойный снаряд угодил в двигатель – да мало ли что еще?..

Система эта состояла из двух тетрахлористо-углеродных огнетушителей: ручного и стационарного, соединенного патрубками с бензобаками и моторным отсеком боевой машины.

Вообще-то четыреххлористый углерод (CCl_4) – почти идеальное огнегасительное средство. Вот что сообщает о его достоинствах автор книги, изданной еще в те годы, когда перспективы «войны моторов» были туманны, а наши героические военачальники вдохновлялись воспоминаниями о кавалерийских атаках: «Применение четыреххлористого углерода для целей пожаротушения обусловливается следующими его характерными свойствами: а) легкой испаряемостью его под действием высокой температуры пожара, при которой из одного литра жидкости получается 145 *л* газа; б) удельными весом его паров, в 5,5 раза более тяжелых, чем воздух, что делает такие пары прекрасным изолирующим и одновременно не поддерживающим горение средством; в) способностью охлаждать обливаемые им горящие предметы (впрочем, в 10 раз меньшей, чем вода); г) способностью уже при десятипроцентном содержании в воздухе не поддерживать в последнем горения; д) неэлектропроводностью; е) безвредностью для обрабатываемых им предметов; ж) легкостью хранения в медных или железных луженых сосудах и отсутствием внутреннего давления; з) возможностью применения его в холодное время года ввиду низкой точки замерзания четыреххлористого углерода»*.

Казалось бы, лучшего средства для использования в огнетушителях, и придумать невозможно. Его и использовали во всем мире со времен первой мировой войны при тушении пожаров «в помещении с электротехническими установками и самих этих установок, автомобильного транспорта всех видов, аэропланов и гаражей»**. Про тушение танков автор книги не упоминает – надо полагать, потому, что в

---

* Михайлов С. М. Передвижные и стационарные химические огнетушители. – М.: Гостеххимиздат, 1933. С. 192.
** Там же. С. 193.

этой области мировой опыт накоплен был к той поре еще незначительный.

Но не случайно чуть выше я сказал, что это средство «почти идеальное»: в том же старом пособии для пожарников названа и отрицательная особенность четыреххлористого углерода – одна, зато, похоже, перекрывающая все восемь достоинств, перечисленные автором. Речь идет о способности этого химического вещества «под воздействием температуры свыше 250°С разлагаться в присутствии паров воды на соляную кислоту и ядовитый газ фосген», причем «это разложение происходит особенно интенсивно, если фосген в условиях пожара попадает на раскаленные металлы»***. Для нас сейчас неважно, как учитывается эта особенность огнегасительного вещества при его применении в автомобиле или в каком-нибудь насквозь продуваемом встречным ветром «фармане». Там все-таки совсем другие условия. Но представьте, что нужно ликвидировать начинающийся пожар в тесной и наглухо закрытой броневой коробке танка. Конечно, армейские пожарники об этом подумали и записали в инструкции, что члены экипажа, приступая к тушению пожара, должны надеть противогазы. Но и того мало: брызги тетрахлористого углерода (физически он представляет собой тяжелую бесцветную жидкость), попадая на кожу рук танкиста, орудующего ручным огнетушителем, вызывали тяжелые химические ожоги. Чтобы этого не случилось, танкисту предписывалось перед применением огнетушителя еще и окунуть руки в ведерко с дегтем. Насколько реально соблюсти такие меры безопасности в боевой обстановке, судите сами.

По-видимому, в предвоенные годы опасность, заключенная в несовершенстве средств пожаротушения, не была замечена и по-настоящему оценена ни конструкторами танков, ни создателями танковых огнетушителей: она оказалась на стыке ведомственных интересов. Проблема встала, как говорится, в полный рост, когда технически совершенные советские танки стали гореть, как свечи, при не столь уж значительных повреждениям двигателя. С этим что-то срочно надо было делать. И руководство бронетанковыми силами Красной Армии обратилось через Моссовет к научной общественности Москвы. Понятно, что собраний ученых при этом не проводили и в

*** Михайлов С. М. Передвижные и стационарные химические огнетушители. – М.: Гостехимиздат, 1933. С. 192.

бюрократическую переписку не вступали – враг приближался к Москве, требовались немедленные действия. В Моссовете на поиски подходов тоже времени не тратили: обратились напрямую к главному тогдашнему авторитету в области химии – академику Николаю Дмитриевичу Зелинскому. (В то время ученому шел уже 81 год, но интеллект его был в лучшем рабочем состоянии: достаточно сказать, что три свои Сталинские премии академик Зелинский получил в военные и первые послевоенные годы).

Знаменитый химик быстро оценил ситуацию и предложил принцип решения задачи, но для доведения научной идеи до практического применения требовалась интенсивная исследовательская и конструкторская работа. Чтобы сделать ее в короткий срок, по рекомендации того же Н. Д. Зелинского была создана бригада из химиков и теплотехников. Одним из членов этой бригады стал инженер К. В. Худенский – отец автора этих строк. Именно это обстоятельство я имел в виду, когда сказал, что эпизод военной истории, которому посвящен мой рассказ, по случайности краешком коснулся моей судьбы.

Итак, по рекомендации академика Н. Д. Зелинского была создана бригада из химиков и теплотехников для создания танкового огнетушителя, который можно было бы применять в боевых условиях, не рискуя здоровьем и жизнью членов экипажа. Такая бригада была создана незамедлительно при московском заводе № 37, выпускавшем легкие танки Т-40. Сведения о ее списочном составе и подробностях ее работы не сохранились, но документально подтверждается, что безопасный для экипажа огнетушитель с сухим химическим реагентом был создан в кратчайшие сроки и получил название «Пионер». Однако еще предстояло столь же быстро адаптировать конструкцию «Пионера» к условиям производства и наладить массовый выпуск огнетушителей для фронта. Сделать это на московском заводе № 37 уже было невозможно: немцы стояли у ворот столицы, завод готовился к эвакуации. Новым местом его дислокации назначен был Свердловск.

Вместе с заводом должен был уехать К. В. Худенский, чтобы продолжить подготовку к производству двигателя Х-1. Но поскольку он участвовал в разработке огнетушителя «Пионер», то ему же и еще одному его коллеге-инженеру решено было дополнительно поручить и завершение работ, связанных с выпуском огнетушителей. Однако мотор, находившийся в стадии испытаний, мог и подождать, а вот огнетушители

требовались фронту немедленно, поэтому двух инженеров, готовивших их производство, командировали на Урал, не дожидаясь отправки завода.

Этот сюжет отразился в любопытном документе, сохранившемся в личном архиве К. В. Худенского:

п. №13/202 21 ноября 1941 года

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ Т. МИТРАКОВУ

Исполнительный комитет Московского Городского Совета депутатов трудящихся просит Вас оказать всемерное содействие инженерам Выгодскому Б.М. и Худенскому К.В. в организации, силами местной промышленности, производства сух. химическ. огнетушителя тип «Пионер», имеющего актуальное значение в условиях военного времени.

Соответствующие акты проведенных испытаний означенного огнетушителя, сфера его применения и разрешение ГУПО НКВД СССР на организацию производства имеются.

Прилагаем при сем докладную записку указанных товарищей на имя председателя Мосгорисполкома т. Пронина, который просит о принятых Вами мерах по выпуску указанного огнетушителя «Пионер» поставить нас в известность.

Письмо подписано председателем городской Плановой Комиссии Московского совета В. Кабаковым. В нем содержатся два момента, заслуживающие повышенного внимания. Это, во-первых, упоминание Василия Прохоровича Пронина – крупного партийного и государственного деятеля, одного из организаторов обороны Москвы осенью и зимой 1941 г.* Важно даже не то, что инженеры, занимающиеся огнетушителем, пишут докладную записку на имя столь высокого должностного лица (в те годы часто писали «рапорты» и повыше – самому Сталину, только многие ли из них читал он сам?), а то, что Пронин выразил столь живую заинтересованность в исходе дела. Резонно предположить, что именно В. П. Пронин по просьбе руководства

* См. о нем: Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. С. 585.

бронетанковых сил Красной армии обращался к академику Н. Д. Зелинскому (его уровень: не мог же к знаменитому ученому так вот запросто, напрямую обратиться какой-нибудь второразрядный столоначальник), а теперь продолжал лично курировать этот вопрос.

Второй интересный момент – адресат, на имя которого составлено письмо. Иван Лукич Митраков (1905–1995) – фигура на Урале практически забытая; во всяком случае, его имя не на слуху, не упоминается оно и в энциклопедии «Екатеринбург». Между тем уже сам его послужной список заставляет предположить, что это был человек неординарный.

Начинал он свой трудовой путь сельским избачом в тютчевском селе Овстуг в Брянской области, но года не прошло, как его назначили заведующим волостным отделом народного образования. Еще через год призвали в армию – с декабря 1927 по декабрь 1928 г. служил в дивизии особого назначения войск ОГПУ в Москве. Следующие четыре года работал на каких-то неожиданных, никак не сочетаемых должностях в разных местах страны: то обдирщиком на Дятьковском хрустальном заводе, то заведующим агитмассовым отделом в Людиновском райкоме партии, то в Томске, то в Смоленске. Однако в 1932 г. Иван Лукич поступил в Московский горный институт и, едва его окончив (в июле 1937 г.), был назначен (с сентября того же года) директором Свердловского горного института. ВУЗ он возглавлял лишь три семестра – до конца 1938 г., после чего был переведен на советскую работу. Но в обкоме Митраков проработал совсем недолго: в январе 1939-го его назначили заведующим промышленно-транспортным отделом, а уже в феврале он стал председателем Свердловского облисполкома. В этой должности его и застали московские инженеры Б. М. Выгодский и К. В. Худенский, приехавшие с письмом, за которым стоял В. П. Пронин.

Советским руководителем Свердловской области И. Л. Митраков проработал три с половиной года: довольно долгий срок в контексте его калейдоскопической биографии. Но в июне 1942 года опять поменял место работы: на этот раз отбыл в Москву – его назначили народным комиссаром промышленности строительных материалов РСФСР. Полгода спустя он стал заместителем председателя Госплана СССР и на этой должности пробыл уже до марта 1946 года. Потом три года поработал заместителем министра промышленности строительных материалов СССР, после чего начался, возможно, самый любопытный период его

жизни: И. Л. Митраков был назначен заместителем министра внутренних дел СССР. Год спустя в том же статусе замминистра Иван Лукич уезжает в Магадан, где ему поручено возглавить Дальстрой. В сентябре 1953 – феврале 1956 гг. Митраков совмещает руководство Дальстроем с должностью начальника управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей МВД СССР. Потом возвращается в Москву и работает на разных руководящих должностях в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. В декабре 1969 года его бурный и весьма замысловатый трудовой путь завершается: И. Л. Митраков становится персональным пенсионером союзного значения.

Я изложил эти сведения, собранные учеными Института истории и археологии УрО РАН*, не только потому, что они сами по себе любопытны, но и потому еще, что они, возможно, в какой-то мере позволяют догадываться, почему В. П. Пронин, отсылая инженеров Б. М. Выгодского и К. В. Худенского с их огнетушителем на Урал, адресуется не к всемогущим партийным органам, как это чаще всего в ту пору делалось, а к И. Л. Митракову – можно предположить, что не столько даже как к должностному лицу, сколько как к человеку «особых возможностей». И эта частность, в свою очередь, подчеркивает, что «морально-политическое единство советского народа» обеспечивалось во время войны не только партией, но и ее не афишируемым «тылом». И если для выполнения срочного оборонного заказа пришлось прибегнуть к помощи этого могущественного ведомства, то, значит, ему действительно придавалось большое значение.

И. Л. Митраков оправдал ожидания: он оказался человеком быстрых и точных решений. Он привлек на помощь москвичам трест «Уралэнергоремонт» НКВД СССР (косвенное подтверждение высказанной выше догадки). С его помощью была определена и производственная база для организации выпуска огнетушителей – завод № 50 им. Свердлова (на территории которого находилось и «кладбище» подбитых танков, на которых можно было проводить испытания прибора), а также СНИТИ и УТМЗ.

Особую роль в решении поставленной задачи сыграло Свердловское добровольное пожарное общество (СДПО), находившееся

---

* См.: Общество и власть. Российская провинция. Документы и материалы. Т. 2. – Екатеринбург: Изд-во БКИ. С. 40-41.

на улице К. Либкнехта, – оно располагало небольшим испытательным полигоном и научной лабораторией.

В качестве консультанта в состав бригады был введен Петр Григорьевич Конторович (1905–1968) – заведующий кафедрой математики Уральского государственного университета им. А. М. Горького, впоследствии очень известный и уважаемый в профессиональных кругах алгебраист, основоположник научной школы, а тогда, в 1941 г., только что защитивший докторскую диссертацию и еще не успевший получить ученое звание профессора.

Такая сильная научно-техническая база позволила решить задачу в кратчайшие сроки. В 1942–1943 гг. сухими химическими огнетушителями «Пионер» и созданным несколько позднее тем же коллективом малогабаритным густопенным «Салютом» оснащался каждый танк, бронеавтомобиль, трактор и вездеход, выпускавшийся по заказу ГАБТУ (Главного автобронетанкового управления) НКО СССР. Боевые потери в автобронетанковых войсках были резко снижены, более эффективно сохраненная от полного выгорания техника могла успешно ремонтироваться даже на поле боя (в передвижных авторемонтных мастерских – ПАРМах), а тем более на автотанкоремонтных заводах тыла. Разумеется, огнетушители спасали не только технику, но и солдатские жизни – многие тысячи солдатских жизней.

В честь победы над немецко-фашистской Германией по приказу Верховного Главнокомандующего 9 мая 1945 года Москва салютовала тридцатью залпами из тысячи орудий. Салют Победы приблизили простые в обращении и надёжные огнетушители «Пионер» и «Салют».

Ю. К. Штейн,
кандидат физико-математических наук

Моя мама

Теперь мне необходимо обратиться к судьбе своей мамы. Не училась ни в гимназии, ни в советской школе, но в 1921 году была принята в Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова. В 1924 году, незадолго до закрытия ВЛХИ, Галина Штейн защитила дипломную работу под руководством профессора Бориса Александровича Грифцова (1885-1950), который в 30-х годах прошлого века стал авторитетным теоретиком и практиком художественного перевода, одним из создателей формировавшейся тогда советской переводческой школы. Тема дипломной работы «Литературные попутчики – «Серапионовы братья». В ней Галина Штейн предсказала выдающуюся роль членов этого литературного сообщества в грядущей Советской Литературе: Каверина, Тихонова, Зощенко, Сейфуллиной и других. В 1924-м моя мама принимала участие в похоронах Владимира Ильича Ульянова-Ленина в составе студенческой делегации.

После окончания ВЛХИ, будучи «лишенкой», она поступила на работу преподавателем французского языка в вечернюю рабочую школу спиртоводочного комбината «Кристалл» у Симоновского монастыря и на первый вызов в МЧК по делу о «Золотой молодежи» пришла в красной косынке, белой блузе и синем производственном халате, на что председатель комиссии отреагировал фразой: «Так вот она – звезда московского чарльстона!» Эта известность помогла маме окончить до замужества еще два института: Московский педагогический по специальности – русист и Московский педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза по романо-германской филологии. В это время она работала в «Артели переводчиков» при Союзе изобретателей РСФСР. Во время Первого Всемирного конгресса изобретателей в Москве, где присутствовали два её дяди-изобретатели мотоциклета Михаил и Евгений Вернеры из Франции (туда они эмигрировали ещё до революции), Галина Штейн познакомилась с подававшим большие надежды украинским изобретателем, молодым парнем и поэтом Константином Худенским. В 1930 году они поженились.

После переезда нашей семьи в г. Люберцы, в связи с замужеством, мама стала работать в специальной рабочей школе для политических эмигрантов при государственном Люберецком заводе

сельскохозяйственного машиностроения (ГЛЗ). Эта школа в условиях современного предприятия, 60% продукции которого шло на экспорт в Германию и скандинавские страны, ставила своей задачей социальную реабилитацию политэмигрантов в новой среде: обучение их русскому языку и рабочим специальностям, чтобы молодые социал-демократы и коммунисты из стран Европы и Америки могли нормально жить в стране советов. На этом заводе мой отец, Константин Худенский, был начальником экспортного цеха, который производил сенокосилки, подборщики, льнотеребилки и лобогрейки. Бюро «Артель переводчиков» обеспечивало аутентичный перевод на немецкий, финский, шведский, датский и норвежский языки всей сопровождающей документации и переписки завода ГЛЗ.

Каждую пятницу для решения производственных вопросов мама выезжала в Москву, где останавливалась у бабушки. Она постоянно брала меня с собой и по субботам и воскресениям, мы с ней часто посещали Цирк на Цветном бульваре, где работал укротителем наш родственник Борис Эдер. Каждую среду мама водила меня в заводской клуб на занятия музыкальной школы, которую организовало для детей рабочих и служащих ГЛЗ Московское училище сестёр Гнесиных. Я занимался по классу фортепиано с Ириной Робертовной Дерингер, с которой мы разговаривали по-немецки. Одной из сестёр Гнесиных, Елене Фабиановне, я очень полюбился – она звала меня белым медвежонком.

Вся радость от учёбы и детской жизни окончилось в один день, когда проживавшая у нас в Люберцах на проспекте Октябрьской Революции 127А сестра моей бабушки, Мария Павловна Румянцева (попросту тётя Маня), не объявила мне, что мои родители уехали в отпуск. На самом деле они были не арестованы. Сама она слегла и через трое суток умерла. Её похоронила наша соседка на Люберецком кладбище, где было много могил лётчиков с пропеллерами вместо крестов. На похороны приехала моя бабушка, Екатерина Павловна Штейн, забрала меня с собой и увезла сначала на станцию Малая Вишера Октябрьской железной дороги, а потом переправила в Новгород Великий и Псков в семью Антонины и Геннадия Юрре, главного новгородского лесничего.

Наша семья воссоединилась только в 1941 году в Свердловске, когда папу, а затем маму освободили после начала войны. Из

Свердловска нас с мамой отправили в город Верхнюю Салду. До прибытия папы на Урал мы с мамой испытывали колоссальные проблемы в поисках еды. Мама была беременна, но уже в октябре она приняла решение во что бы то ни стало сохранить в живых меня. Она практически ничего не ела, кроме ягод и грибов, которые мы варили, а потом жарили на солидоле. К ноябрю месяцу у нее развились так называемые безбелковые отеки ног. Она не могла ходить самостоятельно. Папа пригнал в В.Салду военную санитарную машину из одного из военных госпиталей, и мама была доставлена в Институт охраны материнства и младенчества (ОММ), где её госпитализировали и готовили к родам. Однако моя сестра Екатерина умерла вскоре после рождения – спасти оказалось, возможно, только маму.

Галина Семеновна Худенская покинула ОММ только в конце 1942 года. По выходе из лечебного учреждения она напоминала скелет, обтянутый кожей с трясущимися руками и ногами и не могла выполнять никакую физическую работу и даже есть то, что нам уделял из своего фронтового пайка отец. Я вместе с ней получал 200 граммов хлеба, но карточкам и лично 2 литра суфле, которым делился с мамой, как и сосновым экстрактом. Постепенно состояние мамы улучшалось. Этому способствовало то, что нас подселили в квартиру военных врачей, сестер Цейтлиных. Квартира была в доме медицинских работников по улице 8 Марта 78А, где жила заведующая отделением ОММ, из которого мама только что вышла, Эсфирь Соломоновна Малкина. Я стал ходить в 5 класс 65 мужской средней школы, маму приняли в эту школу на работу библиотекарем. Там она попала в коллектив замечательных педагогов, которые практически все хранили черты дореволюционного воспитания, как, например, преподаватель русского языка Зоя Ивановна и её сестра Елизавета Авотина (она преподавала английский).

Мама не могла уделять мне много внимания и сразу после большой перемены уходила отлёживаться домой, а преподаватель английского забирала меня к себе домой в двухэтажные коттеджи – 8 Марта, 60, там её маленькая квартирка была заставлена вещами, вывезенными из Китая, где её рано умерший муж был консулом РСФСР в Шанхае. Мы читали английские детские книжки о животных, сказки и даже истории о Робин Гуде – мстителе из Шервудских лесов и играли в маджонг. Потом меня переправляли заниматься музыкой в семью двух эвакуированных ленинградцев: пианистки Веры Болдыревой и

композитора Запольского! В такой благостной атмосфере мы с мамой встретили День Победы!

Для нас было радостно прекращение фронтовых командировок отца, но одновременно он получил назначение на должность главного инженера авторемонтного завода №5, который перебазировался в 20 военный городок на окраине города Свердловска в районе станции Свердловск-Сортировочная. Мы переехали в новый коттедж, построенный из канадского бруса, который был поставлен по лэнд-лизу. Там мама всерьёз начала заниматься нашим семейным проектом – переводом на русский язык полного собрания сочинений классика украинской литературы, поэта Ивана Петровича Котляревского. Цель была поставлена папой ещё в 1941 году и одобрена поэтами-украинцами, которые тогда оказались в эвакуации в Свердловске, а также председателем Союза писателей Украины Максимом Таддеевичем Рыльским, с которым папу связывали дружеские отношения со времен совместной работы в первой столице советской Украины – Харькове. Единственным профессиональным литератором-переводчиком и лингвистом была в нашей семье Галина Семеновна Худенская, которая и стала главным помощником в переводе «Энеиды» на русский язык. После завершения этой колоссальной работы и вплоть до своей кончины в 1971 году она оставалась скромной домохозяйкой, вдовой старшего офицера Советской армии – полковника-инженера Константина Васильевича Худенского.

Триады моей жизни

Записала Анна Владимировна Чернышева

Название книги «Свет в конце туннеля» связано с тремя обстоятельствами: 1) Тем, что я впервые увидел сцинтилляцию в трубочке спинтарископа господина Карла Циммера! 2) Далее мне случилось увидеть свет при прохождении клинической смерти в 1973 году и нынешним моим состоянием патриарха сцинтилляционной гамма-спектрометрии, который накануне своего 80-летия на конференции «ИСМАРТ-2010» с удовлетворением отмечает массовое и по сути безграничное применение сцинтилляционных приборов в перспективе контроля над противозаконным распространением ядерного оружия во всех его видах!

Юрий Константинович Худенский и Анна Владимировна Чернышева

Моя жизнь делится на триады по 20 лет каждая. В единое целое её связывают 3 фактора:

1. Семья и дети;

2. Участие в семейном проекте перевода на русский язык полного собрания сочинений классика украинской литературы Ивана Петровича Котляревского, в том числе знаменитой «Энеиды»;

3. Ученики и друзья.

Наша семья: Галина Семеновна Худенская– преподаватель русского и иностранных языков – моя мама; Константин Васильевич Худенский, мой отец, поэт-переводчик, воин и конструктор военной техники, в то время старший воентехник, помпотех командира роты отдельного маршевого 164 автобатальона; и я, ученик начальной школы, – оказались в городе Свердловске поздней осенью 1941 года.

Первый этап моей жизни связан с Уралом (1941-1958), второй – проживание на Украине (1959-1981), завершающий в Свердловске-Екатеринбурге (с 1981 года). В 1949 году я окончил среднюю железнодорожную школу №10 в поселке-станции Свердловск–сортировочная, поступил на физико-технический факультет УПИ им. С. М. Кирова, который окончил как инженер-физик по специальности молекулярная физика в 1955 году. В середине этого года я проходил производственную практику на комбинате «Карл Цейсс», Йена (ГДР), где занимался конструированием фотоэлектронных умножителей (ФЭУ) и электронными сверхскоростными осциллографами для исследования сверхбыстрых процессов. В области их практического применения моим руководителем был профессор Лейпцигского университета, академик Лаутербах. После этого в УПИ я защитил диплом на тему «малогабаритный сцинтилляционный γ-спектрометр»– прибор, который позволял раздельно определять радиоактивность в смеси ^{137}Cs, ^{60}Co и других продуктов распада урана.

В 1955 году я был оставлен при кафедре экспериментальной физики ФтФ УПИ в должности старшего преподавателя, руководителя дипломного проектирования с одновременным исполнением обязанности начальника дозиметрической службы УПИ.

Организация дозслужбы происходила в тяжелый период, когда Свердловскую область накрыло облако выброса радиоактивных изотопов при катастрофе на комбинате «Маяк». Наши исследования касались определения радиоактивности и содержания изотопов ^{137}Cs, ^{60}Co и ^{90}Sr в

биологических объектах из бассейна рек Теча, Синара, Исеть, озера Багаряк и окрестностей города Каменска-Уральского. Мы плодотворно работали в это время с начальником облСЭС Семеном Израилевичем Трегером по определению западных границ ВУРС (Восточно-уральского радиоактивного следа).

В 1956-59 годы группа дипломников кафедры экспериментальной физики ФтФ УПИ под моим руководством разработала и осуществила проект 64-канального сцинтилляционного γ-спектрометра, все они были удостоены золотых медалей Минвуза СССР. В мае 1958 года мне, Ю. К. Худенскому, приказом ректора УПИ была объявлена благодарность за организацию и добросовестную работу дозиметрической службы УПИ. Однако в это время состояние моего здоровья ухудшилось, и я был госпитализирован в Харьковский рентгеновский институт.

Год 1959 был первым в украинском 20-тилетии моей жизни. Я прошел по конкурсу в двух харьковских НИИ, объединенных ныне под эгидой Национальной академии наук Украины: НПО «Монокристалл» на должность старшего научного сотрудника, руководителя группы химической физики лаборатории новых органических материалов, и в Институт физики низких температур на должность главного инженера лаборатории низкотемпературной спектроскопии и лазерной техники.

В этих лабораториях я руководил работами по созданию новых сцинтилляционных материалов, детекторов ионизирующих излучений и нейтронов, а также металлоорганических соединений РЗЭ (редкоземельных элементов). Исследовательская база и приборное оснащение НПО «Монокристалл» соответствовали в те времена лучшим мировым стандартам. В период пуска японского ЭПР-спектроскопа фирмы «Джеол» 17-18 июня 1973 года у меня произошел тяжелый инфаркт с осложнениями, который привел меня к кардиологической катастрофе 8-9 октября с длительной остановкой сердца (клиническая смерть).

Своим спасением я обязан группе реаниматологов-кардиологов ГКБ №27 под руководством академика АМН Любови Трофимовне Малой, доктору медицинских наук Михаилу Ивановичу Кожину и Илье Юрьевичу Микяеву.

Позднее Илья Юрьевич стал автором монографии –двухтомного справочника по нетрадиционным методам в медицине. Непосредственно адреналин в сердце мне впрыскивал кандидат медицинских наук Моисей

Мендлин. Из реанимации я вышел в апреле 1974 года с диагнозом рецидивирующий инфаркт, и оказался в сфере внимания группы московских парапсихологов, руководил которой профессор Вениамин Пушкин. Его практическими помощниками были Эдуард Наумов и Барбара Сорокина. Профессор Пушкин позднее вместе с профессором Дубровым написал первую в СССР научную монографию “Парапсихология”. Эдуард Наумов был убит в своей московской квартире, а Барбара Сорокина, как я слышал, эмигрировала в США. Этим энтузиастам я обязан своим возвращением к обычной земной и научно-педагогической деятельности. Они сформировали мой глубокий интерес к трудам Эммануила Свёденборга, Карла Густава Юнга и Елены Блаватской, в особенности, к проблемам жизни после смерти.

Необходимо отметить, что длительное время я постоянно общался с врачами, обычно в реанимациях кардиологических отделений Харьковских больниц, даже совсем недавно в 2004 году в Екатеринбурге в Свердловском областном психоневрологическом госпитале инвалидов всех войн и ветеранов. Опять же, в октябре при очередных приступах пароксизмальной тахикардии и аритмии, когда пульс падал до 40-46 и давление становилось удивительно низким, я пугал врачей чтением “Баллада редингской тюрьмы”:

Oscar Wilde
памяти К.Т.У (C.T.U.)

Не каждый куртку застегнет,
Нелепо суетясь,
Пока отсчитывает врач
Сердечный перепляс,

Пока, как молот, бьют часы
Его последний час…
Свет звезд потух,
Запел петух,
Но полночь не ушла,

Над головой во тьме ночной
Сходились духи зла,
Да ужас, разевая пасть,
Смеялся из угла.

Следили мы,
Как духи тьмы вились невдалеке.
В тягучем ритме сарабанд,
Кружась на потолке.
Бесплотный хор, чертил узор,
Как ветер на песке…

Возвратившись ранее в Харькове в ЦКБ № 27 в двухместную палату после очередного инфаркта, я обнаружил однажды не Иисуса Христа, а старого знакомого по комсомольской работе в НПО “Монокристалл”. Тогда руководство освободило меня от выполнения тем, связанных с исследованием активированных таллием кристаллов, но избрало меня освобожденным секретарем комсомольской организации по идеологии.

Автоматически я вошел в состав райкома и вынужден был посещать заседания в обкоме комсомола и особенно беседы, которые вел с нами председатель совета ветеранов КПСС города Харькова Эфроим бен Лейба Лейзер Вульф Крамеров, замечательный старик, брат зам командующего киевским военным округом генерал-полковника Владимира Крамерова и дядя великого киноактера Савелия Крамерова. Этот несгибаемый коммунист прославился тем, что в 1937 году ушел из-под ареста сотрудниками НКВД и, будучи далее на нелегальном положении с винтовкой в руках прошагал во время Великой Отечественной войны путь от Киева до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина в составе Красной-Советской армии. Он мог это совершить только благодаря помощи известного киевского психиатра профессора Юдина, который, по словам Крамерова, перед тем как последний отправился на призывной пункт, выдал ему документ, что он провел последние годы, будучи пациентом киевской психиатрической больницы. После войны его “друг” Шверник, председатель Центральной партийной комиссии отказал ему в реабилитации как члену партии, не уплатившему за военный период членские взносы. Это привело Эфроима бен Лейба Лейзер Вульфа к тяжелому инфаркту, от рецидива которого он скончался через 10 лет после нашего знакомства.

Пытаясь найти средства для своего спасения в 60-70 годы, я, пользуясь своими приборными возможностями, принимал участие в исследовании биологически активных веществ (БАВ), родственных индийскому шиладжиту, или памирскому мумиё. Восстановив свои связи в ГДР, начал активные исследования в области экстракорпорального УФ и радиационного облучения крови совместно с профессорами Зигфридом Виснером и Герхардом Фриком и академиком Манфредом фон Арденне.

В 1981 году по результатам внедрения этих работ в практику клиник ГДР и СССР, спортивную и ветеринарную медицину я был

награжден знаком “Золотая игла” общества Германо-Советской Дружбы. В 1981 году я работал в должности руководителя ОКБ “Биофизтех”.

Нужно сказать, что еще 1 января 1974 года, лежа в реанимации, я подводил итоги своей жизни до клинической смерти. Было ясно, что я не защитил написанную диссертацию, что у меня нет сына – продолжателя нашей фамилии, и что я не издал подготовленную монографию, не оформил авторские свидетельства, и т.д.

Однако в 1971 году мы с родителями опубликовали в харьковском издательстве “Прапор” наш перевод “Энеиды” И. П. Котляревского на русский язык с иллюстрациями известного художника Довгаля.

Наша семейная деятельность по изданию трудов Ивана Петровича Котляревского в переводе на русский язык была продолжена далее в завершающей доле триады в городе Екатеринбурге. Её продолжил мой сын –Константин, который до 1999 года выпустил два издания “Энеиды” и одно полное издание для нужд научных библиотек.

В 1975 году на закрытом совете ФТФ УПИ я защитил диссертацию, а в 1978 году в киевском издательстве “Техніка” вышла монография “Оптохемотроника”, посвященная изучению явления электрохемилюминесценции и ее применению в технике, единственная в мире написанная мной в соавторстве с А. И. Быхом и И. А. Огороднейчуком.

К 1981 году было получено более 30 авторских свидетельств и написано более 40 статей.

Мои родители – Галина Семеновна (1906-1971) и Константин Васильевич (1906-1966) Худенские – были похоронены в ряду почетных воинских захоронений Змиевского кладбища города Харькова.

В 1981 году в Свердловске начался завершающий этап моей жизни. Я вернулся по конкурсу в свою alma mater – Уральский политехнический институт имени С. М. Кирова на должность старшего научного сотрудника кафедры экспериментальной физики с исполнением обязанностей заведующего лабораторией радиационной биофизики (ОКБ ”Биофизтех”).

На базе прибора “Parmaquant” (ГДР) для измерения электрофоретической подвижности форменных элементов крови – эритроцитов, мы продолжали работы по изучению влияния УФОК и БАВ “Биомос” – “Эраконд” на заряд клеточных мембран. Совместно с академиком Лаутербахом и старшим научным сотрудником Харьковского

филиала НИИТЭ А. А. Михайловым мы продолжали работы по изучению влияния геофизических аномалий, а также УФОК и БАВ на субъективное восприятие времени человеком-оператором. Позднее два наших соавтора по этим исследованиям: зав. кафедрой биохимии Московского института физической культуры профессор Беленький и упомянутый А. А. Михайлов, как ранее Барбара Сорокина, эмигрировали в США.

Значительный перевес в наших работах по УФОК и “Биомос” – “Эраконд” в направлении экологии и ветеринарии был вызван в связи с организацией работ по сохранению репродуктивных функций и особенно здоровья поросят на Лайском комплексе, где содержалось 250 тысяч свиней, а также в Быньговском центре черно-пестрой уральской породы КРС. Указанные свинокомплексы пользовались особым вниманием первого секретаря обкома компартии Свердловской Области Бориса Николаевича Ельцина.

Этим был вызван наш переход в Свердловский институт народного хозяйства (СИНХ) на кафедру технологии и экспертизы продовольственных товаров, которой руководил профессор Л. А. Азин. Большую помощь в организации этого перехода нам оказал соратник Бориса Николаевича Ельцина – Федор Михайлович Морщаков, заместитель председателя Свердловского облисполкома.

Позднее Федор Михайлович Морщаков стал соратником (управляющим делами) первого Президента России в Москве при работе Президента в Белом Доме.

В 1987 году я перенес рецидив инфаркта, который возник, по мнению врачей, в связи с ежедневными поездками на автомобиле в Лаю и вечером домой, что в сумме составляло около 200 км. Я вышел на инвалидность. Наша научная деятельность в области БАВ и УФОК в 1988 году была перенесена, и продолжилась в консорциуме “Урман”, который располагался в «собственном доме» – архитектурном памятнике на улице Добролюбова в Екатеринбурге.

Консорциум принадлежал Агропрому России и работал под эгидой Свердловского городского лесхоза. Работа в области БАВ требовала больших объемов продуктов лесоводства, полеводства: растения, экстракты из них, например “Эраконд”, созданный на основе люцерны. В этом консорциуме я был председателем и по указанию Федора Михайловича Морщакова установил тесные связи с

сельскохозяйственными фирмами стран Европы: крупнейшим производителем продуктов птицеводства в Венгерской Народной Республике госхозом “Баболна”; фирмой свиновода барона фон дер Экк в Австрии; мировым гигантом “Унилевер” в Голландии; а также лесоперерабатывающим концерном миллиардера Кунца в Германии.

Научные исследования БАВ и УФОК были продолжены мной в Центральной научно-исследовательской лаборатории прикладной психологии, куда я был принят по конкурсу на должность заместителя директора по НИР. В 1991 году по просьбе Ф. М. Морщакова я был принят ведущим специалистом во внешнеторговый отдел Уральского объединения международного сотрудничество – УОМС.

В УОМС я отвечал за организацию обмена крупными делегациями специалистов предприятий Свердловской области с фирмами в различных странах Европы, которые были названы ранее.

В это время Федор Михайлович рекомендовал руководству УОМС направить меня при поддержке Облисполкома, а позднее и Управления делами первого Президента России на обучение в Дипломатическую Академию Австрии. Там я стал слушателем курса, который организовал академик Эрнст Флориан Винтер для граждан СНГ.

Программа курса, прослушанного мною у академика Э. Ф. Винтера в 1997-98 гг. LVANr031-013

Интернационализация технологии – политика.

1. Литература
2. Мнения учащихся
3. Выявленные фронты.
4. Индустрия – политика. Основы действительных реальных противоречий
5. Технологии – политика. Современное состояние. Глобальная дискуссия (эмпирически)

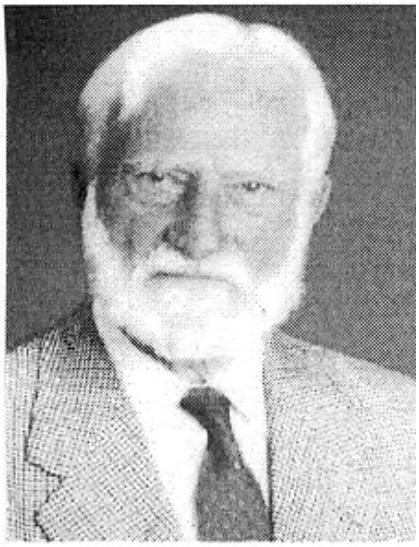
1. Обзор:
    a. Энергетическая политика
    b. Производство стали, как один из примеров.
    c. Переработка вторичного сырья (recycling) и менеджмент для отходов
2. Подходы к альтернативной политике:
    d. препятствия
    e. инновации

f. узкие места
g. конец национальной промышленной политики?
h. возможности национальной индустриальной и глобальной политики

3. Интернационализация технологической политики:
   i. роль ООН и ее организаций
   j. роль международных конвенций
   k. сопротивление альтернативным технологиям и «безотходным» технологиям (технологиям, не разрушающим окружающую среду)
   l. роль будущей политики охраны среды обитания.

Наиболее плодотворными за это время были поездки С. Чемезова в Венгерскую Республику и, в особенности, визит Ф. М. Морщакова при участии Э. Ф. Винтера к председателю совета директоров фирмы “Сименс” господину фон Пиреру. Этот визит способствовал внедрению в практику наших энергогигантов: РАО ЕС России, Свердловэнерго и нынешних ТГК-5 и ТГК-9 методов управления нагрузками, ремонтами с выходом на окончательную себестоимость продукции Р/З. Посещение офиса промышленника Кунца в Пфальцграфенвайлер Ф.М. Морщаковым и директором Уралмаша Строгановым способствовало организации производства кухонных гарнитуров “Кристалл” на Уралмаше и деревостружечной плиты на предприятии Свердлеспрома.

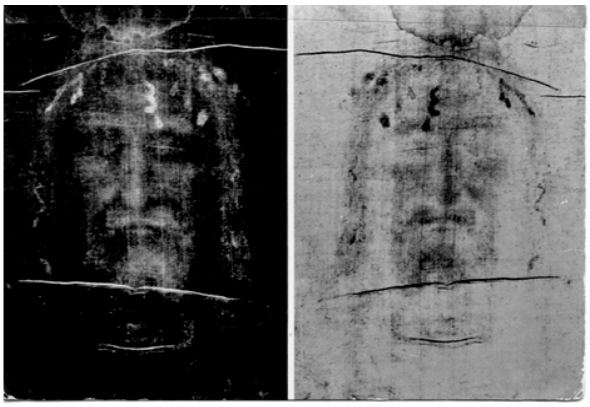
Мой гуру Эрнст Флориан Винтер



Человеческие отношения, сложившиеся у меня в те годы с академиком Э. Ф. Винтером и его супругой Иоганной, урожденной баронессой фон Трапп, привели к тому, что они оказывали мне всяческую помощь в розыске родовых могил моих предков, живших в свое время на территории Австро-Венгерской монархии.

Однажды академик Винтер, когда я жил у него в гостях в Вене, предложил мне для чтения книгу английского разведчика и писателя Тревора Равенскрофта “Копье судьбы”, изданную в немецком переводе издательством Эрик Бергх в Швейцарии в 1974 году. Когда я временно покидал Австрию в 1996 году он презентовал мне эту книгу, где практически на каждой странице он оставил свои замечания.

На первой лекции, которую нам читал Эрнст Флориан, всем бросилось в глаза его особое сходство с изображением лика Иисуса Христа на Туринской плащанице.



Дарственная надпись академика Эрнеста Флориана Винтера на книге Тревора Равенскрофта, подаренной мне в 1996 году

Дорогой друг Юрий!

Будь осторожен, это исследование является частью антихристианского процесса гниения. Ежедневная оккультная деятельность, исполняемая при поддержке Люцифера, направлена против Лица (Облика) Господа. Она лежит в русле либерализма,

сыграла существенную роль в судьбе коммунизма и национал-социализма, и привела последний к гибели.

Многое сказанное соответствует ИСТИНЕ. Многое ложно и фальшиво. Судьба героя этой книги, так же, как и автора (Тревора Равенскрофта) – учеников Рудольфа Штейнера, также как в целом антропософии, является проявлением разрушающего культа. Да поможет Тебе Дух Божий при чтении этой книги. Твой брат Е. Ф. Винтер.

Карьера преподавателя:

– Профессор истории и политических наук, декан факультета колледжа Св. Ионы, Нью Рошель, Нью-Йорк.

– Профессор истории дипломатии, гражданского права и международного права Колумбийского университета, Нью-Йорк.

– Гостевой профессор Флешгеровской школы права и дипломатии, Принстонского университета, Нью-Джерси.

– Гостевой профессор политической экологии, Страсбург, Франция.

– Директор и профессор Института международной и коммунистической политики Международного исследовательского центра в Зальцбурге.

– Директор и профессор политических наук Дипломатической академии Австрийской Республики.

– Директор и профессор политических наук в Институте высших исследований Вены.

– Гостевой профессор политических наук и политической экологии университетов Инсбрука и Граца.

Карьера дипломата:

– Дипломатическая академия ЮНЕСКО, факультет практического применения социальных наук.

– Дипломатическая академия Австрийской Республики, Вена.

– Директор отделения практического применения социальных наук. ЮНЕСКО, Париж.

Деятельность консультанта (сокращенно):

– Глава легального комитета ООН по окружающей среде, во время конференции в Стокгольме старший эксперт по промышленному развитию УНИДО, Вена.

– Старший эксперт и консультант по экологическим технологиям УНЕП, УНИДО и далее посол для особых поручений Европейского Союза:

- Миссия организации Интернационального Университета, г. Вена.
- Миссия организации Университета в г. Приштина, Косово.
- Миссия организации университета Юго-Восточной Европы.

В настоящее время академик является политическим советником архиепископа Венского графа К. Шонборна и нынешнего Папы римского Бенедикта XVI (Й. Рацингера). Ранее он был советником папы Иоанна Павла II Войтылы. По поручению сначала Иоанна Павла II и ныне Бенедикта XVI архиепископ К. Шонборн ведет постоянные консультации с митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом, Московской Патриархии Русской Православной Церкви (Москва).

Вальтер Иоганнес Штайн – создатель психофизики как основы современной психотронной техники

Курсовая работа Ю. К. Худенского по теме, заданной академиком Эрнстом Флорианом Винтером.

Вальтер Иоганнес Штайн был сыном богатого адвоката, большого знатока международного права. Он сдал экзамены на факультет природоведения, где в 1911 году защитил диссертацию на степень доктора философского направления. Этот труд был немедленно опубликован в Германии, так же, как и последующие монографии, посвященные раннему Средневековью: ”Современная история в связи с Граалем” и ”Копье Лонгина” – последняя тема фактически определила смысл и направленность всей его жизни. Единственная монография художественно-беллетрического плана, написанная кадровым английским разведчиком и писателем Тревором Равенскрофтом, названная “Копье Судьбы”, описала вектор интересов и фактически

жизненную судьбу Вальтера Иоганнеса Штайна как выдающегося антропософа и борца с растущей угрозой германского нацизма.

Докторская диссертация Вальтера Штайна связывала девять высших плоскостей (областей) сознания с физическими (реальными) органами тела и его биохимией. В ней рассматривались, говоря современным языком, общие проблемы взаимодействия – адаптации современного человека и окружающей среды. По авторитетному мнению английских ученых из Оксфордского университета диссертация Штайна на 50 лет опередила создание в Оксфорде исследовательского института психофизики. Основные интересы Штайна после защиты диссертации сосредотачивались на связи истории искусства и человеческого сознания.

Исследования в этой области привели его, как и А. Л. Чижевского, к активному занятию археологией и попытками интерпретации искусства и археологии. В ходе этих исследований Вальтер Иоганнес посетил Малую Азию, одну из колыбелей современной цивилизации.

Он был гостем первого президента Турецкой Республики Кемаля Атартюка и его сторонников из тайной партии «Серых волков», которая до сих пор действует в руководстве турецкими вооруженными силами, являющимися гарантом светского характера государства – Турции.

В ходе бесед с Ататюрком Вальтер Штайн убедил последнего, что цивилизационная миссия военных будет незавершенной, если миру не откроют сокровища древних хеттской и византийской культур. Хеттские памятники Богазкея убедили руководство Турции в целесообразности переноса в центр Малоазийского полуострова, новой столицы Турции – Анкары и сооружения в ней мавзолея Ататюрка. Эта тенденция прослеживается в современных тюркских государствах до сих пор, примером тому служит Астана, столица нового Казахстана.

В качестве второго успеха было достигнуто восстановление всех фресок и икон древних византийских церквей и монастырей, которые в эпоху вторжения ислама в соответствии с его традицией, запрещающей изображение человека, были скрыты от глаз, молящихся в мечетях под слоем гипсовой штукатурки.

Эта успешная миссия В.И. Штайна, а также его работы по Средневековью сделали его имя широко известным в Европе. Он добился научного признания в Германии.

Однако его геополитические интересы простирались далее, и в 1936 году мы находим его в кругу свиты Бельгийского короля Леопольда во время визита последнего в Великобританию. В окружении короля он занимал скромную должность эконома. Несмотря на это, его роль была определяющей при написании речи короля Леопольда, которую по значению можно сравнить с речью Уинстона Черчилля в Фултоне. Однако, в отличие от Черчилля, в речи в Гильдхолле (Guildhall) король Леопольд впервые в мире коснулся возможностей и перспектив Объединенного рынка Европы.

Необходимо указать, что годы 1909-1913, предшествующие началу Первой мировой войны, были для Штайна насыщены контактами с двумя историческими антиподами: Рудольфом Штейнером и Адольфом Шикльгрубером.

Эти годы были самыми тяжелыми и одновременно значительными в жизни А. Шикльгрубера. В это время Адольф Шикльгрубер жил доме для бесприютных мужчин в Вене, голодал, пытался поступить в Академию художеств, куда не был принят, и зарабатывал деньги продажей рисованных открыток с изображением исторических памятников и пейзажей Вены (недавно они были проданы за значительные долларовые суммы на аукционе Сотбис).

Первая встреча В. И. Штайна и А. Шикльгрубера произошла в книжной лавке букиниста Претче. В руки Штайна попала только что сданная на комиссию книга – поэтическое изложение легенды о Персифале, написанная Вольфрамом фон Эшенбахом в 860-870 годах девятого века. Книга была испещрена заметками будущего фюрера. Эти комментарии показались Штайну примечаниями дьявола. Они были переполнены идеями расового фанатизма, болезненного утверждения величия арийской расы, безудержного пангерманизма. В то время духовными наставниками А. Шикльгрубера были оккультисты –ариософы. Один из них, Дитрих Эккарт, человек крайних антисемитских взглядов, вторым был Карл Хаусхофер, один из основателей идеологической науки фашистского рейха.

Оба они были творцами общества Туле, которое сыграло существенную роль в воспитании руководителей рейха: Гитлера, Гиммлера, Геббельса и Розенберга. Карл Хаусхофер, бывший военный атташе в Японии, всю жизнь, а он пережил Нюренбергский процесс (1869-1946), до конца дней восхищался японской культурой, идеями и

практикой дзенбуддизма. Д. Эккарт, как и К. Хаусхофер, считался в обществе Туле посвященными, которые должны были осуществить промежуточное звено связи человека с миром трансцендентных духов и высших миров.

Общество Туле считало себя силой, способной помочь Германии овладеть миром. Эта идеология привела А. Шикльгрубера на западный фронт Первой мировой войны, где он получил звание ефрейтора.

Наряду с обществом Туле Рейхсвер стал вторым воспитателем легко впечатляемого юноши, который был отравлен хлором во время газовой атаки англичан. Но до этого состоялась вторая встреча Вальтера Штайна и Адольфа Шикльгрубера в Хофбурге, императорском дворце в Вене, в сокровищнице Австро-Венгерской Монархии, где наряду с короной венгерских королей (Иштвана) хранилось упоминавшееся выше копье Лонгина.

В христианской рыцарской мифологии это копье обладало волшебной силой. Его владелец в любом случае должен был стать властелином мира.

Во время этой встречи Вальтер Иоганнес Штайн мог проследить, как изменялось постоянно подавленное состояние Адольфа, когда тот слушал лекцию экскурсовода о властителях Копья Лонгина, о мистических достоинствах этого копья. Может быть, именно тогда он решил овладеть им.

Подвиги Адольфа на войне были отмечены высшей военной наградой Германской империи – Железным крестом. Свой первый визит в оккупированной гитлеровской армией Вене он нанес в Хофбург, и после этого никому не было известно о судьбе короны венгерских королей и Копья Лонгина (до 1945 года), когда американская разведгруппа обнаружила их в Баварской столице – Мюнхене в подземном секретном хранилище. По личному распоряжению генерала Эйзенхауера корона была передана венграм, а Копье возвращено в Хофбург, хранилище драгоценных реликвий Австрии.

Что касается Вальтера Штайна, то в 1909-1913 годах он сблизился с выдающимся педагогом и философом, основателем антропософии Рудольфом Штейнером, основателем Вальдорфских школ.

В 1914 году Вальтер отправился строевым офицером Австро-Венгерской армии на русский фронт, где, будучи награжденным, попал в котел в составе двухмиллионной группы австрийских граждан в

основном чехов, словаков, украинцев, венгров, хорватов, словенцев и босняков. Некоторую долю этих несчастных жертв Брусиловского прорыва В. И. Штайну удалось вывести из окружения, за что он снова был награжден кайзером орденом за военные заслуги. Нужно отметить, большая часть упомянутых военнопленных, в числе которых был венгр Бела Кун, один из руководящих венгерских коммунистов серб Олекса Дундич – основатель Первой конной армии, а также Николай Гарнич – генерал-майор Советской армии, хорват по национальности, были до революции 1917 года депортированы в восточные районы Российской империи. Многие основали семьи, вступали в Красную армию и были потом репрессированы в эпоху сталинизма. Эта участь миновала В. И. Штайна, и после разгрома армии он вернулся в Вену. После первой встречи с Рудольфом Штейнером в 1913 году он стал его преданным паладином и учеником.

В 1919 году с 21 августа по 6 сентября Рудольф Штейнер прочел своему ближайшему окружению три педагогических курса: 1 –общее человековедение; 2 – проведение логико-дидактических семинаров; 3 – суть разработки учебных планов.

После закрытия школы Штейнер пригласил Вальтера на должность помощника по внеучебной работе. В это время Штайн прославился как яркий проповедник идеи социальной триады. Седьмого сентября 1919 года состоялось открытие первой Вальдорфской школы в Штутгарте. Штайн был одним из 12 членов Коллегии основателей школы. Ему было 28 лет. В Штутгарте он создал вальдорфский Архив и издал свою монографию “Познание человека и воспитание” в 1929 году в «Трудах Института Свободных Вальдорфских Школ». Мы не будем аннотировать книгу, отнеся читателя к первоисточнику, но приведем ее оглавление, свидетельствующее о направлении мысли автора.

Вместо введения: Развитие новой культуры и место Рудольфа Штейнера в истории духа.

Первая часть

а) педагогические импульсы Рудольфа Штейнера;

б) воспитание в древности и сегодня;

в) ритмы развития и ответы воспитания;

г) антропософия как основа педагогики Вальдорфских школ;

д) искусство воспитания во взаимодействии полярных структур.

Вторая часть

а) мировая история и ее преподавание в Вальдорфской школе;

б) прометеевское представление истории;

в) Рудольф Штейнер на уроках истории;

г) разработка учебного плана на основе познания человека;

д) взаимоотношение в процессе преподавания истории и истории литературы;

е) преподавание истории в старших классах.

Эпиграфом книги были слова В. И. Штайна: “Личности, когда умирают, оставляют свои труды. Р. Штейнер оставил людям побуждение творить свободно, базируясь на своем внутреннем содержании”.

Отметим, что Вальдорфское движение сохранилось до настоящего времени. Такие школы работают во всем мире и, в частности, в Екатеринбурге.

Мы отмечали, что Вальтер Штайн внес значительный вклад в развитие первой Вальдорфской школы в Штутгарте, однако в 1933 году ему пришлось покинуть этот город и Германию в связи с угрозой ареста: глава РСХА Генрих Гиммлер, памятуя о давнем знакомстве Вальтера Штайна с Адольфом Гитлером, который тем временем стал канцлером Германии, решил привлечь Штайна к работе в Оккультном центре СС.

Уже в 1928 году в Берлине существовала маленькая колония буддийских монахов из Тибета и Гималаев. В 1939 году эта маленькая колония совместно с Оккультным центом СС организовала грандиозную экспедицию СС в Тибет, причем секретной кодовой книгой для радиопереговоров между Лхаса и Берлином служила книга “Стансы дзен”.

Теперь было бы уместно вернуться к работам Эммануила Свёденборга. Как пишет С. Рязанцев в своей книге “Танатология – наука о смерти”, учение Свёденборга и его последователей принадлежит теософии. В настоящее время учение теософии наиболее полно выражено в деятельности Теософского общества, основанного в 1875 году в Нью-Йорке нашей соотечественницей Еленой Блаватской (1831-1891). Сейчас теософские организации в мире насчитывают более 150 тыс. членов. Главный центр теософов находится в Индии в городе Мадрасе”…

В конце позапрошлого века теософия завершила круг оккультной триады: ариософия, теософия и антропософия, как самая молодая.

”…Теории эти резко критикуются представителями официального христианства, которые утверждают, что посмертные видения реанимированных есть нечто иное, как бесовский обман, направленный на погибель души”.

Это последнее замечание С. Рязанцева особенно уместно в связи с тем, что мне необходимо вспомнить о человеке, который познакомил меня с триадами Вальтера Иоганнеса Штайна, академике Эрнесте Флориане Винтере.

Хочется отметить, что Эрнест Флориан Винтер родился в районе Герстхоф Вены столицы Австрии, 12 декабря 1922 года. Для того чтобы сократить изложение я приведу его автобиографические данные, содержащиеся в программе обучения института “Техника и Общество” за 1997-1998 годы, когда я, Ю. К. Штейн (Худенский), проходил там обучение перед временным отъездом из Австрии.

Ранее было сказано, что непосредственно после моего приезда в Вену и начала моих занятий в ДААР я получил у Э. Ф. Винтера книгу «Копье Судьбы» со словами: «Вот выдающийся человек, Вальтер Иоганнес Штайн, но не твой родственник». Это означало, что мое генеалогическое дерево обойдет Вальтера Штайна стороной. Однако судьба самого академика и судьба Вальтера Иоганнеса Штайна переплетались довольно часто и сильно.

Вернемся в 20–40-е годы XX века. В 1929 году Рудольф Штейнер покидает пределы Германии. Следом за ним в 1933 году в Англию отправляется Вальтер Иоганнес Штайн.

В отличие от него, рожденный в семье социалиста, вице бургомистра Вены Э. Ф. Винтер, бежал из Австрии вместе с отцом в 1938. Через Швейцарию и Францию они добрались в Англию, где были помещены в фильтрационный лагерь, откуда их освободили сотрудники американских спецслужб: УСС (Управление стратегических служб) США. Оно предоставило Карлу Винтеру работу в США в качестве профессора-политолога Принстонского университета (Нью Джерси).

А 17-и летнему Эрнсту было предложено поступить в морскую десантную пехоту. Он прошел обучение в Форт Ноксе и во время Второй мировой войны принимал участие в десантных операциях на тихоокеанском театре военных действий.

Штурманом самолета, с которого Винтер осуществлял высадки с винтовкой М-16 в руках на Окинаве, Филиппинах, Бирме, был Джордж Буш старший.

На завершающей стадии войны Э. Ф. Винтер принял участие в высадке союзных войск в Нормандии. В связи с блестящим знанием родного немецкого, английского, французского языков далее он был заброшен в Перпиньян и был офицером связи ОСС при штабе франтиреров – партизан Франции – “маки”.

Он завершил войну в освобожденной от фашистских захватчиков Австрии и встретился с советскими войсками на месте впадения реки Эмс в Дунай. Демобилизировавшись из армии, он вернулся в США, где женился на дочери известного австрийского антифашиста барона фон Трапп. О жизни семьи фон Трапп в США, в особенности в годы войны и после нее, был написан роман «Звуки музыки» и снят одноименный художественный фильм.

Вальтер Иоганнес Штайн доставил в Англию разработку германского генштаба – план «Зеелеве» («Морской лев») – вторжения вермахта на британские острова морским путем. По прибытии в Англию он продолжил участие в антифашистской борьбе союзников в качестве агента британских спецслужб.

Автор упомянутой нами книги «Копье Судьбы», где излагаются отдельные эпизоды жизни В. И. Штайна в Великобритании, пишет, что однажды в разговоре он случайно он обмолвился Штайну, что принимал участие в операции по ликвидации британской военной разведкой генерала Роммеля в Северной Африке под руководством подполковника Джефри Кейса.

Каково было удивление Равенскрофта, когда Штайн в ответ сообщил, что он является другом отца Джефри, адмирала Роджера Кейса, который во время Второй Мировой войны был руководителем так называемых «комбинированных операций», проводимых военной разведкой Королевских военно-морских сил.

Кроме того, Тревор понял, что, будучи личным советником военного министра, а потом и премьер-министра Великобритании сэра Уинстона Черчилля по психологии А. Гитлера и других нацистских бонз, В. И. Штайн привлекался разведкой Ми-6 к психологическому обеспечению «комбинированных операций»– покушений на фюрера и других руководителей третьего рейха.

Во время войны по личному указанию сэра Уинстона адмирал Роджер Кейс осуществлял техническое руководство миссией Вальтера Иоганнеса в Брюсселе, в ходе которой Вальтер Штайн убедил своего давнего друга короля Леопольда открыть морские границы и территорию Бельгийского Королевства для экспедиционных сил союзников.

На территории Бельгии произошло одно из самых ожесточенных сражений на Западном фронте Второй мировой войны – битва в Арденнах.

По опыту Первой мировой войны В. И. Штайн участвовал в разработке и психологической поддержке вывода разведгрупп из тыла врага после выполнения задания. Одной из самых успешных операций такого рода британских вооруженных сил был побег группы военнопленных англичан разведчиков из замка Колдитц, которая послужила основой сценария одноименного английского фильма. Ранее, в начале разработки этой методики, был осуществлен побег Рудольфа Штейнера из Германии.

В 1993 году издательство «Евразия» совершило подвиг: издало книгу оксфордского историка Николаса Гудрика Кларка «Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. Ариософисты Австрии и Германии».

В предисловии книги написано: «Книга – интереснейшее свидетельство того, как воображаемый мир, мир духов, волшебства непосредственным образом влияет на принятие политических решений, формируя государственную идеологию. Она расскажет Вам о тех идейных силах, которые вдохновляли основателей одного из самых страшных режимов мира «Третьего Рейха».

В книге Гудрика Кларка биография нашего героя В. И. Штайна изложена очень кратко. Однако, судя по предисловию, она некоторым образом излагает те выводы, которые задолго до побега в Англию были сделаны Вальтером Штайном.

Гудрик Кларк идет далее, он пишет о сотрудничестве В. И. Штайна и Рудольфа Штейнера следующее: «Несколько лет спустя после войны Равенскрофт встретил В. И. Штайна (1891-1957), австрийского еврея, в 1933 эмигрировавшего из Германии в Британию. Незадолго до установления третьего рейха Штайн учился в Вальдорфской школе в Штутгарте, организованной в соответствии с антропософскими принципами Р. Штейнера».

Гудрик Кларк пишет о том, что в книге «Копье судьбы» Тревор Равенскрофт, например, связывает нацизм с антропософией. Он объявляет Тревора Равенскрофта в псевдоисторизме, но он прав только в одном: Штайн, как мы указывали выше, во время войны вместе Т. Равенскрофтом служили в английской военной разведке.

Правдой является только дата смерти В. Штайна – 1957 год. По мнению Э. Ф. Винтера, выдающийся английский разведчик австрийского происхождения был отравлен английскими спецслужбами в период работы над книгой своих мемуаров.

При этом нужно учесть, что Т. Равенскрофт после смерти В. Штайна остался проживать в его доме, занимался разборкой его архива и документов, на основе которых он подготовил единственную «биографию» (ложную) В. Штайна, опубликованную в его версии в Великобритании. Равенскрофт также включил в свою книгу сенсационную историю о том, что Гитлер ускорял свое оккультное развитие употреблением галлюциногенных препаратов пейоты, с которой его познакомил Прецше, работавший до 1892 года помощником аптекаря в немецкой колонии в Мехико. Эти сведения Тревор Равенскрофт мог получить только от В. Штайна, который в 1909-1913 годы лично общался как с Прецше, букинистом, специализировавшемся на эзотерической литературе, так и непосредственно с Адольфом Шикльгрубером.

Однако далее Г. Кларк пишет: «Здесь ясно видно, как Т. Равенскрофт при помощи доктрины Р. Штейнера и В. Штайна пытается создать мифологию оккультного нацизма».

Это явный перехлест. Данная мифология была создана членами общества Туле, куда входили: Зееботендорф, Гвидо фон Лист, Ланц фон Либенфельс и упоминавшийся нами выше Эккарт и Хаузхофер. Серьезные авторы проникали в эту возбуждающую сферу интеллектуальной истерии. Например, Эллик Хау в книге “Дети Урании”, переизданной в 1984 году как «Астрология и Третий Рейх», рассказывает историю личного астролога Гитлера Джеймса Вебба.

Джеймс Вебб поднял изучение нацистского оккультизма на высоту истории идей. Одни из этих идей были впервые исследованы в монографиях В. Штайна «Грааль» и «Копье Лонгина».

В начале 1913 Штайн понял, что Адольф Шикльгрубер верил в то, что священное копье наделяет его обладателя неограниченной властью, а

ими до А. Гитлера были Константин Великий, Карл Смелый, Отто Великий, император Священной Римской Империи Фридрих Второй Гогенштауфен.

До 1938 года Копье было сокровищем Австро-Венгерской Монархии – правящей династии Габсбургов, наследники которой Отто фон Габсбург, его сын Карл и внук – маленький Звонимир, еще не читавший трудов В. Штайна, не претендует на обладание Священным Копьем. Автор работы, волею случая ставший членом общества «Старых венцев» мог созерцать его в сокровищнице Хофбурга в Вене, куда он заходил, отправляясь на заседания Altwienerbund, проходившие этажом выше.

Библиография журнальных статей Вальтера Иоганнеса Штайна

1. The Present Age / London, 1935-1939
2. Education in antiquity and in modern times. The modern Mystic / Vol 1 №10, London, 1937
3. The evolution and individual love.

Жак Бонвале

Очерк о знакомстве с моим другом Жаком Бонвале

Наступал 1997, год завершения моего ученичества у академика Эрнеста Флориана Винтера. В нашем общении значительную роль играла его бывшая секретарша магистр Эмилия Владимировна Ляймер, бывшая советская гражданка, сотрудничавшая в ВАО «Интурист» доцент кафедры иностранных языков Киевского университета по специальности романо-германская филология, подтвердившая свои советские дипломы в Венском университете после переезда в Австрию. Она вышла замуж за австрийского гражданина, известного в Вене строителя-предпринимателя и миллионера Ляймера. (До замужества она носила имя Эмилия Вольфовна Вольфман). Она до сих пор осведомлена в географических координатах местонахождения академика на земном шаре, которое он часто меняет в связи с поручениями ООН, ФАО, где состоит старшим экспертом, и МИД Австрийской Республики. На момент нашего знакомства Эрнест Флориан являлся кроме того политическим советником Папы Римского Иоанна Павла II и Архиепископа Венского графа Карла Шонборна. Одновременно он исполнял обязанности диакона Украинской греко-католической церкви Венского прихода Св. Анны. Принятие Эмилией вероучения проповедника Бруно Грёнинга привело к её увольнению. Однако она до сих является другом семьи и в 2002 году приезжала к нам в гости в Екатеринбург.

В августе 1997 академик Эрнст Флориан Винтер по приглашению Сергея Борисовича Воздвиженского прибыл в Екатеринбург вместе с супругой баронессой Иоганной фон Трапп-Винтер, дочерью австрийского героя Первой мировой войны-капитана подводного флота Австро-Венгерской Империи Карла фон Траппа. Каждый может найти историю Поющей Семьи фон Трапп в переведенном на русский язык романе «Звуки музыки», либо в кинофильме или CD диске бродвейского мюзикла с тем же названием, шедшего более 20 сезонов в Нью-Йорке. Они поселились в номере гостиницы «Октябрьской», расположенном в эркере на втором этаже здания на улице Софьи Ковалевской, недалеко от дома № 30 по Ботанической улице, где проживала наша семья. Баронесса-певица, исполнявшая на сцене оперного театра в Зальцбурге партию Царицы ночи в опере Вольфганга Амадея Моцарта «Волшебная

флейта», после тяжелого инсульта не могла самостоятельно подняться и сойти из него на улицу. Этот путь она проделывала сидя на стуле, который несли два моих друга, музыканты: скрипичных дел мастер музыковед-акустик В. М. Терехов и зав. литчастью Уральского народного хора Е. Ф. Калуцкий. Они были рады служить выдающейся актрисе, пианистке и художнице-акварелистке, попавшей в беду! Она плохо владела конечностями, но сохранила ясный рассудок и интеллект; как жена дипломата сохранила приличное знание иностранных языков.

Иоганна часто любила сидеть у открытого окна в эркере гостиницы «Октябрьская», наблюдая за незнакомой ей жизнью во дворе. Мы с академиком иногда выходили во двор гостиницы к воротам, где встречали новых посетителей, которые его навещали. Со двора обменивались с Иоганной приветствиями. Мы ужинали в ресторане гостиницы «Октябрьская». Ресторан обычно был переполнен. Гости сидели в основном на лавках и лишь немногие на стульях, как мы с Эрнстом! Однажды мы обнаружили визави говорливую группу франкофонов. Она состояла из двух мужчин и восьми девушек, которые можно было принять за сотрудниц французских фирм русского происхождения. Слушая их непринужденную и веселую беседу, Эрнст Флориан буквально расцвел, но в контакт с ними не вступал. На следующее утро мы должны были посетить НИИ Уралмаш, где у академика было поручение от промышленников из Линца – столицы Верхней Австрии. В НИИ «Уралмаш» нас принимали сотрудники патентной библиотеки и КБ «Сатовского». Встреча в НИИ была теплой и закончилась в ресторане, где нас нагрузили в связи с прощальным визитом марочными грузинскими винами и коньяками. Утром при сборе чемоданов академик случайно выглянул в окно и увидел в воротах вчерашнюю французскую группу. Ему пришла замечательная мысль передарить подарок им и познакомиться. Сказано – сделано! Выходим с мешками во двор, приветствуем еще незнакомых людей и вручаем мужчинам грузинский коньяк «Тбилиссо», а дамам по именам: Татьяне – «Ткибаани», Светлане – «Саперави», Галине – «Гурджаани», Катерине – «Кинзмареули» еще одной Свете – «Цинандали», а второй Тане – «Тетра»! Две бутылки «Кинзмареули» Эрнст оставил себе в дорогу. Академик познакомился с руководителем группы представителем компании ветеранов «АЖИР» Жаком Бонвале и помощником мэра Парижа Франсуа. Последний был невысок ростом, однако коренаст,

широкоплеч и более походил не на французского аристократа, судя по фамилии, которую он нам назвал, а на высококлассного жокея, специалиста по выездке лошадей. Жак Бонвале был и остается моим другом до сих пор! Он оказался участником алжирской войны, сыном генерал-квартирмейстера армии Президента Деголля. Как истинный бургундец он высок и внешне очень красив. Академик Винтер представил меня Жаку, как своего ученика в ДААР и помощника в делах его холдинга «Винитир» на Урале. Он рассказал, что моя мама окончила в 1924 году специальные курсы Посольства Франции для сотрудников консулата и преподавателей французского языка pour lecole Etrange и просил восстановить документы, удостоверяющие это для семейного архива. Академик сообщил, что в скором времени покинет регион и рекомендовал меня для работы в руководимой Жаком фирме B.C.V. в качестве советника по науке. Мы обменялись с Бонвале визитками. В общении с ним для меня начался совершенно новый этап деятельности, как советника по науке и технике компании B.C.V. (dpt France-Russie. 10 Rue du Ponceau 95000, Cergy, Paris, France. Tel. 33130312602). Необходимо признать, что в связи с состоянием здоровья я не мог принимать участие в тех проектах D.C.V., которые связаны с длительными и протяженными поездками: например тема с медицинским холдингом «ЮНОНА», где Жак лично отвечал за поставки оборудования для экструдирования пластмассовой упаковки инфузионных жидкостей с острова Тайвань и Италии. Он также способствовал повышению уровня технологии производства отечественного человеческого инсулина, производимого в России до эталонного датского мирового стандарта фирмы «Behring». Этот продукт сейчас производится в Новоуральске под торговой маркой «Россинсулин» и практически освободил Россию от иностранной зависимости. Жак предоставлял мне широкие возможности для общения во Франции с представителями своего круга. Наиболее выдающейся для меня была эпистолярная дружба с одной из величайших женщин нашего времени Ellen Carrera D’Ancos – политическим деятелем, писательницей и журналисткой, которая постоянно берет личные интервью у Владимира Путина, а во время крупных международных встреч, как в Сочи является его переводчиком. Эллен Каррера Д’Анкос – автор замечательных книг: «Ленин и Россия в современном мире», которые Жак представляет мне для прочтения, прислала мне в подарок подлинный акварельный портрет излюбленного

мною Кардинала Ришелье. Жаку Бонвале, руководившему некоторое время программой TASIS в Екатеринбурге в качестве представителя фирмы АЖИР в России, я обязан встречей с великим русским эмигрантом и величайшим французским инженером Борисом Зайцевским. Родовые земли семьи Зайцевских – это село Зайцево Смоленской губернии, где на границах с Польшей в Московии обитали грунтовые казаки, обязанные за предоставленные им наделы защищать границы Царства Московского. Дед Бориса, окончивший Горную Академию в Санкт-Петербурге занимал высокий пост в Конторе начальника Уральского горнопромышленного округа в Екатеринбурге. Она располагалась в известном сейчас малом доме резиденции Президента России, что на берегу городского пруда (ранее дом Мира и Дружбы). Там в позапрошлом веке, где родился отец Бориса, квартировала семья Зайцевских. Однако отец Бориса, который окончил морской кадетский корпус и юнкерское училище жил до революции в Кронштадте. Он был адмиралом Балтийского флота, но в ходе революции эмигрировал во Францию. Сам Борис Зайцевский чрезвычайно гордится местом своего рождения – военно-морской базой на острове, который Петр Первый назвал «Кроншлот». Борис окончил во Франции «Эколь Нормаль» и «Эколь Политекник» и длительное время проектировал во Франции и её зарубежных департаментах высотные плотины гидроэлектростанций и сами ГЭС. Он активно включился на этапе проектирования в разработку проектов 58 атомных электростанций Франции. Венцом его производственной карьеры были предложенные им, как учёным и проектировщиком проекты двух гигантских ядерных электростанций с реакторами на быстрых нейтронах «Феникс» и «Феникс-2» (Суперфеникс). Последняя работа Бориса Зайцевского за рубежами Франции тогда – это проект приватизации Английской энергетики, который он выполнил по заказу премьер-министра Маргарет Тетчер и внедренный в жизнь в Великобритании. Большой научный и технический опыт Бориса Зайцевского был доложен руководству Свердловской области. Приглашение Борису Зайцевскому было подписано Председателем экономического комитета Большого Урала С. Б. Воздвиженским, согласовано с Генеральным «Свердловэнерго» Родиным и отправлено Бонвале в АЖИР. Зайцевский наконец прилетает в Екатеринбург на родину своего отца! Мы встретили его в аэропорту и обсудили план пребывания Бориса в Екатеринбурге. План состоял из

двух частей: контакты с вышестоящими органами и транспорт для осуществления этих контактов. В качестве сопровождающего брал на себя Жак Бонвале, включая БАЭС и другие ГРЭС нашего региона. Я незадолго перед этим побывал на Белоярской атомной станции с академиком Эрнстом Флорианом Винтером, где мы встречались с руководством на самом высоком уровне. На меня были возложены встречи в Уральском Политехническом Институте: общая лекция для студентов института в IV римской аудитории и далее встреча Бориса Зайцевского с профессорско-преподавательским составом двух факультетов: теплофака и физтеха – цитадели атомной науки и практики. С особым интересом к этой встрече и последующему банкету отнесся мой воспитатель со студенческих лет профессор Сергей Павлович Распопин, который является идеологом новейшей разработки ядерного расплавного реактора на быстрых нейтронах. Он посвятил своему детищу 50 из 80-и лет своей жизни и является автором патентов и более 300 авторских свидетельств в области теории и практики ядерной металлургии и материаловедения в реакторостроении. В книге приведены фотографии банкета и проводов конструктора французских энергетических установок Бориса Зайцевского на физтехе УГТУ-УПИ. Постоянным переводчиком на всех встречах в нашем институте был член Общества Франко-Советской Дружбы профессор кафедры теоретической физики ФТФ Леонид Николаевич Новиков, обеспечивший высочайший уровень научно-технического перевода.

Краткие сведения о Жаке Бонвале

Первоначальная миссия: обучение российских лидеров компании сетевого маркетинга VISION в течение 3 месяцев (продажа французских фитотерапевтических средств (ARKO PHARMA) по системе многоуровневого маркетинга).

По завершению контракта остается для налаживания экономических

связей между УрФО, главным образом, Свердловской областью и Францией, а также Европой.

Примеры основных проектов:

1. Территориальный уполномоченный по России французской Ассоциации AGIR (молодые пенсионеры, в прошлом лидеры французской экономики, которые осуществляют бесплатную консалтинговую деятельность).

Для реализации данных миссий распределение европейского бюджета программы TACIS.

Реализовано несколько десятков миссий, в том числе:

- Борис Зайцевский: консалтинг по вопросам приватизации системы электроэнергии в Российской Федерации;
- многочисленные миссии в сфере страхования с участием г-жи Логиновой Людмилы: очень активное участие в разработке федерального закона об обязательном страховании автогражданской ответственности.

2. Экономическая связь совместно с посольством Франции в Москве:

- получение миссий и прием французских делегаций и представителей французских компаний в Екатеринбурге: CNP (Национальная Касса Взаимопомощи), компания SIPPEX, и т.д…

3. Экономическая связь с французскими и европейскими предприятиями по запросу российских предприятий:

- запрос на производство в России инсулина 2-го поколения (генная инженерия): компании SANOFI – AVENTIS, NOVO NORDISK Дания;
- запрос о продаже гидравлических систем передачи калорий с использованием статического насоса (heat pipes): компания BULL
- запрос о коммерциализации микронефтеперерабатывающих заводов: компания TOTAL;
- Йод: предложение о бесплатном обучении российских специалистов во Франции: компания INSERM + центр CNS (Национальный Центр Охраны Здоровья) в Париже;
- Предложение лицензии на производство алюминиево-скандиевого сплава: компания ALCAN/PECHINEY (с помощью г-жи Эдит Крессон).

4. Экономическая связь с российскими предприятиями по запросу французских предприятий:

- запрос о высокотемпературном и высокопрочном металлическом сплаве для оборудования по производству стеклянного волокна: компания St Gobain/ Isover;
- предложение лицензии на производство лопаточных компрессоров: компания MPR Франция;
- лицензия на производство и поставка сертифицированного сырья для производства пакетов для инфузионных растворов: компания Sippex Франция;
- предложение о продаже сверхмощных насосов нового поколения для нефтяной промышленности: Изобретатель - бывший сотрудник компании Chlumberger.

5. Консалтинг и проведение тренингов для российских компаний и предприятий:

- каким образом использовать в России мировые соглашения об интеллектуальной собственности;
- многочисленное участие на добровольных началах на уроках французского языка;
- цикл обучения Многоуровневому Маркетингу (Marketing Multi Levels);
- проведение обучающих тренингов:
    - менеджмент (все уровни);
    - продажи;
    - маркетинг.

Фотоматериалы из жизни Ю. К. Худенского (Штейна)

Личное письмо Ю. Худенскому из Москвы от 27.10.1983 г. об удачном оформлении вызова в JAP от общества Германо-советской дружбы

Moskau, 27. X. 83

Lieber Dr. Juri Chudenski!

Beste Grüße aus der DDR. Für einige Tage war ich in Jerevan und Tbilissi, wo ich auch Dr. Twalatse besuchte. Wie ich hörte, wird Dr. Wiesner im Dezember nach Leningrad kommen. Ich bat ihn, für Sie eine Kopie der Sendung von 30 Minuten mitzubringen. Ich habe das nicht nicht geschafft und hätte auch keine Möglichkeit, Ihnen eine solche Kassette zu senden. Aber die Kopie meines Textes. Die Gespräche mit Ihnen und Siegfried Wiesner sind dort nur als „Band" aufgepickt, d.h. nur zu hören. Die Sendung wurde von Dr. Wiesner als gut gelungen eingeschätzt

Herzlich Ihr Ernst Dobritz

Удостоверение Константина и Юрия Худенских как членов австрийско-украинского общества в Вене от 13.02.1999

ÖSTERREICHISCH-UKRAINISCHE GESELLSCHAFT
АВСТРІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКЕ ТОВАРИСТВО

ÖSTERREICHISCH-UKRAINISCHE GESELLSCHAFT, A-1015 Wien, PF 191

Herren K. und Ju. KHUDENSKYJ

Botanitscheskaja 30|2 B
620066 Jekatarinburg
RUSSLAND

A-1015 WIEN, POSTFACH 191, AUSTRIA

TELEFON: +43-1/26000-4033 UND +43-1/513 74 02

TELEFAX: +43-1/37053 79

BANK AUSTRIA KONTONUMMER: 616 281 804

Sehr geehrtes Vereinsmitglied !

Wien, 13. 02. 1999

Wir laden Sie als Mitglied der Österreichisch-Ukrainischen Gesellschaft zur

3. Ordentlichen Generalversammlung
am
Freitag, dem 19. März 1999 um 19.00 Uhr
in die Botschaft der Ukraine
1180 Wien, Naaffgasse 23/Eingang Dürwaringgasse, herzlich ein.

Tagesordnung:

1) Begrüßung: Borys JAMINSKYJ,
2) Wahl des Tagungspräsidiums,
3) Rede des ÖUG-Vizepräsidenten Botschafter Mykola MAKAREWYTSCH,
4) Bericht des Geschäftsführenden Präsidenten Borys JAMINSKYJ,
5) Bericht der Generalsekretärin Mag. Tatjana DANNIK,
6) Bericht des Finanzreferenten Josef PONGRATZ,
7) Bericht der Vorsitzenden der Kontrollkommission Frau Dipl.Ing. L.ZUPNIK-SOBCHYSHYN,
8) Diskussion,
9) Entlastung des Vorstandes für den Berichtszeitraum,
10) Neuwahl des Vorstandes,
11) Neuwahl der Kontrollkommission,
12) Allfälliges.

Wir bitten Sie, an dieser Sitzung teilzunehmen, und verbleiben mit freundlichen Grüßen.

Für den Vorstand:

Borys Jaminskyj
Geschäftsführender Präsident

Maria Ostheim-Dzerowycz
Sekretärin

Mag. Tatjana Dannik
Generalsekretärin

Nach der Ordentlichen Generalversammlung bitten wir zu einem kleinen Imbi9

ÖSTERREICHISCH-UKRAINISCHE GESELLSCHAFT
A-1015 WIEN
FAX: (0222) 37 53 79
POSTFACH 191
АВСТРІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКЕ ТОВАРИСТВО

Характеристика свидетельства Ю. К. Штейна
на украинском языке от 10.10.2007.

УКРАЇНСЬКА НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНА АВТОНОМІЯ ЄКАТЕРИНБУРГА
УКРАИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА

Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 179/Б, тел.: 348-70-59

В Національну Комісію з питань
закордонних українців
МЗС України

ХАРАКТЕРИСТИКА-ПОСВІДЧЕННЯ

Активний член Української національно-культурної автономії Єкатеринбурга (Росія) Штейн (Худенський до 1995 року) Юрій Костянтинович дійсно має українське етнічне походження, його батьки народилися в Україні (Сумська область, Охтирський район, с. Яблучне). Про це свідчать прикладені документи. Сам Штейн Ю.К. проживав в м. Харкові в 1959 – 1981 роках. Вільно спілкується українською мовою. Його сім´я переклала на російську мову «Енеїду» І.П.Котляревського. Син Штейна Ю.К. (Штейн Костянтин Юрієвич) сьогодні проживає у м. Одеса.

Прошу членів Комісії видати Штейну Юрію Костянтиновичу посвідчення закордонного українця.

Голова Української національно-культурної автономії м. Єкатеринбурга, член Президії Української Всесвітньої Координаційної Ради, перший заступник Федеральної національно-культурної автономії «Українці Росії», професор

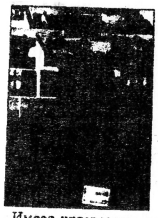
Стефан Паняк

10.10.07р.

Российская Федерация г.Екатеринбург * Местная общественная организация * "Украинская национально-культурная автономия" г.Екатеринбурга * ОГРН 1046605603714

Характеристика религиозных воззрений Ю. К. Штейна (Худенского)

16



Юрий Константинович Штейн (Худенский)
кандидат физико-математических наук

Родился 3 июня 1931 г. в г. Москве. По знаку зодиака – Близнецы. Окончил школу №10 в г. Екатеринбурге и физико-технический факультет УПИ в 1955 г.
В конце 50 гг. работал в УПИ преподавателем и руководил дозиметрической лабораторией, работа которой была связана с аварией на ПО «Маяк» в Челябинской области.

Имеет интересные родовые корни – предки по материнской линии носили фамилию фон Штейн, были лютеране и приехали в Москву с немецкими переселенцами во времена Петра I и при Александре I, спасаясь от орд Наполеона.

По отцовской линии – фамилия Худенский, имеющая корни в Западной Европе и ведущая род от далекого предка Фризе фон дер Худе, католика.

Отец, К.В. Худенский, родился и жил на Украине и воспитывался под воздействием различных религиозных взглядов православных, кальвинистских и католических, сумев синтезировать их в своей личности. Он был поэтом и публиковался на Украине под псевдонимом Данило Шмыга в 20 гг., передав любовь к литературе своему сыну.

В 1941-42 г. родители и Юрий Константинович находились в Свердловске, и ими было принято решение сохранять литературную украинскую классику в связи с немецкой оккупацией Украины и осуществлять переводы на русский язык. Семья Худенских и сейчас занимается переводом и изданием украинских классиков, в частности Котляревского.

Такие глубокие родовые корни подтолкнули Юрия Константиновича к изучению истории своих предков. В результате исследования своего генеалогического древа фон Штейн - де Стен под руководством и при помощи известного Австрийского дипломата - академика Эрнста Флориана Винтера, он вышел на ***Орден Тамплиеров****. В 80 гг. посетил Вену и оказался участником нетрадиционного семинара по Душе. Здесь же получил ***Посвящение*** Ордена Тамплиеров в Венском Приорате, который продолжал существовать в Австрии после официального закрытия Ордена в Средние Века. Данное направление тамплиеров с интересом относится к различным оккультным ложам, но сами они не являются оккультистами, а следуют уставу Св. Бернара.

При этом свою религиозную принадлежность Юрий Константинович определяет как католическую с греческим восточным обрядом.

Кроме того, он получил возможность работать в национальной австрийской библиотеке. Генеральным директором библиотеки является г. Марте, который в те времена был сотрудником, а ныне президентом общества PRO ORIENTE, которое способствует сближению западных и восточных церквей. С г. Марте Юрий Константинович и поныне поддерживает отношения. Последняя встреча состоялась в 2000 г..

В тоже время Юрий Константинович оказался связан с духовным синкретическим направлением *сикхов*** в Индии, которое включает в себя элементы индуизма, мусульманства, буддизма и христианства.

Был ***посвящен*** друзьями сикхами, прилетевшими из Индии в 1973г., в то время как находился сам в реанимации после клинической смерти.

В настоящее время старается в основном участвовать в толерантных движениях и международном общественном движении «Мир Единый».

17

*** Примечание 1: Возникновение и организация Ордена Тамплиеров**

«Как отмечает средневековый историк Жак де Витри, у истоков ордена стояли выходец из Шампани рыцарь Гуго де Пейн и восемь его товарищей. Решение о создании новой конгрегации было принято около 1118-1119 гг. в Иерусалиме. Оно нашло поддержку иерусалимского короля Балдуина II. Средневековый хронист Гийом Тирский писал: «Король, его рыцари и господин патриарх были преисполнены сострадания к этим благородным людям, оставившим всё ради Христа, и пожаловали им некоторую собственность и бенефиции [доходы с земель и иных предприятий], дабы помочь в их нуждах и для спасения души дарующих. И так как у них не было церкви или жилища, которое бы им принадлежало, король поселил их в своих палатах, близ Храма Господня».

Эта резиденция располагалась в бывшей мечети Аль-Акса, возведенной по преданию на территории легендарного Храма царя Соломона. Место и дало название ордену. За рыцарями-монахами закрепилось название «тамплиеры» (в переводе на русский язык - ***«храмовники»***).

В 1128 г. на церковном соборе во французском городе Труа был утвержден устав Ордена, разработанный при участии знаменитого католического подвижника Бернара Клервоского. Устав первоначально состоял из 72 статей на латинском я зыке. Вступавший в Орден давал три обета. 22 мая 1312 г. папа Климент V буллой «Vox in excelso» объявил об окончании деятельности тамплиеров.»

Благословление Святого Бернара

Орденские рыцари: иоаннит, тамплиер, меченосец, тевтонец

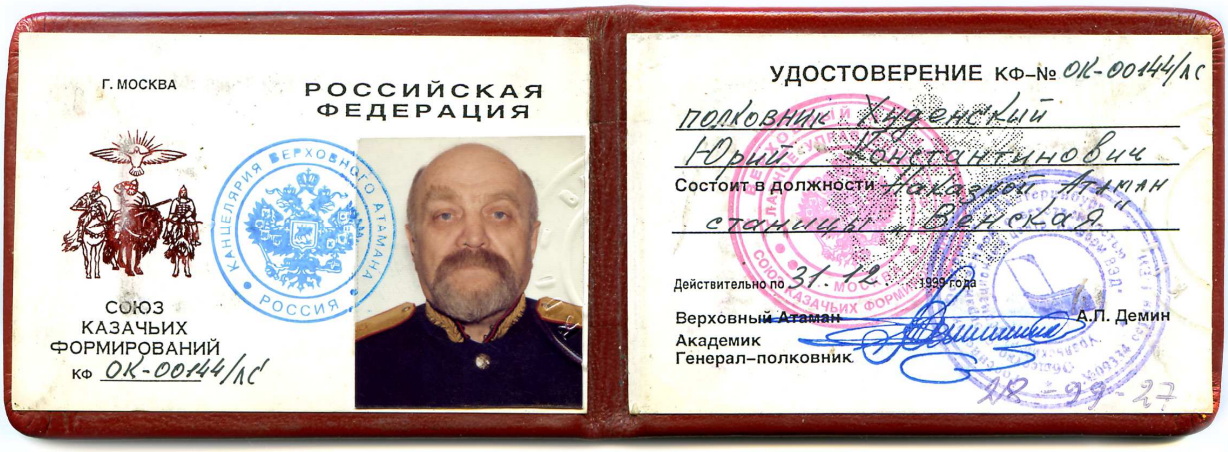
****Примечание 2 : Сикхизм – одна из национальных религий Индии.**

«Название происходит от санскритского «сикх» - ученик. С. сложился в Индии в 15 в.. Основателем С. был индус гуру (учитель, наставник) Нанак (1469-1539). Он отвергал противопоставление индуистов и мусульман, а идея содружества всех людей легла в основу С. Раздав имущество бедным, Нанак около 30 лет бродил по стране, произносил проповеди о равенстве людей перед Богом, отрицание каст и кастовой системы. Согласно воззрениям С. общение с Богом происходит во внутреннем созерцании, это – глубоко мистический процесс. Истинное служение Богу – это прежде всего служение людям и потому во главу угла ставятся активная жизнь и труд на благо людей.

В 1996 г. число сикхов составляло свыше 19 млн.чел.»

(энциклопедия «Народы и религии Мира», -М., 2000г.)

Удостоверение полковника Ю. К. Худенского союза казачьих формирований России

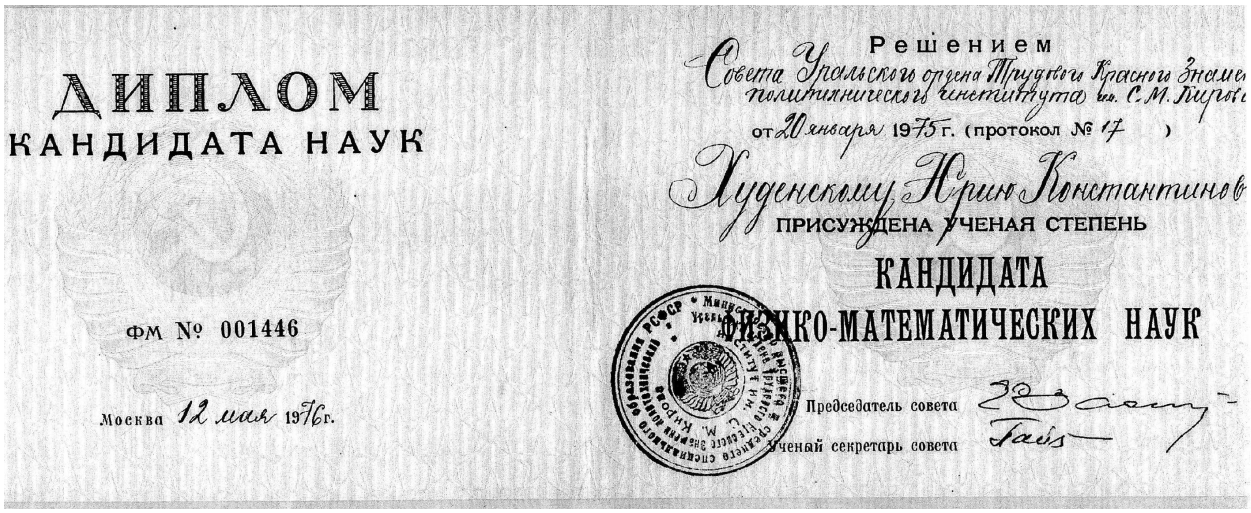


Банкет на ФТФ в честь генерального конструктора французских реакторов на быстрых нейтронах «Феникс» и «Феникс-2» господина Бориса Зайцевского

Другой план фотографии речи Бориса Зайцевского

Борис Зайцевский в центре группы сотрудников ФТФ
у входа в корпус ФТФ

Диплом кандидата физико-математических наук Ю. К. Худенского.
12.05.1976



ДИПЛОМ
КАНДИДАТА НАУК

ФМ № 001446

Москва 12 мая 1976г.

Решением
Совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института им. С. М. Кирова
от 20 января 1975 г. (протокол № 17)
Худенскому Юрию Константиновичу
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ
КАНДИДАТА
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК

Председатель совета
Ученый секретарь совета

Статья из австрийской газеты «Kurier» «Русский, казак и австриец» от 24 марта 2003

Russe, Kosak - und Österreicher

PORTRÄT Yurij Stein-Hudenskijs Schicksal verbindet ferne Welten

von Alla Kuntschukina

Dumpfe Schritte hallen durch den hellen Korridor. Sie durchbrechen die Stille des Spitals der Kriegsinvaliden am Rande der Uraler Stadt Jekaterinburg. Hier bekommen Invalide verschiedenster Kriege medizinische Hilfe: Die Senioren erinnern sich an den Zweiten Weltkrieg, die 30- bis 40-Jährigen an den Krieg in Afghanistan, die 18- bis 20-Jährigen an Kämpfe in Tschetschenien.

Langsam, auf einen Stock gestützt, geht ein älterer Mann durch den Korridor. Hellblaue Augen, graue Haare, dunkle, buschige Augenbrauen und ein prächtiger Schnauzbart - wie bei Kosaken üblich. Der Mann heißt Yurij Stein-Hudenskij. Er ist Mitglied des Vereines der Nachkommen von Bürgern der österreichisch-ungarischen Monarchie, Gründer des karitativ tätigen Altösterreicherbundes in Jekaterinburg und Gründer des Kriegsgräber pflegenden Russisch-Österreichischen Warenhauses in Lienz/Osttirol. Doch die Verbundenheit des russischen Kosaken mit Österreich reicht viel weiter.

MUTTERSPRACHE Im frostigen Jänner 1944 wohnte Yurij mit seiner Mutter in einer Siedlung im Ural. Sein Vater war ins Arbeitslager deportiert worden - wie viele damals in Russland lebende Deutsche und Österreicher. Yurij war damit einzige Stütze für seine Mutter. Jeden Tag ging er nach der Schule in den nahen Birkenwald, um Brennholz zu beschaffen.

Am Waldrand befand sich ein Lager für deutsche Kriegsgefangene. Die Militärärztin hatte beschlossen, den unterernährten Insassen zu helfen. Sie bat die Einheimischen, den Gefangenen Lebensmittel für Hilfe bei der Hausarbeit zu geben. So teilten die Stein-Hudenskijs bald mit einem siebenbürgischen Deutschen Brot und Erdäpfel. Und die Sprache: Zum ersten Mal wurde Yurij klar, dass Deutsch genau wie Russisch seine Muttersprache war.

Obwohl die Familie immer in Russland gelebt hatte, pflegte sie die deutsche Sprache. Die verband sie mit den Wurzeln ihrer Familie in der k.u.k. Monarchie. Und nicht nur zu Hause hörte Yurij Deutsch, auch in Moskau, wo er die berühmte Gnesenski Musikschule für begabte Kinder besuchte, sprachen viele in der Vorkriegszeit Deutsch.

Alles änderte sich mit dem Zweiten Weltkrieg. Die deutsche Sprache wurde verboten. Deutsch zu reden, war gefährlich.

So wurde Yurij zunächst die Sprache genommen, die Weltanschauung nicht. Der pummelige Blondschopf wusste von Kindheit an, dass seine österreichischen Vorfahren - die von der Hude - Ende des 18. Jahrhunderts im Kosakenkorps des berühmten russischen Feldmarschalls Alexander Suworow gedient hatten. Nach erfolgreichen Feldzügen in Italien und in der Schweiz waren sie in die Ukraine übersiedelt. So waren aus den von der Hude die ukrainischen Hudenskijs geworden.

KOSAKENLEBEN Yurijs Vater bemühte sich stets, dem Sohn die Kosakenkultur näher zu bringen. Als der Junge 13 Jahre alt war, kam er in die Ukraine zu seiner Großmutter, da konnte er das Kosakenleben noch besser kennen lernen, was seine zukünftige Weltanschauung entscheidend prägte.

Viele Jahre später, 1993, gründet der Kosakenführer Yurij Stein-Hudenskij in Jekaterinburg den Kosakenverein der Altösterreicher. „Die Kosaken sind eine eigene Nation", meint er. Auf die Frage, zu welcher Nation er sich zählt, überlegt er eine Weile: „Ich fühle mich dort zu Hause, wo ich gerade wohne, ob nun in Russland, in der Ukraine oder in Österreich." Nach einer Pause setzt er nach: „Aber eher fühle ich mich dem Russischen zugehörig."

Свидетельство о перемене фамилии, имени и отчества.
Ю. К. Худенский переменил фамилию на Ю. К. Штейн

XXIII – АИ 576376
13.02.95

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О ПЕРЕМЕНЕ ФАМИЛИИ, ИМЕНИ, ОТЧЕСТВА

Гражданин(ка) Худенский
фамилия,
Юрий Константинович
имя, отчество
родившийся(аяся) „3" июня 1931 г.
место рождения г. Люберцы
Московской обл.
переменил(а) фамилию, имя, отчество на Штейн
Юрий Константинович
о чем в книге регистрации актов о перемене фамилии, имени, отчества
1995 года января месяца 5 числа
произведена запись за № 1
Место регистрации Городской отдел
наименование и
ЗАГС г. Екатеринбурга
местонахождение органа ЗАГСа

Дата выдачи „5" января 1995 г.

Заведующий отделом (бюро)
записи актов гражданского состояния

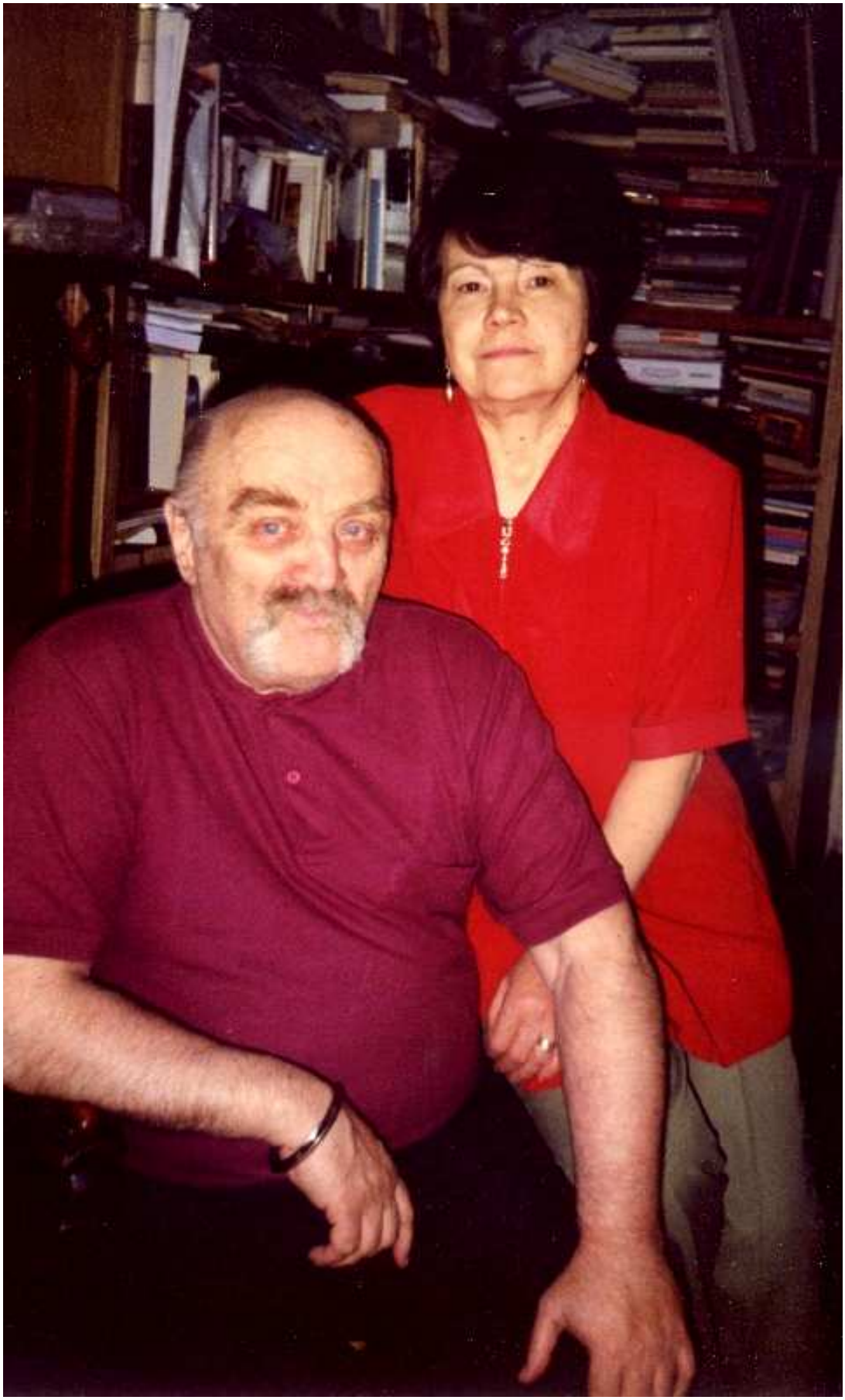
АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА
ОТДЕЛ ЗАПИСИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

I-АИ № 269153

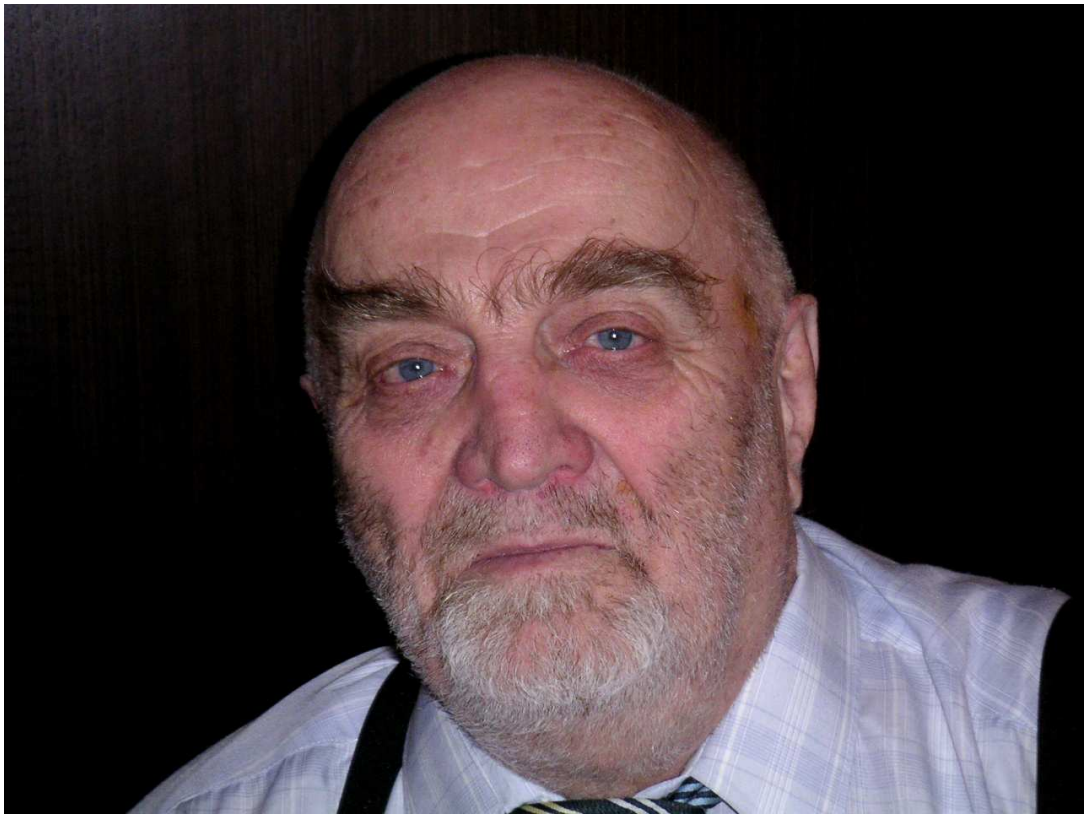
МТ Гознака. 1991.

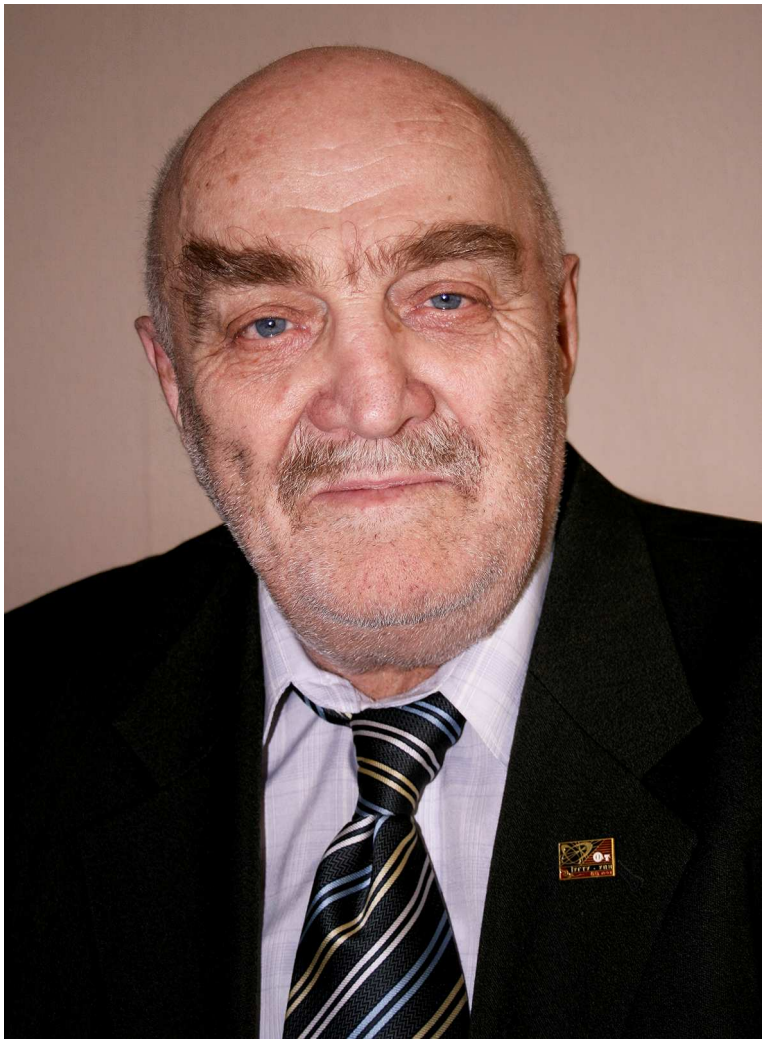
Ю. К. Худенский на заключительном конкурсе Фестиваля польских национально-культурных автономий России (Екатеринбург, 2011)

Юрий Константинович Штейн (Худенский) с женой Галиной Искандеровной Худенской (Екатеринбург, 1999 год)



Фотографии Юрия Константиновича Штейна (Худенского)





Родители Юрия Константиновича, мама Галина Семеновна и папа Константин Васильевич (1949 год)

Внучка Юрия Константиновича Штейна, Елизавета Игоревна Боярских и правнук Андрей Дмитриевич (1 год, март 2011 г., Екатеринбург)

Воспоминания друзей, коллег, учеников

Ю. К. Кунцевич о Ю. К. Худенском

Родился 3 июня 1931 г. Через 10 лет, в первые трагические месяцы Великой отечественной войны, оказался на Урале (Свердловск), где стал членом геологического кружка Дворца Пионеров и читателем Детской областной библиотеки. Его читательский абонемент содержал записи книг по уральскому краеведению и освоению Северного морского пути. Руководил кружком Дворца пионеров в военные годы к.ф.-м.наук Осман Садыкович Юсупов. На заседания иногда приходил его друг к.ф.-м.н. челюскинец-орденоносец Ибрагим Гафурович Факидов, которые пробудили глубокий интерес Юры Худенского к исследованию минеральных богатств Приполярного Урала и Сибири. Это определило в дальнейшем тему дипломного проекта, выполненного им в 1954-55 годах на ФТФ УПИ им. С. М. Кирова» Сцинтилляционный 64-канальный спектрометр гамма-излучения. Общение с выдающимися педагогами во внеучебное время в СГДП в 1943-1949 г.г. позволило старшему преподавателю Худенскому сформировать группу дипломников, работы которых в 1957-1959 годах были оценены золотыми медалями на конкурсе МВ и СО СССР за достижения в области полностью автоматизированных гамма-спектрометров. После того, как молодые специалисты Ю. Н. Ребрин и В. И. Уткин продолжили работу в ИГФ УрО РАН данное направление во многом определило развитие поисковой ядерной геофизики в СССР, а член-корр. РАН Уткин В. И. стал директором ИГФ УрО РАН. Однако тяжелое заболевание изменило во многом характер деятельности к.ф.-м.н. Ю. К. Худенского: по поручению организации и Полярной экспедиции "ПОЛЯРЭКС" и руководителя администрации первого Президента России Федора Михайловича Морщакова он был направлен для работы в Венгерскую Народную Республику и Австрию, где познакомился с опытом работы по воспитанию молодежи организации "PFADFINDER", которая в мировом масштабе известна, как СКАУТЫ. В Австрии скауты во многом используют для воспитания юношества опыт экспедиций, которые привели к открытию Земли Франца-Иосифа и других объектов в Северном Ледовитом океане. Поэтому стала естественной дружба и сотрудничество после возвращения на Урал в 1981 году между Юрием Константиновичем Худенским и его тёзкой Ю. К. Кунцевичем.

Воспоминания Лидии Николаевны Пушкиной

Имена студентов физтеха Ю. Худенского и В. Елеонского мы слышали с первой половины 50-х годов. О них говорили как о широко образованных студентах и перспективных будущих ученых.

Ю. Худенский был оставлен по окончании УПИ при кафедре В. Г. Степанова, а В. Елеонский – при кафедре Г. В. Скроцкого.

Мне посчастливилось работать с Юрием Константиновичем в 1956 – 58 годы, когда кафедра 24 (называлась кафедрой В. Г. Степанова) осваивала новые помещения только что построенного 5-го учебного корпуса, так называемую Т-образную часть. Монтировался циклотрон при участии старшего инженера Приббе: стараниями к.ф.-м.н. К. С. Гришина, к.т.н. К. Ф. Сухановой и учебного мастера Г. Васенина функционировали первые бетатроны.

Ю. К. Худенский, только что закончивший в 1955 году институт, был оставлен при кафедре 24 как талантливый эрудированный физик, который мог заняться столь необходимыми работами по регистрации ионизирующих излучений, созданию приборов и способов для измерения их интенсивности и энергии. Сам только что бывший студент, помимо читаемого им нового курса “Электроника в ядерной физике”, он после гибели своего друга – ст. преподавателя Альберта Константиновича Штольца, оказался в роли руководителя и организатора дозиметрической службы УПИ совместно с его соратниками: ст. преподавателем Е. П. Дариенко, учебным мастером И. В. Меркурьевым и окончившим радиофак моряком Балтфлота В. В. Ткачевым.

Тогда, в середине 50-х годов это было обычным: все было вновь, негде было прочитать, перенять, а тем более заказать и купить новые приборы. Но за все с энтузиазмом брались окончившие способные молодые специалисты. Юрий Константинович, который сам был на год-другой старше своих дипломников, выделялся среди окружающих еще и тем, что он с легкостью, прямо с места переводил научные статьи из иностранных физических журналов, и именно эти переводы часто оказывались единственным руководством к созданию собственными руками приборов, в том числе необходимых для регистрации ионизирующего излучения различными методами, включая измерения с помощью сцинтилляционных счетчиков и спектрометров. Последний метод был особенно заманчив, т.к. он позволял измерять наличие и

мощность ионизирующего излучения достаточно слабой энергии. Не буду касаться физической стороны проблемы (тем более что по образованию я все же химик). Вспомню только о том, что Юрий Константинович был неизменным советчиком, планирующим ход работ на различных установках кафедры, судьей и критиком-спасателем, когда запланированные с использованием разных излучателей исследования почему-то не получались.

Очень жаль, что по семейным обстоятельствам ему пришлось переехать на Украину, что на долгие годы лишило его плодотворного общения с уральским физтехом. Зато с высоты лет хорошо ощущается то изначально правильное направление, заданное его основателями у истоков дозиметрии и спектроскопии ядерных излучений на ФТФ УПИ им. С. М. Кирова.

Товарищ детства военной поры (автор Д. В. Воробьев)

Письмо Воробьева Дмитрия Валентиновича – ветерана Электрохимического комбината (ЭХК) в Новоуральске, соученика 1941-1943 гг. и сокурсника 1949-1955 гг. Юрия Константиновича Худенского (Штейна).

Первого сентября 1941 года я пошел учиться в 3-й класс Свердловской средней железнодорожной школы № 1 по ул. Мамина-Сибиряка. Как всегда после общешкольной линейки наша молодая классная руководительница Е. Н. Вотчинская повела в класс нашу шумную ватагу.

Школа была образцовая, все вокруг сияло чистотой, хотя уже третий месяц шла война. На партах стояли новенькие пустые стеклянные «непроливашки».

Еще по дороге заметил нескольких новеньких, в том числе крепкого лобастого мальчика среднего роста, в необычных штанишках с застежками под коленками и двух жавшихся друг к другу темноволосых девочек, «беженок», как шептались ребята.

На перекличке Елена Николаевна представила новичков. Оказалось, что мальчика зовут Юра Худенский, а приехал он из Верхней Салды. Когда очередь дошла до девочек, «классная» сказала, что они не

беженки, а эвакуированы из Киева, к которому уже подходят немецко-фашистские войска. И тут одна из девочек вдруг заплакала.

Так вместе с этими двумя девочками в жизнь нашего 3«б» «весомо и зримо» вошла война, которую мы до этого знали в основном лишь по сводкам из черных картонных кружков радиорепродукторов.

Киев пал через несколько недель. В тот день Лена и Рена (так звали девочек) не пришли в школу.

Между тем занятия уже шли полным ходом.

Как-то на уроке русского языка Елена Николаевна предложила классу игру: кто больше придумает слов со сдвоенными согласными.

- Можно с места – сказала она. – Давайте начнем хотя бы с буквы «л». Например, Эллада. Как красиво звучит!

- Голландия! Таллин! Аллея! Баллон! Балласт! – послышалось со всех сторон.

Постепенно поток слов иссяк. Стало тихо.

Тут мне, любителю покопаться в Малой Советской энциклопедии, пришла в голову блестящая идея: совсем недавно я наткнулся там на статью о периодической системе элементов. Механическая память у меня была неплохая. Я вскинул руку:

- Бериллий!

- Галлий! Таллий! – внезапно донеслось с парты, где сидел Юра.

- Ах, ты так! - Палладий!

- Теллур! - внушительно произнес мой соперник.

Я мучительно скрипел мозгами. Крыть было нечем. Елена Николаевна как-то странно посмотрела на нас обоих и улыбнулась:

- Будем считать, ничья! А теперь продолжим урок.

После этого случая мы с Юрой познакомились ближе. Оказалось, мы оба с улицы Азина, к тому же оба заядлые книгочеи. Обмениваясь книгами, мы увлеклись научной фантастикой. Где-то в первом-втором классах мы «проглотили» Жюля Верна и теперь зачитывались Беляевым, Адамовым, «Гиперболоидом инженера Гарина» и «Аэлитой» А. Толстого, Г. Уэллсом, особенно «Войной миров».

Читали Брема, дневники Ливингстона и Стэнли и, конечно, не отрываясь, все, что удавалось достать из военно-патриотической исторической классики: «Война 1812 года» акад. Тарле, «Нашествие Батыя» В. Яна, «На поле Куликовом» Шторма. Залпом глотали все, что

писалось о боевых действиях на фронте, в том числе все 9 или 10 вышедших выпусков сборника «В боях за Родину».

Что касается научной и научно-популярной литературы, Юра меня опережал. Я засиделся на «Занимательной физике» Перельмана и «О земле, Солнце и звездах» Огородникова, а он к концу третьего класса уже успел «превзойти» массивный том «Истории Земли» Элизе Реклю. По дороге в школу и из школы мы живо обменивались мнениями о прочитанном.

Между тем наступила страшная зима 1941/42 г.г. Сводки с фронта шли тревожней одна другой. Шла битва за Москву.

В декабре ударили морозы. Моей семье для отопления выдали на железной дороге лишь немного сырой осины. Электричества не было. С четырех часов дня в комнате с заледеневшими окнами и изморозью в углах становилось темно.

Теплился лишь огонек «мюзикалки» (так назывался фитилек в пузырьке с керосином), возле которой я и читал и делал уроки.

Ничуть не легче было Юре и его семье, с той лишь разницей, что при угольном отоплении им вместо угля достались лишь промерзшие «штыбы» угольной пыли, страшно дымившие и коптившие при горении в печах.

Сразу после школы мы спешили в магазин ТПО на бывшем Арсеньевском проспекте (ныне ул. Свердлова), чтобы сменить взрослых, с утра давившихся в очереди за хлебом. Мы изо всех сил сжимали в кулаках драгоценные пачечки бумажек, хлебных карточек, поделенных на купончики с цифрами: 600, 500, 400 и наши с Юрой 300 грамм хлеба. Потерять их означало поставить всю семью на грань голодной смерти: при утрате карточки не возобновлялись.

Потом надо было натаскать ведрами воды с колонки.

И только после этого можно было проследовать на кухню и получить тарелку мучной болтанки, подсиненной снятым молоком, а иногда, – о радость! – пару-другую оладушек из картофельных очисток, поджаренных на воде с несколькими каплями масла.

Как-то раз в середине декабря, мы с Юрой бежали утром в школу. Ветра не было, но мороз стоял трескучий.

На углу улицы Азина и переулка Марии Авейде, выходившего к вокзалу мимо (бывшей Борчаниновской) мельницы, мы увидели догоравшие костры. Возле них сидело десятка полтора заиндевевших

фигур с головой закутанных в полосатые ватные халаты. Чуть поодаль лежали несколько припорошенных снегом верблюдов.

Подошли несколько солдат в полушубках и начали поднимать и расталкивать сидящих. Один никак не вставал. Солдат сильно толкнул его. Тот, как колода, рухнул на бок и остался лежать неподвижно. Не знаем, что было дальше. Опаздывать было нельзя – в школе была почти военная дисциплина.

Позже я краем уха услышал, что этих узбеков зачем-то пригоняли на соседний оборонный завод «Металлист».

К концу зимы стало совсем голодно и нам с Юрой пришлось начать рыночные операции. Я выменял на хлеб великолепный немецкий двухтомный лечебник (из семейной библиотеки) Платена с цветными объемными анатомическими иллюстрациями, а он – своего любимого Элизе Реклю.

Но все проходит. Прошла, наконец, и эта жуткая пора голода, холода и темноты.

К апрелю 1942 года наши уральские и сибирские дивизии окончательно отогнали немцев от Москвы.

А в мае всю свободную землю в Свердловске и окрестностях поделили на участки, и народ кинулся вскапывать целину и сажать картошку. Мы, мальчишки, были, конечно, главными копалами: все отцы были на фронте.

Зазеленела молодая крапива (из нее делали даже котлеты), за ней щавель, а позднее – и лебеда, все это витаминная добавка к нашему скудному военному пайку. Настроение поднялось: теперь не помрем!

К тому же на Борчаниновскую мельницу начали прибывать вагоны с подсолнечным жмыхом, а с заводских путей в переулок М. Авейда сгрузили горы танковых корпусов. Они были свалены как попало, в три-четыре этажа, и не охранялись. Не знаю, были то «полуфабрикаты» или просто брак на переплавку, но это были настоящие танки, только без гусениц, пушек и «начинки», зато с вращающимися башнями, на радость нам, ребятам.

По закоулкам этого «танкограда» летом можно было шнырять и лазать целыми днями, то гоняясь в «казаки-разбойники», то паля по условным фашистам холостыми из самодельных пороховых «поджигов». Перебив всех «фрицев», зверски голодные, мы прокрадывались к

составам со жмыхом. Выклянчить у суровых охранников с винтовками кусок жмыха, либо получить крепкого «пенделя» было равновероятно.

Зато какое было наслаждение: расколотив булыжником такую же каменную зеленовато-желтую плитку, как карамельки, со смаком, обсасывать и грызть маслянистые жесткие кусочки!

Зимой 1942 года наши начальные классы дали первый шефский концерт для раненых бойцов в госпитале по улице 9-го января.

Военно-политических песен для детского хора, видимо, еще не было, поэтому пели еще довоенный звучный марш про старших братьев:

В небе высоком мотор рокочет,
Ввысь самолет взлетел,-
То старший брат мой военный летчик
Тучу крылом задел!

Пусть я моложе, ну так что же,-
Быстро дни пролетят,
И за штурвалом я буду тоже,-
Так же, как старший брат!

Юра Худенский уверенно аккомпанировал нам на фортепиано. После каждого номера нам долго хлопали, а после концерта вкусно накормили. Запомнился невиданной сладости манный пудинг, залитый клюквенным киселем. Музыкальный талант Юры еще более укрепил его авторитет.

В четвертом классе в наших с ним школьных портфелях, вместе с Конан-Дойлом, «Цусимой» Новикова-Прибоя и «Историей Средних веков» проф. Сказкина появились «Возникновение жизни на земле» Опарина, «Спутник партизана» (Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» 1942 г.), «Летопись электричества» (по-моему, Виткова), «Свет и его источники», «Занимательная метеорология» (двух последних авторов не помню).

Третий и четвертый классы мы оба закончили с похвальными грамотами. И тогда, и в дальнейшей своей успешной учебе мы во многом обязаны прочитанным прекрасным книгам, и художественным, и научно-популярным, а также – целому ряду кинофильмов: «Жуковский», «Мичурин», «Пирогов» и многим другим.

Немцев гнали все дальше и дальше на запад, а у нас в стране началась реформа образования. Первая железнодорожная школа стала женской. Меня перевели во 2-ю ж.д., а Юру в 42-ю школы, теперь ставшие мужскими. Сменила семья Худенских и свое местожительство, так что вновь я встретил своего товарища суровой военной поры лишь через шесть с лишним лет, в сентябре 1949 года, на студенческой скамье физико-технического факультета Уральского Политехнического института им. С. М. Кирова.

Один из моих учителей (Автор Елена Вольф)

Я закончила физико-технический факультет в 1981 году. Встал вопрос: какую выбирать работу, чем заниматься дальше? Ответ был однозначный. Занятие, которое бы увлекло и стало частью жизни, а не просто работой (т.е. службой) – это научная работа в области биофизики. Но как-то не сложилось… Не нашлось вариантов, не хватило энергии и настойчивости для поиска и уверенности для предложения себя в качестве специалиста. В результате – распределение на химфак УПИ. Поэтому рассказа о Юрии Константиновиче Худенском как о моём научном руководителе дальше не будет.

Судьба свела нас значительно позже, в 1986 г. Внезапно тяжело и неизлечимо заболела мама. Я настолько не готова была её потерять, такая невыносимая боль поселилась внутри, что стало не важным всё вокруг: работа, семья и я сама, и даже маленькая дочка. Вся энергия, все силы были сконцентрированы на одной единственной цели – спасти маму. Я готова была пойти на любой медицинский эксперимент. Друзья и знакомые помогали организовать встречи с ведущими специалистами, с руководителем облздрава, но везде я слышала приговор, произносимый холодным и уверенным тоном специалиста, привыкшего к подобным диагнозам. Были собраны и применены все возможные нетрадиционные методы лечения, но мама угасала. А я просыпалась каждый день и физически ощущала, как накатывает боль, отчаяние и страх.

Находясь в этом состоянии, я и познакомилась с Юрием Константиновичем. Кто-то из сотрудников физтеха дал его телефон. На мой звонок он ответил предложением приехать к нему домой и всё рассказать. Я хорошо помню этот уютный и гостеприимный дом, где меня, совершенно постороннего человека, не только приняли и выслушали, но и дали понять, что с этой минуты я не одна борюсь за

жизнь мамы. У меня появился наставник, уверенный и знающий как нужно действовать, а самое главное – не равнодушный.

Каждый день начинался у меня со звонка Юрию Константиновичу. Мы обсуждали самочувствие мамы, планировали свои действия. В этот период Юрий Константинович организовал мне поездку в г. Тбилиси к А. Гачечеладзе за препаратом «Катрекс», давал препараты, созданные нетрадиционными лекарями, организовывал консультации у врачей. Постепенно он приучил меня к мысли, что мы с ним боремся за качество оставшейся маме жизни. Мама прожила полгода, но всё, что было нами сделано, избавило её от страданий.

И уже потом была работа в области биофизики (воздействие лазерного излучения на биообъекты) в сотрудничестве с ФИАН им. П. Н. Лебедева, защищена диссертация. Всё, что прежде казалось препятствием на пути к желаемой цели, после пережитого урока стало легко решаемой задачкой.

Прошло уже много лет, но я отчётливо помню это тяжёлое для меня время, когда малознакомый мне человек не только протянул руку помощи, не только проявил сочувствие, а активно принял участие в моей беде, несмотря на собственную занятость, собственные проблемы. В конечном счете, своей каждодневной поддержкой он спас меня саму от возможных неблагоприятных последствий пережитого.

С тех пор, если в жизни мне доводится встретиться с людьми, нуждающимися в моей поддержке и помощи, я стараюсь сделать всё от меня зависящее. У меня был очень хороший Учитель.

Елена Вольф

Воспоминания Ольги Борисовны Зиновьевой

Ольга Борисовна Зиновьева – председатель совета директоров Северо-Восточного (Магаданского) банка «ЗОЛОТО – ПЛАТИНОВЫЙ БАНК».

Предоставление возможности писать о Юрии Константиновиче Штейне-Худенском я расцениваю как незаслуженный комплемент. Достанет ли мне информации, чтобы оценить весь масштаб его личности? Да и сфера его профессиональной деятельности весьма далека от моей. Физик. Достаточно взглянуть на заголовки его трудов и

становится понятным огромный диапазон его интересов. Не берусь оценивать его научную деятельность – это не в моей компетенции. Я могу поделиться человеческими впечатлениями.

Нас познакомил выдающийся человек – Сергей Борисович Воздвиженский, который до последнего времени был председателем Экономического комитета Большого Урала. В то время (1981 год) Юрий Константинович после длительного перерыва вернулся с Украины в родной Уральский политехнический институт. Там он как биофизик руководил работами в области создания биологически-активных веществ (БАВ), применявшихся для сохранения продуктивного стада Лайского свинокомплекса, которое служило модельной системой для деятельности, основанной на его авторских свидетельствах, полученных в 60-70 годы прошлого века во время работы в Харьковском филиале Всесоюзного института химических реактивов – ныне ИСМАРТ НАНУ. На кафедре радиохимии ФТФ УПИ эта работа финансировалась за счет гранта ВПК Президиума Академии наук СССР, выделенного ХНО Минобразования РСФСР. Дальнейшее расширение её потребовало его перевода в СИНХ (Свердловский институт народного хозяйства) на кафедру технологии продовольственных товаров с изменением путей её финансирования.

Именно в это время Сергей Борисович рекомендовал мне ознакомиться с результатами труда этой группы, куда, кроме Юрия Константиновича, входили к.м.н. Сергей Валентинович Ленский и дипломник кафедры физиологии растений УрГУ им. М. Горького Павел Иванович Лавин. Мы тогда жили в эпоху романтического авантюризма. Так казалось, и так хочется называть то время из двух-пяти лет… Главное – из уважения к высоким помыслам участников событий, в центре которых мне приходилось тогда находиться. Эти романтики и наполнили содержанием определение того времени. Увы, этот период был непродолжительным. Тогда предполагалось, благодаря трудам академика Абалкина, ближайшего соратника Михаила Сергеевича Горбачева, что все можно исправить в этой жизни и даже приукрасить. И казалось, что брошенная страна, могучая когда-то держава оказалась в наших руках. Да простят мне такую гиперболу и пафос. Возникал малый бизнес. Создавались коммерческие банки. Выпускать джинна из бутылки, давать жизнь новым предприятиям, новым идеям было моим занятием на посту Председателя правления банка. Законы не поспевали

за бурными изменениями в экономике страны, а посему действовал основной принцип: что не запрещено, то разрешено. Только успевай!

Группа в составе к.ф.-м.н. Ю. К. Худенского, к.м.н. С. В. Ленского и П. И. Лавина пришла ко мне в банк. На вопрос, почему обратились именно ко мне, они ответили, что по рекомендации С.Б. Воздвиженского и главным образом потому, что обошли все возможные банки и только в моем увидели признаки той модели работы, которая им интересна. Эти трое ученых составляли руководящее ядро консорциума «Урман», образовавшегося после прекращения финансирования работ в СИНХе, при городском лесхозе Свердловска при участии Н.-Сергинского и В.-Нейвинского лесхозов. Начатое там производство скипидарных оздоровительных эмульсий «по Залманову» продолжает в настоящее время Свердловский областной негосударственный фонд содействия развитию науки культуры и искусства «Меценат».

Основной целью в дальнейшем развитии работ было создание реабилитационно-оздоровительного центра для моряков Северного флота (выросших в условиях Свердловской области и проходящих службу в Заполярье на АПЛ «Верхотурье» и АПЛ «Свердловск»). Техническое задание на базе конного завода в ПГТ Красноармейский Нижне-Сергинского района Свердловской области было разработано при участии главного терапевта Северного флота капитана первого ранга ВМС Льва Кукуя. Там сохранялись условия для производства БАВ «Биомос» и в дальнейшем «Эраконд». Финансирование этой работы шло за счет производства из лесного сырья метел и обтирочных материалов для металлургических и машиностроительных производств нашей области. Социальная составляющая этих планов, которая получала поддержку банка, позволила снизить издержки процессов, связанных с отсутствием занятости и безработицей среди определенных слоев населения в моногородах области.

В работе меня подогревало несколько обстоятельств. Выработанная мною в период написания диссертации модель работы банков была полностью сверена в Дании в совместной работе с датскими банкирами. Непосредственное участие в создании коммерческих банков давало в руки механизм претворения планов в жизнь. Но главным стала команда единомышленников – вдохновителей всех наших проектов! Поэтому для меня одной из важных фигур персонала банка наряду с бухгалтерскими кадрами были эксперты, – а наша группа экспертов

была, без сомнения, уникальна. Её составили сотрудники консорциума «Урман», которые дали нам возможность проводить мозговые штурмы по проектам – от бредовых до инновационных. Возник магнит, который притягивал многих незаурядных людей: системщики, физики, архитекторы, медики, социологи, математики, мыслители… вплоть до городских сумасшедших.

В таких обстоятельствах было особенно важным наличие кристаллизационного ядра, которое придавало устойчивость всей системе! Инициатором его стал Юрий Константинович Штейн-Худенский. Его колоритная фигура, лицо с пшеничными усами как у великого Кобзаря, которые выдавали его южное происхождение и свисали, сообщая ему приветливое выражение. Но главное достоинство личности Юрия Константиновича – его гражданственное мышление. Полагаю, что оно имманентно присуще настоящему ученому. И этот светлый образ пассионария… Да, именно в лучшей интерпретации этого понятия, как непреоборимое стремление к деятельности, направленной на благородные цели!

Воспоминания ветерана Шевкета Усеиновича Факидова

Я родился 15 мая 1925 г в д. Куру-Узень (ныне Солнечногорск) Крымской области. Родители мои были зажиточными людьми, купцами, владельцами единственной в селе кофейни, потому их и раскулачили в 1929 г. У нас был посредине деревни большой трехэтажный дом, было хорошее хозяйство. В нашем доме жил украинский писатель Коцюбинский, он вместе со своим сослуживцем Зеценским Бонзой остановился в нашем доме. Михаилу Михайловичу очень понравилась его новая квартира, утомленный бесконечными переездами и ходьбой по виноградникам, он у нас пытался создать иллюзию оседлой жизни. Сохранилось его письмо о квартире, он писал: "Квартира моя две комнаты на втором этаже, ничего себе, над нами третий, где живет хозяин. Вместо двора – крыша кофейни, в каждой комнате дверь на балкон и одно окно. Стены толстые, выбеленные даже, и печь есть, что значит, зимой холодно не будет. Я взял себе меньшую комнатку, хотя в ней есть то неудобство, что из нее двери ведут на хозяйскую кухню, зато в моей комнате не будет столовой. А дверь в кухню я закрыл старым одеялом Бонзы, прибил коврик на стену и поставил к ней железную

кровать". И вот в 1929 г. выслали моих родителей, моего отца, дядю и бабушку раскулачили. А другой дядя Ибрагим уехал учиться в Свердловск в 1925 г., после он окончил Ленинградский политехнический институт им. Иоффе и участвовал в челюскинской экспедиции на ледоходе. Он служил инженером-физиком на ледоколе, когда их спасли пилоты, первыми получившие за спасение челюскинцев звания Героев СССР. Позднее дядя работал вместе с Курчатовым над созданием атомной бомбы, был одним из легендарных 104 физиков-ядерщиков. В с. Малореченское ул. Солнечная была переименована, ныне это улица им. Факидова Ибрагима Гафуровича.

Отец из-за тревог после раскулачивания рано умер, я остался один в 4 года, у меня в Алуште была тетя, она нас, троих детей, забрала к себе, и мы выросли в Алуште. У меня было два брата: Сейтяя, 1918 г. рождения, и Сервер, 1922 г. Брат Сейтяя ушел на действительную службу в 1939 г. и служил до конца Великой Отечественной войны в армии, служил в 1-м Пролетарском московском артполку, оттуда ушел на фронт, и стал командиром "Катюши" в 35-м Запорожском полку 3-го Украинского фронта. Сервер был призван в сентябре 1941 г., он служил в Севастополе моряком, сражался до конца оборон, и был раненным эвакуирован в Новороссийск.

Я пошел в школу с 10 лет, потому что до этого меня как ребенка из семьи кулака не пускали учиться. Когда дядя Ибрагим попал в челюскинскую историю, наш колхоз переименовали в им. Челюскина, и мы возвратились в свой колхоз, стали пользоваться уважением. Я окончил 6 классов, и тут началась война. Через 3 недели меня по приказу председателя вызвали в правление, и оттуда я отправился пасти баранов, потому что в колхозе никого из мужчин не осталось, только старики и подростки. И вот с 10 июля я уже в горах был, где находился до сентября. 22 сентября райком партии приказал нам резать баранов, сушить мясо, делать хаурму для будущих партизан. И мы целый месяц занимались этим делом, в конце октября оставшиеся в Алуште председатель колхоза, председатель сельсовета и милиционер создали истребительный батальон. Затем пришли к нам на пастбище, составили список, и взяли от нас подписи, чтобы мы нигде не разглашали о том, что готовили провизию и куда ее доставили. Предупредили, что это государственная тайна. После этого мы спустились с гор, и уже 5 ноября мы попали в оккупацию.

- Как Вы увидели первого немца?

- В Алуште видеть фашистов не довелось, но я видел, как немцы гнали военнопленных в Симферополь, пешком, меня отправили родственники выяснить, нет ли среди пленных моего брата. Но я Сервера не нашел, зато съездил в Симферополь, по привычке резали барана, делали подарок полицаям. Когда я приехал в город, в место, где дают информацию на бумажке, кто в лагере находится. И там я увидел, страшное дело как немцы ужасно издевались над нашими пленными. Вот тогда я видел эту немецкую сволочь, и хочу, чтобы больше ни дети, ни мои внуки этого не видели.

После моего возвращения установил немец общину вместо колхоза, баранов посчитали. Но мы были подготовлены, поэтому заранее многих баранов спрятали, и немцы не знали точного учета. Мы начали баранов пасти подальше от колхоза, на Южном берегу, мы как расписавшиеся в ведомости считались местным подпольем. В 1941 г. партизанское движение еще было не сильное, но вот в 1942 г. мы стали сильно связываться с партизанами, обычно стояли в лесу от деревни 3 км, мы готовили табак и постолы (самодельная обувь), соль. Я как самый молодой чабан брал эти три очень нужных для партизан предмета в деревне, привозил назад на ферму, там был в 1,5 км тайник, куда старшие чабаны эти вещи отвозили, и партизаны могли их забрать в любое время. В ответ партизаны приносили нам из леса листовки и газеты. Вот так мы сообщались с ними. Это продолжалось до 1943 г. В деревню постоянно наведывались каратели и полицаи, предупреждали нас под роспись, что в случае связи с партизанами нас ожидает расстрел. Но я все время находился в горах, смотреть на карателей не хотел, и в деревню приезжать особого желания не было, потому что старостой в общину избрали Бекирова Османа, немцы давили на него, он давил на народ, вот такой человек.

И вот мне исполняется 18 лет и меня вызывают в добровольческие формирования, в мае 1943 г., после него чабаны начали в течение 2-3 месяцев ходатайствовать, что они без меня, старики, не справятся, меня вроде оставили, но, в конце концов, прислали бумажку о немедленном призыве. Тогда я обратился к старикам: "Если я пойду в "добровольцы", то тем самым я в первую очередь подведу своего дядю-ученого. И два брата на фронте, их тоже подведу, и моя семья пропала!" Старики мне посоветовали с приближением зимы уйти из деревни, уже сентябрь, они

обратились к старосте, чтобы мне и еще одному пастуху на зиму приготовить продукты. А чего нам надо – подготовили соленой рыбы, туда-сюда, к счастью, у нас были очень большие запасы соли, поскольку в Рыбачьей деревне был рыбсовхоз, наши старики не прозевали, привозили возами соль в деревню. И нас, и партизан эта соль спасла от голода. В итоге мы связались с подпольем, из деревни выходить было категорически запрещено, так как в случае моей поимки я автоматически был бы объявлен партизаном. В итоге сделали мне документы, отправили в поселок за Симферополем менять пшеницу, к партизанам же просто так не попадешь, ясной дороги нет, нужно пароль знать, может, я шпион. Поэтому старики связались с партизанами, рассказали, как мне быть. Дали мне адрес подпольной организации в Симферополе, это был дом на ул. Кузнечной, 12. Там располагалась подпольная организация, которая отправит меня в лес. Я с товарищем пошел туда, тогда было такое положение, нельзя было ничего доверить даже родной матери, где-нибудь ляпнет, и все, мне плохо будет. Поэтому я ей ничего не говорил, в общем, мы пришли к моей тете в Симферополь, она больная лежит, я пошел туда, 2 ночи ночевал, уже пришли из леса, взяли меня. Там я принял присягу и начал участвовать в разведывательной работе 2-го отряда Северного соединения.

Какое в деревне сохранялось отношение к партии, Сталину?

- Поскольку мой дядя был академиком, я к Советской власти хорошо относился, несмотря на раскулачивание. И гордился, что колхоз носит имя Челюскина. Поэтому в любом случае я не пошел бы служить фашистам, ведь каким трудом дядя заработал себе имя, как я мог его подвести.

- Как формировались добровольческие формирования из крымских татар?

- Принудительно, это не секрет. Если не пойдешь, угрожали расстрелом, у нас такой отряд формировался в Генеральском поселке. И вот многие из деревни, чтобы не идти в добровольцы, пошли в партизаны.

- Как складывались взаимоотношения румын и немцев?

- Немцы к ним очень плохо относились, не уважали. Постоянно между ними возникали какие-то стычки.

- Как складывалась ситуация с питанием в оккупации?

- Кругом был голод, кто как искал еду, но все время было голодно.

- Куда Вас определили в отряде?

- Я был довольно сильный, молодой еще совсем, память отличная, поэтому меня определили заниматься разведкой. Я должен был в городе смотреть, где скопления немецких войск, техника, целыми днями сидел под кустами. Все запоминал и передавал в Симферопольскую подпольную организацию собранную информацию, партизаны по этим местам устраивали диверсии. Им подпольщики по радио сообщали, и особенно важную информацию после меня ходили, проверяли. И никогда у меня осечек не было.

- Какое у Вас было личное оружие?

- Мне ничего не выдали, я просто ходил, если бы меня поймали с оружием, то я сразу партизан. Поэтому я ходил и смотрел.

В итоге время хозяйничанья фашистов в Крыму подходило к концу, и немцы напоследок при отступлении хотели подорвать Симферополь, поднять в воздух все важные здания и объекты, особенно Аянское водохранилище. Также из Приветного до Алушты есть 5 мостов, все мосты немцы заминировали. Но наши уже подходили к городу, гнали немцев. В конце марта сколько было в симферопольском аэропорту бомб, чтобы они не пропали, немцы решили уничтожить наше северное соединение. Во время одного из визитов в партизанский отряд я был ранен в голову, причем очень сильно, и меня хотели отправлять на Кавказ самолетом, но я уперся, просил в Крыму оставить, немного оправился, начал потихоньку ходить, хотя глаз потерял. Поэтому меня оставили, и уже 11-12 апреля мы спустились из леса, немцы отступают. При этом отступлении наши партизаны уничтожили немецких поджигателей в городе, тем самым спасли Симферополь. И вот я пришел домой, – рана на голове; я ходил в пункт сбора партизан, где мне выдали справку, что я находился в Северном соединении, за подписью Ямпольского. Уже радостно, я дома, и 25-го апреля получили мы письмо от старшего брата, который пишет из Запорожья из м. Хортица: "Дорогая мама и брат. Вот скоро освободим Украину", и сразу после еще одно письмо от брата-матроса из Новороссийска. Поэтому в деревне наша семья была самая радостная: три сына живые, – хоть я и инвалид, но живой.

18 мая в 4.00 приходит кто-то, поднимается по лестнице, стучит в дверь и кричит: "Открывай!" Я подхожу к двери и говорю: "Ну, ведь 4.00 утра, дорогой, кто откроет?" Оттуда кричат: "Давай открывай! Мы свои!"

Я ответил: "Свои приходят днем, а не ночью". Признаюсь, я еще тогда боялся, что как партизана родственники полицаев меня могут попытаться подрезать, чтобы я не рассказал, кто, где служил, потому уперся, что не открою и все. Тогда они прикладом дверь выбили, входят двое: солдат со ст. лейтенантом, говорят, что нас выселять будут, мама в ответ письмо от старшего брата показывает, я справку даю. Они подумали и говорят, что есть постановление партии и правительства выслать всех крымских татар, я говорю: "Вы, наверное, по ошибке пришли, есть в деревне полицаи, есть добровольцы, есть помощники немцев. Идите туда. Вот я и брат мой". Начали скандалить, тогда их ст. лейтенант говорит: "Ты присягу принимал? Принимал, мы тоже принимали. Так что будешь сопротивляться - трибунал, лучше пожалей свою юность!" Спорили-спорили, в итоге вытолкнули нас и погрузили на машины, мы даже взять ничего не успели, что за 15 минут успеешь, мама взяла адреса братьев и я кое-чего из одежды. Привезли на вокзал, затолкали нас по товарным вагонам, и я думал, что татар будут расстреливать, потому я ничего не взял. И получилось все наоборот, те, чьи родственники служили немцам, они приготовили жареное, у всех курицы, вареное, запас заранее сделали, хлеба напекли полные мешки. Вот они по дороге не голодовали, а те, которые не сомневались в Советской власти, потом тяжело пришлось. И тогда я по-пластунски вышел из кольца, так, что даже охранявшие солдаты ничего не заметили. Пришел в свой дом, мама мне приготовила табак, кг 10, хотела меня в степные районы отправить, чтобы поменять табак на еду. Я знал, что он в сарае находился, искал его в спешке, опять голову ударил. В конце концов, взял табак и вернулся на станцию, там меня схватили солдаты, как это я мог уйти, туда-сюда, потом ст. лейтенант, который меня арестовал, пришел и спас меня, сказал солдатам: "Не трогайте его, он партизан!" Хотели у меня табак отнять, но снова ст. лейтенант не дал.

Этот табак нас по дороге спас, меняли его на продукты. В нашем вагоне три человека умерло, нас везли около 90 человек, битком набитый двухосный вагон. Мы ехали 19 дней, нас ничем не кормили, ели сырую картошку, что попадет, но вот на станциях, бывало, даже воды не давали, нарочно. И плохо то, что людям говорили, будто едут изменники Родины, поэтому нас камнями забрасывали. Ни врачей, ни медсестер также не было. Прибыли мы в Среднюю Азию, 2 дня отдохнули в бараках, и нас взяли на шахты, кто подходил. Я сам попросился на шахту, потому что на

простой работе давали 600 грамм хлеба, а на шахте 1,2 кг! Но меня не взяли, потому что глаз не видит. Но, в конце концов, я напросился у начальника, и он направил меня на шахты. И вот что характерно - в шахтах работаем, нас 2 года держали как заключенных, давали только 50% от той суммы, что мы заработаем. Кормили пайком. Я очень любил свою родину и мечтал все время попасть в Крым. И вот я устроился в Восточно-Кураминскую геологоразведочную экспедицию, проработал там 30 лет. За время работы был удостоен правительственных наград, в том числе: в 1973 г. орденом "Знак Почета", медалями "за доблестный труд", "Ветеран труда", "Ударник 9-й пятилетки", "Отличник разведки недр СССР" и многими почетными грамотами. Один раз моя буровая бригада досрочно за 3,5 года выполнила пятилетний план. И вот меня должны были наградить званием Героя Социалистического Труда, но как бывшему спецпереселенцу не дали. Я неоднократно обращался с просьбами о выделении жилплощади в г. Симферополе или любом другом городе Крыма, но получал одни отписки, хотя уже и руководство геологоразведочной экспедиции пыталось помочь.

Когда в 1991 г. появился указ, разрешающий нам вернуться на родину, я ни с кем не считался, родина это вторая мама. В Крыму как инвалид Отечественной войны встал на очередь, дали квартиру, сейчас, слава Богу, я обеспечен и пенсией, в настоящее время живу счастливым.

- Как сложилась судьба старшего брата?

- Он вернулся с фронта, мы с ним переписывались. Он обратился к своему полковому политруку: "Где моя семья?" А брат был членом партии, ведь им доверяли "Катюши". И политработник написал в Москву, ему пришел ответ: "На Ваше обращение отвечаем - переселение семьи Факидова С.У. - это была ошибка во время войны, после войны разберемся". Он прибыл к нам в Узбекскую ССР, обратился в партийные органы, но те не смогли помочь. Его вызывает комендатура для постановки на спецучет, полтора месяца он сопротивлялся, но, в конце концов, встал на учет. В конечном счете, он также вернулся на родину и умер в 2008 г. в Солнечногорске.

Воспоминания Сергея Валентиновича Ленского

С ЮК (Юрием Константиновичем) судьба свела меня более четверти века назад. При этом, поскольку ЮК сам нашел меня, можно считать, что он и был самой судьбой.

Первое, что меня поразило – это технологии, применяемые ЮК для работы с людьми. На моих глазах в СССР никто с людьми так не работал. Основным принципом работы с людьми по ЮК это презумпция доброты. Будучи сам глубоко добрым человеком, ЮК всех без исключения считает тоже добрыми людьми, пока они не докажут обратное. Я не видел ни разу, чтобы ЮК в ком-то был разочарован. Кредит доброты для каждого им никогда не оспаривался. Он всегда пропагандировал, что каждый наказывает себя сам. Иначе откуда возьмется справедливость. Прекрасная комбинация доброты и нейтральности. При этом включается режим высокой коммуникабельности, и человек довольно быстро сам себя проявляет. Строгий учет каждого, по принципу лучших картотек мира, и широкий склад ума позволяли ЮК безошибочно одновременно работать с широкими слоями различных представителей населения нашей необъятной родины в эпоху отсутствия интернета. Тщательный анализ и последующая классификация всех подтипов и прототипов архивировался в виде емкого резюме. В проявлениях людей идет постоянный поиск и идентификация смыслов, явных, скрытых и даже неосознанных. Ощущение зеркальной глади воды, но при взгляде в глубину захватывает дух. Идет постоянная организация жизнеспособных систем и сообществ, которые призваны решить определенные, отведенные им задачи. Человек рассматривается с точки зрения адекватности включения его в одну или несколько из таких систем. Создается ощущение приобщенности к сокровенным знаниям, некая нейтральность к предметам изучения. Один только список по памяти тех, с кем пришлось контактировать в СССР, очень ярко говорит о героях того времени (Свердловск – отдельная песня). С подачи ЮК жизнь приводит к таким замечательным людям, как Руал Гочичеладзе (изобретатель Катрэкса), Евгений Бобылев (изобретатель искусственного мумие), Попов (изобретатель "Изольды"), разбросанных по периферии Советского Союза. Не говоря уже о большом квитке царедворцев, управлявших тогда Москвой и страной.

Второе, что поразило, это отношение к настоящему. Характерная для ЮК высокая психологическая стрессоустойчивость позволяет промалывать огромный объем реальности. Обычному человеку обработать такой массив реальности в данную единицу времени не под силу. При этом реальность не такая, какая бы нам или кому-то хотелось, а такая как она есть в данный момент. На нее и надо реагировать.

Подобный принцип хорошо зарекомендовал себя в линейном программировании (известный как принцип Беллмана). Ситуация такова, какой она является, следующий шаг должен сдвинуть ее в нужном вам направлении. Заранее считается, что ничего неинтересного, что может произойти в реальности, не существует. Манипулятивное преобразование реальности в противовес организации жизнеспособных циклов. Быстрый отклик на любую просьбу. Через него проходят все основные нити окружающей реальности. ЮК постоянно держит руку на пульсе и отслеживает все процессы. Текущие события всегда под контролем. Если бы был хроникер, записывающий технологии управления хозяйствующими структурами на примере такой организации как «Урман», это составило бы солидный свод документов. Чего стоит, например, принцип кадровой перестройки «Наш корабль тонет, нас закрыла налоговая и все виды властей». На следующий день организация освобождалась от кадрового балласта по принципу несчастных животных бегущих с тонущего корабля, а оставшиеся продолжали благоденствовать дальше в сокращенном составе. Другими словами, какой же ты вор, если на тебе шапка не горит.

А третье – отношение к будущему. Сделай будущее таким, каким ты хочешь его видеть прямо сейчас и немедленно. И как говорят в Израиле: будущее это не то, что говорят гои, а то, что сделают евреи. Формирование и подготовка будущих событий достигается за счет присчитывания на несколько ходов вперед, с рассмотрением всех возможных вариантов развития. При этом предпочтение отдается не наиболее вероятному, а наиболее желательному. Полный антифатализм с элементами волевого предопределения. А будущее по ЮК гарантируется только жаждой жизни. Будет жажда, будет жизнь.

ЮК оправдывает свое отчество, за эти 25 лет он почти не изменился. Так и остался изящным романтиком уходящей эпохи.

кандидат медицинских наук
Сергей Валентинович Ленский

О друзьях (Ю. К. Худенский)

«Джырла!-дедиле тауларым», – так обращаются горы Западного Кавказа к своим поэтам-карачаевцам. Туда, в Домбай, еще в бытность мою свердловчанином, вывел меня профессор кафедры общей физики

УПИ Абрам Константинович Кикоин и оставил на долгие 15 лет, когда практически каждый год я возвращался на высокогорные склоны Теберды. Мы бывали с ним на разных высотах: пышущий здоровьем альпинист уходил в Приэльбрусье, а я по рекомендации врачей со своим больным сердцем оставался на Пионерской тропе за развалинами бывшего села Джамагат. Там среди журчащих ручьев моя семья общалась с великой поэтессой Халимат Байрамуковой (Кубановой). Она принимала нас не только в родных горах, но и в своей небольшой квартире в квартале новостроек Черкесска-столицы Республики Карачаево-Черкесии. Меня и жену Галину Искандеровну с дочкой поражала её скромность, она была не только любимейшей поэтессой своего народа, но и великим человеком, прошла на фронте все годы ВОВ, сопереживала скорбь своего безвинно депортированного народа и, как депутат, оказывала реальную помощь своим глубоко нуждающимся соплеменникам, а также способствовала созданию в республике промышленных предприятий, которые избавили народ от безработицы и нищеты. Халимат Башчиевна просила мою жену принять в наш харьковский дом на всё время обучения в ХАДИ (Харьковском автодорожном институте) юношу-инвалида, парализованного после того, как ребенком он заболел в ссылке полиомиелитом, Азрета Бостанова. Он прожил у нас пять лет м принес в наш поэтический дом дружбу со своим дядей Альбертом Батчаевым, ныне всемирно известным поэтом-переводчиком, который осуществил в течение жизни перевод всего сохранившегося наследия Величайшего Омара Хайама на карачаевский язык. Его перевод был высоко оценен тюркологами Москвы и Петербурга и дважды издан в РФ. Нам этот творческий подвиг Альберта Мусаевича особенно понятен, так как всю жизнь мой отец полковник-инженер К. В. Худенский посвятил переводу на русский язык полного собрания классика украинской литературы Ивана Петровича Котляревского, который получил высокую оценку в РФ и дважды стараниями моего сына были изданы в Екатеринбурге, где живет теперь наша семья. Должен сказать, что в дом Халимат Башчиевны Байрамуковой мы попали в те далекие 60-е годы прошлого столетия по рекомендации замечательной украинской поэтессы Тамары Коломиец, стихотворение которой хочу привести тут:

И всё ж у соловья прекрасна смерть.
Он разом поперхнется песней спетой,

В траву ночную упадет кометой,
И звездная погаснет круговерть.
Качнется вслед ему осиротелый лист,
Слезой осыплет он бесчувственного птаха
Зашелестит без ветра, трепеща от страха,
Но ночь разбудит соловьиный свист.
А в чьем-то сердце колокольный звон
Пожизненным повторит эхом стон.

Перевод с украинского Юрия Константиновича Худенского-Штейна.

От семьи Шубиных

Однажды ночью в нашей квартире раздался телефонный звонок. Звонивший представился – Юрий Константинович Штейн. Весьма необычное начало знакомства для кого угодно, только не для Юрия Константиновича. Причина ночного звонка оказалась уважительной – Юрий Константинович только что выслушал восторженные отзывы из Вены по поводу концерта в Русском доме, где екатеринбурженки Яна Чабан и Елизавета Шубина поразили искушенную публику исполнением русских романсов. Венский собеседник расспрашивал Юрия Константиновича об артистках, но тот – увы! – не знал ничего.

Итак, длинный ночной разговор о творчестве Яны и Лизы положил начало нашему знакомству. Сразу же выяснилось, что Юрий Константинович лично знаком с выдающимся советским биофизиком и самобытным композитором Симоном Шуриным, несколько романсов которого артистки включили в программу концерта в Вене.

Разумеется, на первом же концерте Яны и Лизы в Екатеринбурге Юрий Константинович был одним из почетных гостей и после концерта пополнил армию их преданных поклонников.

По мере нашего общения круг общих знакомых и общих интересов расширялся. Так, после вопроса Юрия Константиновича о мюзикле «Звуки музыки» и нашего ответа о семейном обожании оного, следует мгновенное продолжение – рассказ о выдающемся австрийском ученом, общественном и политическом деятеле академике Винтере. Его будущая супруга Иоганна фон Трапп происходила из той самой «поющей семьи фон Трапп» с их семейной музыкальной историей, вдохновившей создателей мюзикла «Звуки музыки». И вскоре мы дружно смотрим

фильм путешественника-документалиста из Екатеринбурга Андрея Матюхина об Австрии и академике Винтере. Тут же выясняется, что академик Винтер и наш дорогой Штейн давно знакомы и дружны. Часто рассказывает Юрий Константинович о семье Винтер, об их жизнерадостном обаянии и жизнестойкости.

Оказалось, что профессиональные интересы Лизы лежат в сфере австрийской и немецкой культуры и музыки, что она исполняет вариации Гольдберга, сюиты и даже два тома «Хорошо темперированного клавира» И. С. Баха. Юрий Константинович стал одним из благодарнейших слушателей этого достаточно необычного и редко исполняемого в нашем городе репертуара. Совместный интерес к камерному исполнительству, вокальной камерной музыке Шуберта, Вольфа и Брамса, симфонической музыке Гайдна, Моцарта, Бетховена, Малера, Рихарда Штрауса сделали наше общение еще более глубоким и содержательным.

Ежегодное наслаждение 1 января концертами Венского филармонического оркестра, транслируемыми телевидением из золотого зала Венского музыкального общества, и последующее обсуждение стало нашей хорошей традицией.

В настоящие праздники превратились для горожан мероприятия Австрийского культурного центра и почетного консульства Австрии в Екатеринбурге. Два концерта – Венского филармонического оркестра и группы музыкантов этого оркестра – явили образцы высокого венского музыкального и культурного стиля. Фестиваль австрийских музыкальных фильмов имел оглушительный успех. Конечно, Юрий Константинович присутствовал в зале и разделил восторг своих многочисленных друзей. Каким счастьем светились его глаза!

Невозможно описать разнообразные темы личного, телефонного и интернетобщения. Это история и техника, политика и экономика, культура, литература и музыка…

Благодаря энциклопедическим знаниям и юмору, пытливому любознательному уму и жизненному опыту, оптимизму и самоиронии, присущим Юрию Константиновичу, общение с ним превращается в подлинное пиршество духа. Мы восхищаемся и наслаждаемся глубокой мудростью и просветленностью молодой души этого необычного человека.

От Валерия Алексеевича Волчанского-Руруа

Внимательно, с размышлениями прочел Вашу биографию, и с интересом рассмотрел фотографии академика и лика с плащаницы. Сходство разительное, несмотря на разницу в возрасте. О научной стороне Вашей работы могу судить лишь с поверхностных позиций, поскольку слабо осведомлен в этих проблемах. Другая же информация, не скажу, что повергла меня в шок, но раскрыла мне глаза, они, правда и так были открыты, но она раскрыла их пошире... Я еще раз утвердился в правильности написанногоьо Вашем духовном совершенствовании на пути к просветлению... Но ни о чем не жалею и не сокрушаюсь. Не рисую цепочки, что могло бы произойти и кем, где я бы был сейчас, если бы внял Вашим советам или принял те или иные предложения... Как можно жалеть о том, что происходит не по нашей воле. Знать не созрел еще. На мою позицию относительно происходящего вокруг, роли тех или иных сил в этом мире ничто не влияет (это в дополнение к двум предыдущим письмам в контексте написанного во 2 части биографии). Расшифровывать не буду, Вы меня поймете. Я всегда чувствовал проверочные ситуации относительно меня, и они удивляли и коробили. Порождали внутренний протест, поскольку были направлены на то, чего у меня нет и не было. Так было и в 1997 г., когда Вы дали мне прочесть факс от академика, в котором он нелестно отзывался о деятельности Н (не помню его фамилии), а на следующий день тот пригласил меня к себе и дал прочесть факс от академика, где нелестная оценка давалась мне. Извините, что напоминаю те события. Но, что было, то прошло. Спасибо Вам за преподанные мне уроки! Спасибо! Искренне Ваш, ВА

Просветленный

В виде тоста. Валерий Алексеевич Волчанский-Руруа, г. Бишкек

Именно таким является для меня Юрий Константинович. Просветленный, достигший наивысшего уровня духовного совершенствования. С богатым жизненным опытом. Открытый для всех. С энциклопедическими знаниями. Всегда готовый придти на помощь, дать дельный совет… Учитель, который появится, когда будет готов ученик.

Одаренность, энциклопедические знания способствуют его свободному общению с людьми различных возрастов, разнообразных профессий. Они как бы сами собираются вокруг него. Его интеллект притягивает. Будь то ученый-конфликтолог, экономист, теоретик катастроф, физик, музыкант, бизнесмен, финансист, теософ, медик, менеджер, богослов… Можно перечислять до бесконечности, но главным будет то, что со всеми ними он будет говорить на их профессиональном языке, они будут интересны друг другу.

Широчайший круг общения позволяет Юрию Константиновичу влиять на окружающих: ненавязчиво, с учетом готовности индивида, выводить того на путь духовного совершенствования. Так, наверное, и должен поступать настоящий гуру: помогать человеку реализовать свое предназначение на этом жизненном пути, достичь просветления. Кто-то понимает сразу и начинает сам к этому стремиться. Другой же идет по жизни не задумываясь, не видя цели всех стараний Юрия Константиновича, не понимая, что он – возможный его учитель. И в этой ипостаси учителя он действует ненавязчиво, влияя на эрудицию своего визави, создавая ситуации, в которых бы тот раскрыл свои качества и способности, проявил готовность стать его духовным учеником. Юрий Константинович терпеливо может ждать данного момента, не оставляя такого человека без своего внимания.

Бескорыстие, служение высшей цели – вот, думаю, основа жизненной позиции Юрия Константиновича.

В 90-х годах одна из екатеринбургских газет напечатала обширный материал о Юрии Константиновиче. Статья начиналась описанием того, как он умирал… Через несколько дней после выхода номера газеты встретились два известных человека (не буду называть их фамилий),

один из которых прочел этот материал и понял, что Юрий Константинович скончался, другой же этой газеты не видал, но разговаривал с ним накануне. Каким ударом для него было сообщение о «смерти» Ю. К. Штейна. Собрались идти к его супруге с соболезнованиями и тут выяснилась вся картина произошедшего.

Так пусть же все сообщения о Вашей кончине, уважаемый Юрий Константинович, будут ложными!

За Ваше здоровье!

За Вашу мудрость!

Исторический очерк

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ
СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

Юрий Константинович Худенский (Штейн)

Редактор Наталия Юрьевна Алексеева

Компьютерная верстка
А. В. Ищенко

Подписано к печати 25.04.2011 Формат 60x80 $^{1}/_{16}$
Бумага типографская Плоская печать Усл. печ. л. 9,1
Уч. изд. л. 8,7 Тираж 40 Заказ

ISBN

ООО «Издательство УМЦ-УПИ»
620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а